

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРИТЕТ имени В.И. Вернадского»

На правах рукописи

Ровенчак Оксана Игоревна

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА**

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:

Никитина Марина Геннадиевна
доктор экономических наук,
доктор географических наук, профессор

Симферополь – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические основы динамики фрагментированного экономического пространства макрорегиона	15
1.1 Макрорегион как самоорганизующаяся система в условиях фрагментации экономического пространства	15
1.2 Динамика трансформационных процессов структуризации экономического пространства региона	36
1.3 Циклическая реконфигурация хозяйственных связей фрагментированного пространства макрорегиона	54
Глава 2 Диагностика фрагментации и инструменты региональной политики Южного макрорегиона	72
2.1 Структурно-функциональное состояние региональной фрагментации экономического пространства Южного макрорегиона	72
2.2 Диагностика устойчивости хозяйственных связей макрорегиона	89
2.3 Региональная политика Южного макрорегиона: проблемы фрагментации и инструменты взаимодействия.....	114
Глава 3 Формирование и трансформационная роль драйверов развития в экономическом пространстве Южного макрорегиона	130
3.1 Практические особенности формирования драйверов развития экономического пространства макрорегиона	130
3.2 Роль драйверов развития в трансформации экономического пространства	142
3.3 Программно-сетевой механизм трансформации ОЭЗ в активные ядра пространственной кристаллизации.....	162
Заключение.....	183

Список использованных источников.....	186
Приложение А Формы пространственной структурной организации территории в Российской Федерации	219
Приложение Б Четырехфазная циклическая модель развития фрагментации хозяйственных связей макрорегиона.....	221
Приложение В Методика анализа показателей фрагментации хозяйственных связей экономического пространства.....	222
Приложение Г Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона.....	230
Приложение Д Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона.....	233
Приложение Е Оценка влияния микро- и макрофакторов на показатели эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2022г..	237
Приложение Ж Оценка влияния микро- и макрофакторов на показатели операционной и валовой рентабельности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2018-2023гг....	243
Приложение И Система индексов для динамического управления фрагментацией хозяйственных связей экономического пространства.....	255
Приложение К Практические рекомендации по совершенствованию региональной политики трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона.....	258
Приложение Л Справки о внедрении результатов исследования.....	262

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом теоретических вызовов и практических потребностей, связанных с трансформацией пространственной организации экономики России. В условиях перехода от традиционной модели «центр-периферия» к поликентричной системе макрорегионов возникает методологический дефицит в инструментах управления, способных эффективно работать с нелинейной динамикой развития. Особую значимость этот вопрос приобретает в контексте Южного макрорегиона, характеризующегося значительной внутренней дифференциацией и одновременно высоким интеграционным потенциалом.

Современная региональная экономика сталкивается с необходимостью переосмыслиния феномена фрагментации. Если в существующих научных подходах она преимущественно рассматривается как деструктивный фактор, препятствующий устойчивому развитию, то практика демонстрирует, что фрагментация может выступать закономерной фазой пространственной реорганизации, что создает теоретический пробел в понимании циклической природы развития экономического пространства и механизмов трансформации фрагментации из источника дисбалансов в ресурс синergии.

С методологической точки зрения, актуальность исследования определяется отсутствием комплексных инструментов диагностики и управления, учитывающих фазовую природу пространственного развития. Существующие методы оценки регионального развития часто ограничиваются статическими показателями, не отражающими способность экономических систем к адаптивной реконфигурации связей в условиях внешних вызовов. Разработка инструментария, измеряющего резильентность макрорегиона через интегральные показатели, представляет значительный научный интерес.

Практическая актуальность работы обусловлена потребностями органов регионального управления в современных механизмах пространственного развития. Неэффективность универсальных подходов к регионам, находящимся на разных стадиях развития, требует создания региональной политики, обеспечивающей синхронизацию управленческих воздействий с внутренней логикой самоорганизации экономического пространства.

Таким образом, исследование восполняет важный научный пробел, предлагая системное решение проблемы трансформации хозяйственных связей через управляемое использование региональной фрагментации как стратегического ресурса развития.

Степень разработанности проблемы. Существенный вклад в изучение региональных проблем внесли советские ученые Н. Н. Некрасов, Н. Н. Колсовский, Н. Н. Баранский, Я. Г. Фейгин, А. Г. Гранберг, Е. Е. Лейзерович, В. П. Семёнов-Тян-Шанский, А. Н. Челинцев, Г. М. Кржижановский, А. В. Чаянов, Г. М. Лаппо.

Вопросам пространственной формы организации территорий, через анализ фрагментации не только как проблемы, но и как потенциального ресурса для формирования сетевых структур и повышения адаптивности региональных систем, а также раскрытие ее особенностей как следствия неравномерности развития, институциональных барьеров и дифференциации ресурсного потенциала посвящены работы В. В. Акбердиной, Д. Н. Баранова, Л. Л. Зобовой, В. А. Шабашева, А. В. Белоусовой, П. А. Минакира, Е. Г. Анимицы, А. Н. Демьяненко, Ю. Г. Лавриковой, В. Н. Лексина, Ю. Г. Саушкина, О. С. Сухарева, В. Л. Абашкина, А. И. Татаркина, И. В. Манаевой, Л. Н. Ивановой. Дополнительно в исследованиях рассматриваются программно-целевые и сетевые механизмы координации хозяйственных связей в условиях неоднородности пространства. Большое значение в исследовании регионов имеют работы Э. Б. Алæева, Ю. Н. Гладкого, В. И. Суслова, М. Г. Никитиной, В. В. Климанова, Е. В. Смерницкой, А. В. Зюзина, О. А. Демидовой.

Представителями зарубежной школы изучения процессов регионализации являются И. фон Тюнен, В. Кристаллер, А. Леш, У. Алонсо, У. Айзард, П. Хаггет, Э. Хекшер, Б. Олин, Г. Мюрдаль, Т. Хагерстранд, Э. Хувер, Р. Вернон, М. Сторпер, Э. Маркусен, Р. Салайс, Ф. Перру, П. Потье, Х. Ричардсон. В их работах исследование фрагментации осуществляется с позиций агломерационных процессов, способствующих как обособлению, так и усилению взаимодействия между узлами роста.

Современные публикации, посвященные проблемам региональной политики, принадлежат авторству М. Бухолса, Х. Бателта, Д. Чена, Ж. Бао, Ю. Ли, И. Ян, Г. Гуилиано, М. Драбенштотта, С. Салотти, в которых отражается опыт управления фрагментированными территориями через программы территориального сотрудничества.

Анализ научной литературы выявил, что несмотря на значительный объем исследований, посвященных фрагментации как дезинтегрирующему фактору, агломерационному развитию Юга России, общим вопросам пространственного планирования, остаются недостаточно изученными: механизмы преобразования фрагментации из угрозы в ресурс сетевой синергии; динамико-сетевые модели трансформации хозяйственных связей на макрорегиональном уровне, особенно в контексте Южного макрорегиона, что подтверждает актуальность и новизну исследования, направленного на разработку модели, превращающей фрагментацию в источник устойчивого развития и сетевой синергии.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в разработке модели трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона, с учетом региональной фрагментации в качестве ресурса обеспечения сетевой синергии и его устойчивости.

Достижение цели определило постановку **задач исследования:**

- 1) разработать концептуальную модель трансформации хозяйственных связей с учетом фрагментации в макрорегионе;
- 2) сформулировать динамико-сетевой подход структуризации экономического пространства макрорегиона;

- 3) обосновать циклическую модель развития фрагментации хозяйственных связей макрорегиона;
- 4) разработать инструментарий диагностики устойчивости хозяйственных связей макрорегиона;
- 5) выявить роль драйверов развития как ядер пространственной кристаллизации;
- 6) предложить программно-сетевой механизм трансформации хозяйственных связей макрорегиона.

Объектом исследования являются процессы трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона в условиях развития экономического пространства.

Предметом исследования выступает инструментарий программно-сетевого механизма региональной фрагментации экономического пространства, обеспечивающий трансформацию хозяйственных связей в кросс-региональное взаимодействие.

Соответствие паспорту научной специальности. Область исследования соответствует паспорту специальности ВАК РФ 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика: п. 1.6. Мониторинг социально-экономического развития регионов. Региональная экономическая динамика; 1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов).

Гипотеза научного исследования базируется на том, что региональная фрагментация экономического пространства Южного макрорегиона, будучи закономерной фазой циклического развития, служит механизмом функциональной трансформации через кросс-региональное взаимодействие хозяйственных связей между акторами, что обеспечивает переход от деструктивной раздробленности к конструктивной синергии и устойчивости в условиях сетевой экономики.

Научная новизна результатов исследования состоит в разработке теоретических и методических положений научно-практического инструментария программно-сетевого механизма трансформации хозяйственных связей макрорегиона на основе динамико-сетевого подхода структуризации экономического пространства с учетом региональной фрагментации,

обеспечивающей сбалансированное экономическое развитие в условиях внешних вызовов.

Наиболее значимые результаты, обладающие научной новизной:

1) разработана концептуальная модель трансформации хозяйственных связей как проявление парадокса Гранберга, при котором максимальная пространственная фрагментация стимулирует интеграцию через взаимодополняемость различий, где важными элементами выступают: фрагментация как структурный ресурс, инструмент управления различиями посредством механизма «кросс-региональной пересборки» и принцип комплементарности экономических различий с целью сетевой синергии, что позволило предложить принципиально новый подход к динамическому развитию макрорегиона, использующий интегративный потенциал различий территорий (п. 1.6 паспорта специальности ВАК РФ 5.2.3; гл. 1, § 1.1);

2) сформулирован и обоснован динамико-сетевой подход к структуризации экономического пространства макрорегиона. Его ядро составляет механизм «кросс-региональной пересборки», реализуемый через консорциумы, платформы, специализированные институты и циклическое планирование, что позволяет трансформировать региональные различия из источника раздробленности в фактор синергии. Данный подход лег в основу разработки алгоритма управленческих действий («управляемая сборка»), направленного на переход от деструктивной раздробленности к конструктивной поликентричной системе (п. 1.6 паспорта специальности ВАК РФ 5.2.3; гл. 1, § 1.2);

3) обоснована четырехфазная циклическая модель развития фрагментации хозяйственных связей макрорегиона (фрагментация → интеграция → экосистема → устойчивость), где каждая фаза диагностируется и имеет 3 уровня зрелости, а переход между фазами инициируется технологическими / рыночными дифференциациями. Данная модель, в свою очередь, позволила провести оценку структурно-функционального состояния региональной фрагментации экономического пространства отдельного макрорегиона и эффективности региональной политики его субъектов с позиций проблем фрагментации и

инструментов взаимодействия в контексте выявленной фазовой неоднородности (п. 1.6, п. 1.11 паспорта специальности ВАК РФ 5.2.3; гл. 1, § 1.3, гл. 2, § 2.1);

4) разработан и апробирован инструментарий диагностики устойчивости – индекс резильентности – на основе системы показателей ННІ и EG, измеряющий способность макрорегиона к реконфигурации хозяйственных связей при внешних вызовах, что, в свою очередь, позволило обосновать необходимость строго фазозависимого применения инструментов «управляемой сборки» для каждого типа выявленных траекторий, что направлено на достижение динамической адаптивности и увеличение скорости восстановления после кризисов (п. 1.6, п. 1.11 паспорта специальности ВАК РФ 5.2.3; гл. 2, § 2.2, 2.3);

5) выявлена роль драйверов развития в качестве ядер пространственной кристаллизации и предложена их шеститиповая классификация (государственные институты, ТНК, кластеры, инфраструктура, агломерации, финансовые институты). Это позволило определить их системообразующие функции как инициатора процессов «управляемой сборки» и катализатора фазовых переходов, а также выявить порождаемые ими системные риски «деструктивной фрагментации». На данной основе сформулированы принципы отбора и оценки эффективности инструментов регионального развития, нацеленных на стимулирование кросс-регионального взаимодействия (п. 1.6, п. 1.11 паспорта специальности ВАК РФ 5.2.3; гл. 3, § 3.1, 3.2.);

6) предложен программно-сетевой механизм трансформации хозяйственных связей экономического пространства макрорегиона, основанный на принципах цикличной эволюции, адаптивной резильентности и функциональной комплементарности. Механизм включает комплекс функционально-адаптивных инструментов региональной политики (сценарно-функциональные льготы, револьверное кредитование, «институциональные часы»), ориентированных на активизацию кросс-регионального взаимодействия через особые экономические зоны. Его применение позволило провести сценирование развития макрорегиона с учетом фазозависимого управления, разработав консервативный, инновационный

и форсированный сценарии (п. 1.6, п. 1.11 паспорта специальности ВАК РФ 5.2.3; гл. 3, § 3.2, 3.3).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о региональной фрагментации, которая рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах: 1) как объективный процесс-состояние (закономерная фаза цикла) и 2) как потенциальный ресурс-инструмент для обеспечения устойчивости макрорегиона. Исследование позволило, с одной стороны, дополнить теории пространственного развития и региональной экономики анализом механизмов трансформации хозяйственных связей в этой фазе. С другой стороны, развиты положения теорий сетевой экономики и синергетики: обоснован парадокс Гранберга и показан переход от дезинтеграции к поликентричной синергии путем стратегического использования возможностей, открываемых фрагментацией. Для этого предложены концептуальная модель, циклическая фазовая схема и динамико-сетевой подход, которые углубляют теоретико-методологическую базу. Их инструментарий включает механизмы «кросс-региональной пересборки» и фазозависимой диагностики, что позволяет на практике управлять динамикой фрагментации, переводя ее из состояния угрозы в ресурс развития.

Практическая значимость исследования заключается в совершенствовании программного механизма развития хозяйственных связей Южного макрорегиона, применяемого органами регионального управления для улучшения эффективности экономического пространства, а также в предложении перспективных направлений развития ЮФО, уточнении принципов, задач и приоритетов региональной политики, дополняемых важными инструментами, способствующими повышению уровня отраслевой специализации в целях обеспечения саморазвития макрорегиона. Положения работы приняты к внедрению Министерством экономического развития Республики Крым (справка от 09.04.2025 г. № 04/829), Союзом «Торгово-промышленная палата Республики Крым» (справка от 21.03.2025 г. № И-1989-025) и Фондом поддержки предпринимательства Крыма (справка от 18.11.2025 г. № 02-06/1322).

Теоретико-методологическая база исследования сформирована фундаментальными и современными трудами отечественных и зарубежных ученых в области региональной экономики, закономерностей пространственного развития и управления территориями. Работа опирается на классические теории локализации и пространственного размещения, региональной специализации и межрегиональной торговли, экономического районирования и регионального капитала, концепции формирования национальных драйверов экономического развития, а также критический анализ мирового опыта.

Информационно-эмпирическая база исследования состоит в использовании официальных данных Федеральной службы государственной статистики и Федеральной налоговой службы, местных органов самоуправления, нормативно-правовых актов региональных и федеральных органов законодательной власти, атласов, энциклопедий, статей, монографий и прочих научных материалов, содержащих информацию по региональной экономике, фрагментации экономического пространства, территориальной дифференциации и хозяйственных связях. С помощью сервиса сайтов «Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности», «Прозрачный бизнес», «Эксперт», «Интерфакс», «РИА новости», «HeadHunter», «List-org» была собрана информация о финансово-экономической деятельности предприятий Южного макрорегиона.

Методология и методы исследования. Методологическую основу составляет системный анализ, позволивший исследовать макрорегион как целостную, но фрагментированную самоорганизующуюся систему. Динамико-сетевой подход выступил ключевым инструментом для структуризации экономического пространства и моделирования трансформации хозяйственных связей. Для диагностики faz развития и измерения устойчивости связей применялся индексный метод, а также методы экономико-статистического анализа. Сравнительный и ретроспективный анализ использован для выявления закономерностей циклической эволюции пространства и критической оценки существующих инструментов региональной политики. Методы научной

абстракции, анализа и синтеза были применены для разработки концептуальной модели и теоретического обоснования парадокса Гранберга. Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить достоверность проведенного исследования, валидность диагностического инструментария и практическую значимость разработанного программно-сетевого механизма.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Доказано, что региональная пространственная фрагментация, вопреки традиционным подходам, представляет собой не дисбаланс для преодоления, а стратегический ресурс развития (парадокс Гранберга). Разработанная концептуальная модель трансформации хозяйственных связей реализует данный парадокс через механизм «кросс-региональной пересборки» комплементарных «экономических островов», что обеспечивает переход к фазозависимому управлению и формированию самоорганизующейся поликентричной системы. Модель устанавливает принципиально новую логику пространственного развития – от борьбы с дисбалансами к их целенаправленной трансформации в сетевую синергию через проектирование функциональных связей между субъектами экономического пространства.

2. Динамико-сетевой подход представляет собой не систему статичного анализа, а операционный механизм трансформации («управляемая сборка»), который, в отличие от традиционных методов, целенаправленно использует региональную фрагментацию как исходный материал. Посредством механизма «кросс-региональной пересборки» он обеспечивает создание адаптивных сетевых структур и их синхронизацию с фазой циклического развития макрорегиона, что предполагает активное построение гибких сетевых институций (консорциумы, платформы), обеспечивающих непрерывную реконфигурацию хозяйственных связей.

3. Циклическая модель развития фрагментации хозяйственных связей, инициируемая объективными технологическими и рыночными дифференциациями, включает трехуровневую градацию зрелости каждой фазы, что демонстрирует отказ от линейного прогресса в пользу управляемой

цикличности, где каждая фаза предстает как закономерный этап пространственной реорганизации со специфическими инструментами кросс-регионального взаимодействия. Диагностика на основе индексов ННІ и ЕГ обеспечивает мониторинг для фазозависимого управления, связывая динамическую адаптивность с циклической эволюцией экономического пространства.

4. Разработанный индекс резильентности на основе ННІ и ЕГ преодолевает методологическую лакуну между скоростью восстановления и способностью к реконфигурации, реализуя принцип адаптивной резильентности и обеспечивая тем самым переход к фазозависимому управлению экономическим пространством в условиях внешних вызовов. Данный индекс переводит понятие устойчивости из качественной категории в количественный критерий эффективности региональной политики, ориентированный на минимизацию времени и затрат на восстановление хозяйственных связей через управляемую «кросс-региональную пересборку» сетевых организационных конфигураций.

5. Драйверы развития должны рассматриваться не как изолированные точки роста, а как активные ядра пространственной кристаллизации (интеграционные хабы). Основная функция выявленных типов драйверов (государственные институты, ТНК, кластеры и др.) заключается в целенаправленном формировании каркаса функциональных связей через механизм «кросс-региональной пересборки», что обеспечивает переход от точечного роста к системной трансформации пространственной организации макрорегиона. Соответственно, их эффективность должна оцениваться не по локальным показателям, а по новой системе критериев, измеряющих способность генерировать сетевые эффекты и обеспечивать циклическую эволюцию экономического пространства.

6. Разработанный программно-сетевой механизм, основанный на принципах цикличности, резильентности и комплементарности, обеспечивает фазозависимое управление через комплекс адаптивных инструментов (сценарно-функциональные льготы, револьверное кредитование, «институциональные часы»), синхронизированных с циклической эволюцией пространства. Реализация данного механизма преодолевает главные ограничения традиционных инструментов

(статичность и изолированность ОЭЗ) и обеспечивает переход от точечного стимулирования к сетевому взаимодействию, активизируя «кросс-региональную пересборку» для формирования новых цепочек добавленной стоимости и достижения синергетического эффекта в масштабах всего экономического пространства.

Степень достоверности результатов исследования. Обоснованность и достоверность полученных в ходе работы научных выводов определяются использованием теоретико-методологической базы, представленной в отечественной и зарубежной профильной литературе, а также эмпирической информацией и данными, полученными из официальных источников.

Апробация основных результатов диссертации. Важнейшие положения и результаты диссертации были представлены на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, в том числе «Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве» (Симферополь, 2022 г.), «Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2024 г.) и др. Отдельные положения работы используются в учебном процессе Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (справка от 28.05.2025 г. № 12/12-10/241).

Публикации. Основные результаты исследования отражены в 16 научных работах общим объемом 7,39 п. л., в том числе авторских – 5,66 п. л., из них 8 опубликованы в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ (5,92 п. л., в т. ч. авт. – 4,46 п. л.); 8 публикаций в прочих изданиях (1,47 п. л., в т. ч. авт. – 1,20 п. л.).

Структура и объем работы. Диссертация объемом 267 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 209 источников, 10 приложений. Основной текст изложен на 185 страницах, включая 14 таблиц и 16 рисунков.

Глава 1 Теоретические основы динамики фрагментированного экономического пространства макрорегиона

1.1 Макрорегион как самоорганизующаяся система в условиях фрагментации экономического пространства

Современные процессы трансформации макроэкономических связей характеризуются региональной фрагментацией экономического пространства. С появлением новых научных методов исследования регионов понятие фрагментации и его трактование с каждым годом расширяется и дополняется. Государственная политика Российской Федерации предусматривает значительную роль регионализации в системе расселения и территориальном размещении производства, что влечет за собой необходимость дополнительных теоретических и практических исследований организации и управления социо-пространственными и экономическими системами.

Территориальная организация культурной, экономической и политической деятельности привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Исследованиям фактора регионализации экономического пространства в экономической истории посвящены труды И. Тюнена, А. Вебера, В. Кристаллера, А. Леша, У. Алонсо, У. Айзарда, П. Хаггета и других представителей западноевропейской и американской научных школ.

Автором проведена систематизация взглядов представителей западноевропейской и американской научных школ на процесс регионализации (таблица 1.1) [119].

Таблица 1.1 – Взгляды на регионализацию представителей западноевропейской и американской экономической и географической школ

Автор	Основные взгляды
И. фон Тюнен	Исследовал теории локализации и предложил пространственную модель экономики, характеризующую роль территории и расстояния. Идея закрытой экономики стала фундаментом в теории колец. Он предлагал вокруг центрального города создавать экономические пояса, где каждый пропорционально удаленности от центра приносил бы прибыль.
А. Вебер	Создал теорию промышленного фактора размещения. Идея заключалась в взаимосвязи причин размещения производственного предприятия. По его мнению, ключевыми факторами расположения предприятия были транспортные расходы, расходы на оплату труда, объединение населенных пунктов.
В. Кристаллер	Разработал теории размещения населенных пунктов в экономическом пространстве и сформировал представление о расселении на территории. Автор дифференцировал экономические торговые центры, указав что самые необходимые товары будут продаваться в каждом населенном пункте, одежда и бытовые услуги – в более крупных населенных пунктах, предметы роскоши – в крупных.
А. Леш	Автор концепции экономического ландшафта. Сеть экономических районов образуют предприятия разного уровня. Основанием пространственного развития экономики стала модель самоорганизации общества на определенной территории с установлением рыночных отношений.
У. Алонсо	Основатель идеи модели рынка земли, где главный фактор прибыли – удаленность офиса, магазина от центра города. Фактор освоенности земли помогает привлечь квалифицированную рабочую силу и приблизиться к месторасположению природных ресурсов.
У. Айзард	Указывал, что общество находится в дисгармонии и стремится к идеальному равновесию, но сбивается из-за перемен. Регионы также являются не менее переменчивым организмом. Границающие регионы, благодаря развитию транспорта, развиваются межрегиональную торговлю и кооперацию производства. Специализация городов-районов в производстве определенных продуктов основывается на владении подходящими ресурсами для выпуска продукции. С внедрением повсеместного использования сырья для производственного процесса в зональных схемах приводит к иерархическому изменению регионов с последующим их укрупнением.
П. Хагет	В пространственной экономике используется картографирование для разработки методов масштабирования, которое показывают расположение мест на относительном расстояния друг от друга. Карта некоторых городов Тихого океана показывает пространственно-временную метрику регулярных рейсов авиакомпаний. С сокращением времени по техническим причинам карта пространственной экономики будет соответственно изменяться. Могут быть созданы пространственные экономические атласы с указанием региональных особенностей. Этому способствует выведение спутников на орбиты с возможностью отслеживания изменения всех экономических региональных процессов на планете. Атласы с пространственно-временной метрикой будут полезны и в частном, и в государственном секторе экономики.

Источник: составлено автором по материалам [94; 150; 173; 178; 186; 190; 192]

В содержание понятия регионализация включают процесс формирования региона под влиянием множества факторов при определенных условиях. Характерной чертой современного регионализма является направление вектора развития регионов на макроэкономический уровень [89], а также формированием нового геоэкономического центра в Евразии [86].

Теоретические подходы обосновывают интеграционный характер регионализации [90]. Рациональное использование ресурсов способствует росту уровня жизни, укреплению хозяйственных связей и социальной стабилизации. Однако неравномерное распределение ресурсов и интенсивность торговли формируют неоднородное пространство, где высокоразвитые территории соседствуют с депрессивными.

Научные школы трактуют «фрагментацию» по-разному. Один подход рассматривает её как процесс дезинтеграции, ведущий к дивергенции регионов и ослаблению межрегиональных связей [15]. Другой, по А. Н. Азрилияну, определяет фрагментацию как «выделение отдельных составляющих-фрагментов в чем-либо непрерывном или целном» [16]. Данное наблюдение позволяет предположить, что фрагментация – закономерность развития, при которой инфраструктурные центры притягивают ресурсы, вызывая их отток с других территорий. На основе этого выдвигается гипотеза: региональная фрагментация экономического пространства влияет на трансформацию хозяйственных связей макрорегиона. Результатом межрегионального распределения (перераспределения) ресурсов становится дивергенция регионов [120].

Необходимо констатировать то, что региональная фрагментация имеет противоречивый характер. Способствуя положительной экономической поляризации, она вызывает риски разобщения территорий и утраты экономических связей.

Признаки фрагментации регионов – ослабление межрегиональных связей и рост различий в их экономических показателях [74]. Её последствиями становятся территориальная диспропорция, социально-экономическое неравенство, разрозненность правового регулирования и нестабильность системы. Ослабление

связей дестабилизирует ситуацию и негативно влияет на использование ресурсов [65]. Отечественные учёные профессор В. Н. Лексин и академик РАН Б. Н. Порфириев исследуют правовые аспекты фрагментации, отмечая, что установление статусных асимметрий и особых правовых режимов способствует ей. Субъектами асимметрий являются федеральные, военные и судебные округа. Законодательство РФ также предусматривает фрагментацию через формирование «точек роста».

Например, ФЗ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» определяет особый правовой статус технико-внедренческих, промышленно-производственных, туристско-рекреационных и портовых особых экономических зон, ФЗ от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает в особых экономических зонах правовой режим государственной поддержки резидентов для развития социально-экономически отстающих регионов. ФЗ от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», ФЗ от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» уточняют перечень и правовой режим создания «полюсов роста». Действие особого правового режима на определенных территориях РФ способствует рациональной фрагментации экономического и правового пространства [70]. Несмотря на эффективность этих инструментов, их изолированное применение без учета цикличности пространственной эволюции ограничивает синергетический потенциал. Основные формы пространственной структурной организации территорий в Российской Федерации приведены в Приложении А.

Анализ эволюции подходов американской, скандинавской, французской, английской и российской научных школ к изучению процессов размещения производства и регулирования хозяйственных процессов позволяет нам

акцентировать внимание на таком эффекте как роль макрорегионов в пространственной экономике.

Генезис теорий размещения производства представлен учёными немецкой школы: И. фон Тюненом и А. Вебером (XIX век). И фон Тюнен, анализируя автаркическое государство, установил зависимость рентабельности агропромышленного производства от транспортных издержек до центрального города [37; 172].

А. Вебер развил теорию, дополнив транспортный фактор трудовыми ресурсами и агломерацией – территориальной концентрацией производства, снижающей издержки за счёт общей инфраструктуры [94]. Дальнейшее развитие теории получила в работе А. Лёша «Пространственная организация хозяйства» (1940) [192], где он обобщил предыдущие идеи и разработал теорию пространственного экономического равновесия. Его подход интегрировал факторы размещения производств, налоговую политику, технологии и закономерности формирования «экономических ландшафтов».

Методология А. Лёша имела практическое значение как для рыночной, так и для плановой экономики, и была дополнена советскими учёными математическим моделированием. Экономическое районирование, основанное на оптимизации транспортных расходов, обосновывает организацию взаимосвязанного производства и расселения, но также стимулирует научные дискуссии о путях освоения малозаселенных территорий [46].

Представители скандинавской школы (Э. Хекшер [188], Б. Олин, Г. Мюрдал [195], Т. Хагерстранд [185]) внесли значительный вклад в теорию размещения производства и анализ рынка [64]. В основе теории Хекшера-Олина [159; 197] лежит вывод о преимуществе регионов в производстве товаров, требующих интенсивного использования местных, относительно дешевых факторов производства. Ограниченная мобильность этих факторов может приводить к долгосрочным диспропорциям.

Г. Мюрдал исследовал кумулятивную причинность, углубляющую региональное неравенство. Географ Т. Хагерстранд [185], применяя метод Монте-

Карло, смоделировал пространственную диффузию инноваций. Он изучал их распространение через миграцию носителей знаний в регионы с лучшими ресурсами и через информационную волну в направлениях наибольшего спроса [95].

Американские ученые (Э. Хувер, Р. Вернон, М. Сторпер, Э. Маркусен) заложили фундамент пространственной экономики и региональной науки. В работе «Локация экономической активности» (1950) [189] Э. Хувер обосновал пространственные отношения и влияние экономии масштаба на размещение производства. Р. Вернон в «Технологическом факторе в международной торговле» (1966) [205] исследовал динамику технологических различий в торговых потоках.

Урбанисты М. Сторпер и Р. Салайс предложили концепцию «миров производства» [202] – основу для интенсивного использования ресурсов, различных форм прибыли и моделей принятия решений. По их мнению, эти миры поддерживают инновационные производственные комплексы в экономическом пространстве.

Экономическую фрагментацию пространства усиливают «притягивающие места» (sticky places) – районы, привлекающие и удерживающие капитал и рабочую силу, как определил исследователь Э. Маркусен [194]. Такие «гибко специализированные» промышленные районы с инновационными малыми фирмами он противопоставляет «скользкому» пространству. Автор предложил три категории промышленных районов: «платформа-спутник» (несвязанные филиалы с внешними связями), «промышленный узел» (вокруг крупных экспортно-ориентированных предприятий) и «закрепленный за штатом округ» (работающий на госпредприятия). Автор делает вывод, что стратегия развития региона, ориентированная лишь на внутренние потребности, не достигнет целей.

Французские экономисты Ф. Перру, Ж. Будвиль и П. Потье внесли значительный вклад в теорию пространственной организации экономики [51]. Основоположник теории «полюсов роста» Ф. Перру [108] понимал под ними центр принятия решений, который оказывает кумулятивное стимулирующее влияние на

подчиненные предприятия и территории. Он считал, что государство должно политически регулировать создание и поддержку таких полюсов.

Ж. Будвиль развел идеи Ф. Перру, классифицировав полюса по иерархии: промышленные города, городские агломерации, классические города и системы, объединяющие несколько городов для развития региона [114].

П. Потье [198] качественно развел теорию, введя концепцию «осей развития». Согласно ей, центральные транспортные артерии связывают доминирующие промышленные центры, осуществляя социально-экономическое развитие регионов. Концентрированные промышленные зоны формируют разнонаправленные связи и стимулируют рост полюса.

Положения теории полюсов роста были успешно апробированы в региональной политике стран Западной Европы [83]. Однако классическая иерархия «ядро–периферия» сегодня демонстрирует растущую дисфункциональность перед вызовами фрагментированного пространства.

Представители английской научной школы А. Смит, Д. Рикардо и Х. Ричардсон обосновали теорию региональной специализации и межрегиональной торговли. А. Смит, автор теории «абсолютных преимуществ», объяснял взаимную выгоду специализации и разделения труда, регулируемых «невидимой рукой» рынка [169]. Он утверждал, что это ведет к всеобщему увеличению производства и богатства, распределяемого по всем слоям общества [201].

Д. Рикардо развел эту теорию, доказав, что в основе торговли лежат не абсолютные, а относительные преимущества. Регионам выгодно специализироваться на производстве товаров с относительно более низкими издержками, даже если по абсолютным затратам они уступают, что позволяет увеличить общее потребление и производство [36].

Экономист Х. Ричардсон [200] исследовал пространственное распределение экономической активности, анализируя факторы размещения фирм: агломерационную экономию, транспортные издержки и городскую структуру. Он изучал развитие городских территорий, использование земель и формирование

внутренней структуры городов. Его работы также охватывали проблемы региональной фрагментации, экономического роста и перемещения экономической активности между регионами. Есть основания полагать, что Ричардсон развил понимание роли агломерационных процессов в научно-техническом прогрессе и преобразовании пространственной структуры экономики [142].

Великий русский ученый Д. И. Менделеев в труде «Заветные мысли» обосновал развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли как следствие роста народонаселения [73, с.94]. Профессор Ю. Г. Саушкин указывал на важность районирования, при котором наложение дискретных систем районов на континуальные образует взаимный «поляризационный сдвиг» [129, с. 405-419].

Академик АН СССР Н. Н. Некрасов внес вклад в изучение региональной экономики, задачей которой было выравнивание уровня жизни и плановое размещение производительных сил. Ученый считал, что развитие должно опираться на сеть средних городов, а не только на крупные центры. Реализация принципов плановой экономики, по его мнению, позволяла решать проблемы рационального размещения производства и охраны природы [84, с. 17, 31-34].

Позиция Н. Н. Колосовского заключалась в учете комплексности хозяйственной цепи для организации экономики района. Он утверждал, что основными принципами районирования являются: законченность и комплексность отраслей, соответствующих ресурсам и потребностям; планомерное развитие подсобного хозяйства; всестороннее удовлетворение потребностей производительных сил за счет местных источников [54, с. 58].

Н. Н. Баранский продолжил эти изыскания, указывая на важность изучения изменений в технике, сырье, производственных связях и рынках сбыта для прогнозирования и планирования хозяйственного строительства региона [12, с. 193]. От полноты и достоверности информации зависит эффективность и сроки решения региональных проблем, а также формирование территориально-производственных комплексов.

Советский экономико-географ Я. Г. Фейгин отмечал проблему комплексного развития хозяйства экономического района, направленного на самообеспечение

региона [154, с. 30-31]. Это позволяло избежать удорожания продукции из-за дальних перевозок. Развитие кооперации и специализации максимально удовлетворяло потребности за счет местного производства. Отсюда следует, что экономическое планирование в региональной политике позволяет сформировать регион как саморазвивающуюся и самообеспечивающуюся систему.

Интересный акцент делает профессор Ю. Н. Гладкий на региональное накопление в условиях рыночных отношений. Он описал, как аккумуляция денежных средств, выраженная в прибавочном продукте, создает потенциал роста региона путем финансирования капитальных работ, возведение новых и реконструкцию старых производственных фондов. Автор рассматривает следующие пути аккумуляции денежных средств: полученные в результате банковской деятельности, путем взимания местных налогов, от полученных инвестиций, трансфертов и от производства продукции и продажи ее в своем и других регионах [27, с. 427-428]. Несомненно, такой подход актуален на сегодняшний день, поскольку существует запрос регионов на самостоятельное управление и распределение собственных финансовых средств.

Структуризация экономического пространства способствует формированию региональных экономических систем. Российский исследователь О. С. Сухарев предлагает концепцию согласованного развития региона как трехкомпонентную динамическую модель: «квазикомпании», «квазигосударства» и поток «экспорт-импорт». Модель рассматривает системы взаимосвязей: «социальные стандарты- занятость», «проекты-программы-инвестиции», «технологии-продукты-рынки». Она сопоставляет необходимый объем инвестиций для формирования потребительной стоимости регионального продукта с величиной реального дохода на душу населения. Расчет пропорций между секторами экономики и местными ресурсами является ключевым условием для создания инноваций. По мнению О. С. Сухарева, изменение патентного законодательства может стимулировать технологическое развитие региональных экономических систем [144].

Исследование научных подходов к условиям размещения производительных сил, производственным, технологическим и инновационным факторам дает

теоретическое обоснование территориально-организационной модели региона в современных условиях. При этом следует отметить, что совершенствование районирования тесно связано с самообеспечением, саморегулированием и саморазвитием региональной экономической системы. Указанное обуславливает необходимость всестороннего комплексного изучения теоретических аспектов формирования экономического пространства.

В данном исследовании мы придерживаемся понимания, что региональная фрагментация – это процесс межрегионального перераспределения ресурсов, который выражается в экономической специализации точек роста макрорегиона и качественном изменении экономического пространства.

Исходя из исследований пространственной неоднородности нами выделяются следующие формы, типы и виды региональной фрагментации экономического пространства (таблица 1.2).

Аналитический обзор теоретических подходов западноевропейских, американских и отечественных ученых к исследованию региональных процессов в контексте фрагментации экономического пространства позволяет нам резюмировать, что неоднородность пространственной структуры и территориальная дифференциация влекут за собой формирование новой экономической сетки, что требует перехода от статичного понимания макрорегиона к динамичной модели, где фрагментация становится катализатором эмержентных свойств системы.

На наш взгляд, процесс фрагментации отражает эволюционный процесс экономического развития. В отличие от экономического планового районирования «сверху-вниз», процесс формирования хозяйственных связей внутри макрорегиона происходит «снизу-вверху». Поскольку рыночные механизмы предполагают отсутствие директивного планирования, то формирование региональных экономических систем происходит по принципу наиболее выгодного сотрудничества субъектов хозяйствования и сокращения издержек в бизнес-процессах, перераспределяя при этом ресурсы и качественно изменяя территории.

Таблица 1.2 – Основные содержательные аспекты региональной фрагментации

Фрагментация	Содержание
I. Формы фрагментации (по природе возникновения)	
Административно-территориальная	жесткое совпадение границ макрорегионов с федеральными округами, игнорирующее трансграничные хозяйствственные связи, в следствии чего наблюдаются искусственные различия в налоговых режимах, ресурсной базе, институциональной среде
Структурно-функциональная	заключающаяся в распаде вертикальных отраслевых комплексов, формирование изолированных «экономических островов» с автономной специализацией, что проявляется в виде разрывов хозяйственных связей, рассогласованности ресурсных потоков
Сетевая (институциональная)	проявляется в виде недооценки горизонтальных производственных цепочек и цифровых платформ; отсутствие механизмов кооперации между «фрагментами», что усиливает разобщенность из-за доминирования устаревшей модели «центр–периферия».
II. Типы фрагментации (по динамике развития)	
Деструктивная	характеризующаяся усилением территориального неравенства, оттоком ресурсов из периферии и поляризацией пространства. Например, жесткая специализация территорий без компенсационных механизмов
Конструктивная	служит источником структурного разнообразия, создает условия для взаимодополняемости и будущей синергии, как например, формирование «точек роста» (территории опережающего развития (далее – ТОР), особые экономические зоны (далее – ОЭЗ)) на основе различий между территориями
Циклическая	представляющая закономерный этап эволюции пространства, в виде технологических разрывов или появлении новых ниш специализации, провоцирующих новую фрагментацию после достижения устойчивости
III. Виды фрагментации (по масштабу и содержанию)	
Территориальная	суть которой сводится к географической раздробленности, диспропорции в развитии регионов
Отраслевая	разрушение межотраслевых связей, гиперспециализация территорий
Институциональная	суть которой заключается в нормах и правилах, препятствующих кооперации (например, отсутствие межрегиональных консорциумов)
Технологическая	разрыв между «передовыми» и «консервативными» кластерами, где драйверами могут выступать цифровизация, создающая «информационные острова»
Ресурсная	конкуренция за ограниченные ресурсы (кадры, финансы) внутри успешных кластеров, отвечающая за возникновение «ресурсных ловушек», тормозящих инновации

Источник: разработано автором

Поэтому для более комплексного изучения проблемы фрагментации экономического пространства в контексте целей исследования считаем целесообразным расширение понятия макрорегион.

Исторически понятие «макрорегион» в России эволюционировало от «экономического района» в XX веке до «федерального округа» в XXI. Ключевым для региональной экономики является понятие территории. Э. Б. Алаев определял регион (район) как территорию, отличающуюся целостностью и взаимосвязанностью элементов, что является объективным условием её развития [5, с. 67-70].

Категория «экономический район», возникшая в СССР, подразумевала географически и экономически взаимосвязанные территории в составе единого народнохозяйственного комплекса. Главными особенностями планового районирования были учет уникальных природных ресурсов и углубление специализации, способствующей экономической интеграции субъектов.

Интеграционный характер экономических связей и их институтов управления стал базой для формирования межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в 1990-е гг. Как отмечает Т. Б. Владиславлев, они являются инструментом укрепления региональной политики, разгрузки полномочий «с центра» и укрепления единого экономического пространства [25].

Продолжением этого процесса стали федеральные округа, способствующие централизации власти [170] и используемые для статистического учета и прогнозирования. Если в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.» макрорегионы не всегда совпадали с округами, то в новой «Стратегии пространственного развития России до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.» они соответствуют им. Однако эта административная ригидность границ создает системные противоречия, требующие переосмыслиния роли макрорегиона в сетевой экономике.

Таким образом, разграничение понятий «регион», «экономический район» и «федеральный округ» основывается на институциональном взаимодействии, целях формирования и характере экономических взаимоотношений. В ближайшем

будущем пространственные факторы будут играть важнейшую роль в развитии связей регионов [65]. В РФ формируется макрорегион – пространство, охватывающее несколько субъектов федерации и хозяйственные связи между ними, выходящие за административные границы.

Вместе с этим, действующая концепция макрорегиона, как сложной системы, развитие которой зависит от множества внутренних и внешних факторов, взаимодействующих между собой и оказывающих на него непосредственное влияние, содержит ряд общих ограничений, требующих концептуального пересмотра в контексте современных экономических реалий, что позволило выделить следующие системные проблемы в понимании макрорегиона:

- 1) Выявлена административная ригидность (негибкость, неспособность адаптироваться к новым условиям) границ;
- 2) Установлена недооценка сетевой парадигмы, как следствие применения традиционной модели «центр-периферия»;
- 3) В результате изучения региональных практик установлены институциональные пробелы в управлении фрагментацией или отсутствие механизмов балансировки пространственного развития.

Выявленные ограничения демонстрируют несоответствие существующей концепции макрорегиона вызовам сетевой экономики, что подтверждает необходимость её методологического переосмысления, что требует перехода от статичного понимания макрорегиона к динамичной модели, где фрагментация становится катализатором эмерджентных свойств системы.

Однако, проведенный анализ показывает, что существующая концепция макрорегиона, отождествляемая в современной российской практике с федеральными округами, не в полной мере соответствует этим вызовам, позволяя выявить ряд системных проблем в ее понимании:

- 1) установлено, что иерархическая структура «ядро → периферия» усугубляет пространственную фрагментацию и нуждается в переходе к поликентричной модели. В связи с чем необходимо реконцептуализировать макрорегион как сетевую систему с распределенными узлами роста ((свободные

экономические зоны (далее – СЭЗ), технопарки, инновационное малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) и т.п.). Для этого предлагается расширить существующие взгляды динамической специализацией, адаптируемой к технологическим сдвигам, а также категорией самодостаточности на принципах циркулярной экономики, позволяющей повысить качество производимой продукции, за счет межрегиональной кооперации [77];

2) выявлен парадокс, где самоорганизация макрорегионов не обеспечена институциональными механизмами, т.е. не обнаружено формирование институциональной основы для экосистем. Для устранения этого противоречия целесообразно ввести понятие «экосистема макрорегиона», которая бы интегрировала: производственные кластеры и научно-образовательные центры; зеленую логистику; цифровые платформы коллaborации;

Пример подобной реализации представляется в виде синхронизации программ территорий опережающего развития (далее – ТОР) с научно-образовательными инициативами вузов, а также формирование кросс-региональных технологических хабов.

3) требуется корректировка оценки эффектов фрагментации через новое понимание. Так как текущая трактовка фрагментации как исключительно негативного явления, игнорирует её позитивные аспекты, в виде складывающейся внутри макрорегиона специализации, обладающей потенциальной способностью к трансформации в конкурентоспособность;

4) установлена критическая зависимость от внешних факторов. В ответ на санкционные вызовы в концепцию необходимо включить параметр «импортонезависимость производственных цепочек» в границах макрорегиона как условие устойчивости, что будет ответом адаптации к геоэкономическим рискам.

Таким образом, сформулированные четыре направления расширения концепции формируют методологический каркас для преодоления выявленных дисбалансов. Трансформация понимания макрорегиона как поликентричной, институционально обеспеченной экосистемы соответствует стратегическим целям пространственного развития РФ в условиях новых экономических реалий.

Сформулированные направления концептуальной трансформации, однако, носят рамочный характер. Для их операционализации и преодоления выявленных дисбалансов требуется новая целостная методологическая основа. В качестве таковой нами предлагается авторский подход к формированию концепции макрорегиона, базирующийся на следующих пяти понятийных положениях:

Во-первых, в основу подхода заложен принципиально иной диалектический взгляд на пространственную фрагментацию. Восприятие ее не как отклонение регионального развития, а как закономерный этап самоорганизации экономического пространства. Существующие разрывы хозяйственных связей создают условия для респециализации элементов. Так, например, изолированные производства могут трансформироваться в узлы кластерных цепочек. При этом административно-территориальные границы становятся стимулом для формирования трансграничных альянсов.

Административные границы искусственно создают различия в: налоговых режимах (например, льготы в ОЭЗ); ресурсной базе (трудовые, сырьевые резервы); институциональной среде (поддержка отраслей). Следовательно, возникают условия взаимодополняемости.

Во-вторых, эволюция трактовки понятия «макрорегион» проявляется в выделении новых сущностных характеристик. Важным критерием идентификации макрорегиона теперь становится интенсивность функциональных связей между его элементами, что важнее административных границ. Основными субъектами, формирующими макрорегион, выступают самоорганизующиеся акторы – такие как предприятия, научно-исследовательские институты и города, функционирующие как узлы сети, а не государственные институты. Важной динамической характеристикой макрорегиона является его способность к реконфигурации внутренних связей в ответ на внешние шоки, такие как санкции или экономические кризисы, что составляет его адаптационное ядро.

В-третьих, механизмы трансформации, обеспечивающие «пересборку» пространства, включают несколько ключевых инструментов. Цифровые платформы выступают как интеграторы, объединяющие разрозненные

«информационные острова» в единую систему. Консорциумы позволяют комбинировать отдельные производственные фрагменты в эффективные сквозные технологические цепочки. Замкнутые ресурсные циклы представляют собой принципиальную альтернативу традиционной линейной модели экономики, основанной на схеме «добыча-экспорт».

В-четвертых, парадоксальные эффекты пространственного развития проявляются в установлении нетривиальных причинно-следственных связей.

Так, необходимо переходить к пониманию, что, максимальная фрагментация пространства, вопреки ожиданиям, становится стимулом для максимальной интеграции – это явление можно определить как «парадокс Гранберга», содержащий в себе взаимосвязь однородности/неоднородности и интегрированности/дезинтегрированности в качестве характеристик экономического пространства.

В свою очередь кризисы, выступая в роли «созидающего разрушения», не только дестабилизируют систему, но и перезапускают процессы кооперации между акторами, а усиление пространственной раздробленности, что кажется негативным фактором, может вести к росту общей устойчивости системы, что достигается за счет неизбежной диверсификации связей и структур.

В-пятых, методологической основой предложенного подхода выступает теоретический синтез, который позволяет преодолеть противоречия между различными школами научной мысли. Наша концепция конвергирует принципы советского планового районирования (Н. Н. Колсовский, Н. Н. Некрасов) с западными теориями: концепцией «полюсов роста» Ф. Перру, теорией пространственного равновесия А. Лёша и идеей «sticky places» (липких мест) Э. Маркусен. Такой синтез, в свою очередь, находит свою философскую основу в диалектике А. Г. Гранберга, где цикл «разъединение → соединение» выступает фундаментальным механизмом развития пространственных систем.

Интеграция этих пяти положений позволяет сформулировать целостное авторское определение и визуализировать его в виде концептуальной модели. В связи с чем, нами предлагается под макрорегионом понимать

самоорганизующуюся поликентрическую систему, формируемую динамикой функциональных связей между акторами, трансформирующую закономерную пространственную фрагментацию в источник синергии (рисунок 1.1).

*Конфигурацию формируют самоорганизующиеся акторы, связанные интенсивными функциональными связями, трансформирующие пространственную фрагментацию в синергию через циклическую модель развития (Фрагментация → Интеграция → Экосистема → Устойчивость) и «кросс-региональную пересборку», где границы определяются динамикой связей, а не административными рамками.

Рисунок 1.1 – Механизм трансформации хозяйственных связей макрорегиона как адаптивной сетевой экосистемы

Источник: составлено автором

Предложенная авторская концепция визуализирована в виде модели, которая представляет макрорегион не как статичную административную единицу, а как динамичную самоорганизующуюся экосистему.

Модель структурно состоит из следующих ключевых элементов и связей между ними:

1) ядро системы: самоорганизующиеся акторы, где в центре модели расположены разнородные, но взаимосвязанные акторы, формирующие экономическую ткань макрорегиона:

- предприятия выступают основными драйверами экономической активности и формирования производственных цепочек;
- научно-образовательные центры (НОЦ) и исследовательские институты генерируют знания, инновации и обеспечивают подготовку кадров, выступая источником технологических прорывов;
- города, как узлы сети, выполняют функции логистических, управлеченческих и социально-культурных хабов, обеспечивая концентрацию ресурсов и инфраструктуры.

Главная особенность заключается в том, что связи между этими акторами являются горизонтальными и сетевыми, а не вертикально-иерархическими.

Адаптивные механизмы трансформации («инструменты пересборки») преобразуют фрагментацию в структурную синергию через три элемента:

- цифровые платформы интегрируют «информационные острова» в единое пространство;
- консорциумы и технологические цепочки преодолевают отраслевую разобщенность;
- замкнутые ресурсные циклы (циркулярная экономика) обеспечивают устойчивость системы;

2) внешняя среда и вызовы, показывают, что модель не замкнута. На нее оказывают постоянное воздействие внешние факторы:

- внешние вызовы (санкции, кризисы), которые выступают в роли «созидательного разрушения», вынуждая систему адаптироваться, перестраивать связи и искать новые точки роста;
- технологические сдвиги являются постоянным источником как новых возможностей (цифровизация), так и угроз (технологическое отставание), стимулируя непрерывную эволюцию экосистемы;

3) результирующие свойства системы (Выходы) заключаются во взаимодействии всех элементов, когда система приобретает качественно новые свойства:

- эмерджентный эффект, при котором общий результат взаимодействия акторов превышает простую сумму их индивидуальных усилий (синергия);
- отсутствие единственного доминирующего центра. «Точки роста» (ТОР, ОЭЗ, технопарки) распределены по территории и связаны между собой сетью (полицентричность);
- способность системы гибко реагировать на внешние шоки, реконфигурировать внутренние связи и сохранять функциональность (адаптивность и устойчивость);
- самодостаточность на принципах циркулярной экономики состоит в снижении уязвимости от внешних воздействий за счет развития внутренней кооперации и замкнутых ресурсных циклов.

В связи с чем, макрорегион представляет собой живой пульсирующий организм, где потоки информации, ресурсов и капитала циркулируют по сетям, соединяя узлы-акторы. Административные границы показаны как условная, проницаемая мембрана, сквозь которую осуществляется взаимодействие с внешней средой, но которая не является жестким каркасом системы.

Таким образом, концептуальная модель наглядно демонстрирует, как пространственная фрагментация из деструктивного фактора превращается в источник развития через процессы самоорганизации и сетевой «пересборки».

Исходя из этого в нашем широком понимании макрорегион – это самоорганизующаяся полицентричная система, формируемая динамикой функциональных связей между акторами, трансформирующая объективно существующую пространственную фрагментацию в источник синергии через «кросс-региональную пересборку» и циклическую эволюцию, где границы определяются интенсивностью хозяйственных связей.

Авторское понимание макрорегиона переводит объект исследования из состояния теоретического конструктора в работающий аналитический инструмент,

способный объяснить механизмы пространственного развития в условиях фрагментации (рисунок 1.2.).

Рисунок 1.2 – Концептуальная модель трансформации хозяйственных связей с учетом фрагментации в макрорегионе

Источник: разработано автором

Данная модель визуализирует и детализирует ключевые причинно-следственные связи, вытекающие из авторского подхода:

- 1) модель представляет процесс не как одноразовый акт, а как непрерывный цикл эволюции, тем самым воплощая принцип циклического развития. Она показывает, что устойчивость системы достигается не через статичное равновесие, а через постоянную адаптацию и «пересборку» ;
- 2) модель операционализирует фрагментацию, представляя ее не как монолитное явление, а в виде конкретных, взаимосвязанных «вызовов/дезинтегрирующих факторов». Это могут быть технологические разрывы, ослабление межотраслевых связей, ресурсные ловушки или институциональные пробелы, которые были классифицированы ранее;
- 3) центральным элементом модели является блок «Механизмы кросс-региональной пересборки», который наполняет конкретным содержанием ранее декларированные инструменты (цифровые платформы, консорциумы). Модель демонстрирует, как эти механизмы, активируемые самоорганизующимися акторами, переводят вызовы фрагментации в процессы реструктуризации и кооперации;
- 4) правая часть модели наглядно показывает результаты трансформации – возникновение новых, более сложных и устойчивых структур: сетевых производственных кластеров, кросс-региональных технологических хабов и замкнутых ресурсных циклов. Такие структуры являются материализацией синергии, о которой говорится в широком определении;
- 5) важнейшим аспектом модели является обратная связь. Она иллюстрирует «парадокс Гранберга»: достигнутая синергия и новая конфигурация пространства сами становятся основой для последующих циклов фрагментации и интеграции, подчеркивая диалектический характер развития макрорегиона.

Таким образом, модель трансформации хозяйственных связей служит связующим звеном между теоретической декларацией широкого определения и практическим пониманием функционирования макрорегиона. Она является наглядным алгоритмом, объясняющим, каким образом предложенная концепция

реализуется на практике, превращая объективную пространственную раздробленность из угрозы в ресурс для устойчивого и динамичного развития.

Выявленные в модели обратные связи и механизмы адаптации указывают на то, что фазы интеграции и дезинтеграции представляют собой не последовательные, а взаимопереплетающиеся процессы. Это закономерно подводит нас к необходимости разработки модели циклического развития фрагментации экономического пространства макрорегиона, которая позволит: выявить закономерности чередования фаз концентрации и деконцентрации экономической активности; определить точки бифуркации, когда система выбирает направление дальнейшего развития; спрогнозировать траектории пространственной эволюции в условиях технологических сдвигов; разработать инструменты управления, синхронизированные с естественными циклами развития.

Такой подход позволит преодолеть статическое восприятие пространственных процессов и создать основу для прогностического управления развитием макрорегиона в условиях возрастающей нестабильности.

1.2 Динамика трансформационных процессов структуризации экономического пространства региона

Проблемы организации хозяйственной деятельности и условий жизни населения ставят задачу найти ответ на вопрос оптимального структурирования экономического пространства региона. Научная обоснованность сбалансированного развития позволяет выявить эффективные методы регулирования производства, обосновать размещение инфраструктуры и повысить качество жизни.

Структурирование экономического пространства представляет собой связанные элементы, обменивающиеся ресурсами и влияющие друг на друга. Пространственная структура изменяет качественный состав регионально-экономической системы и определяет её дальнейшее функционирование. Регионы отличаются социальной, инвестиционной, производственной и демографической структурами. Самостоятельное формирование экономической системы в рамках региона является важнейшей стратегической задачей и соответствует цели экономического роста государственной политики [143, с.11-12].

Вследствие эволюции научной мысли сформировались следующие методологические подходы к структурированию экономического пространства региона. Автором проведена следующая систематизация научных подходов:

1) институциональный подход основан на неоклассических взглядах на макрорегиональные процессы. Термин «институционализм» впервые ранее рассматривался как пучок социальных обычай. Истоки исследования фирмы лежат в статье Р. Коуза «Природа фирмы» (1937). Среди объектов исследования выделяются государство, регион и правовые нормы. Предлагалось создавать институт социального страхования и индикативного планирования. Согласно этому подходу, регион рассматривается как институт со своими правилами и внутренне структуризованными элементами.

Г. Б. Клейнер исследовал предприятие как хозяйствственный институт, рассматривая процесс интеграции материальных, финансовых, интеллектуальных и информационных ресурсов, а также материально-технологическую модернизацию [139, с. 28].

Использование категории макрорегиона позволяет утвердить эффективный механизм согласованности между управлением и субъектами сообщества. Институционирование экономического пространства учитывает всю сферу интересов от частных до государственных. Главная задача современных институтов – организация взаимосвязи общественных отношений и согласование интересов в экономической, культурной, социальной и политической сферах [152].

Однако традиционные институциональные рамки часто недостаточно гибки для реагирования на динамику хозяйственных связей и структурные сдвиги.

Следовательно, исследование региона как института помогает систематизировать представления о территории, выявить закономерность и причинно-следственную связь процессов внутри и вне региона;

2) трансакционно-секторный подход к изучению региональной экономики включает методологию исследования макроэкономических показателей (валовый региональный продукт, инвестиции, численность занятых и др.) [158]. Термин «трансакционный сектор» обосновали Дж. Уоллис и Д. Норт, связав его с расходами на выполнение перераспределительной функции. Экономические отношения предлагалось рассматривать через трансформационную (преобразование ресурсов) и трансакционную стороны [206].

Поскольку экономика региона не изолирована, данный подход представляет сложную систему взаимосвязанных процессов (производство, потребление, торговля, инвестиции) и помогает выявить динамику развития, учесть факторы роста, спрогнозировать последствия влияния секторов друг на друга. В. В. Леонтьев разработал метод «затраты-выпуск» для исследования трансакционных потоков [168].

Р. Коуз ввел понятие трансакционных издержек, обосновав, что они являются частью производственных затрат, критерием поведения фирмы и способом регулирования цены. Трансакции связаны с передачей прав собственности и включают затраты на поиск информации, согласование контрактов и урегулирование споров [184].

Подход применяется для измерения экономической выгоды при выходе на новые рынки, поиске контрагентов или выпуске продуктов. Объем финансовых средств, расходуемых субъектом в процессе хозяйственной деятельности, напрямую влияет на дальнейшую судьбу фирмы и стоимость ее активов. Поэтому учет всех трансакций (временных и материальных) критически важен при совершении сделок, ведении переговоров, расчете производства и открытии подразделений в регионах;

3) инновационно-технологический подход изучает уровень развития техники, технологий и инноваций в регионе. Использование экстенсивных факторов производства вызывает необходимость поиска новых технологий для экономического прогресса. Для оценки инновационного развития применяется сравнительный анализ, включающий индекс научно-технического потенциала и показатели ОЭСР (доля высокотехнологичного сектора, инвестиции в сектор знаний, инновационная активность, расходы на НИОКР, численность занятых в науке и др.) [1]. Выиграть международную конкуренцию в современных условиях можно лишь при условии формирования мощной научно-технологической и инновационной базы, чтобы товары и услуги были востребованы и конкурировали в ценовом диапазоне с аналогичными [118].

Ученые В. П. Чичканов и О. С. Сухарев считают, что реализация инновационной стратегии определяется не только наукой, но и субъектами экономического взаимодействия. Подход должен включать технологические карты, оценку инновационного продукта, охват технологий по классам. Это позволит государственной научно-технической политике опираться на технологии, науку и технику [167].

Разработка концепций стратегического доминирования РФ в сфере НИОКР должна охватывать большинство регионов для вовлечения населения в сферу инновационных технологий и увеличение финансирований инновационных предприятий [81, с. 45];

4) рыночный подход опирается на гравитационную модель экономики. Основополагающие идеи высказал А. Шеффле, разработавший схему, где «притяжение рынков прямо пропорционально численности населения и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними» [66, с. 52]. У. Рейли сформулировал закон гравитации розничной торговли, согласно которому город притягивает покупателей пропорционально численности своего населения и обратно пропорционально квадрату расстояния [132]. Подход объясняет, как свободная торговля структурирует экономическое пространство и формирует взаимосвязи между территориями.

Транснациональные корпорации охватили большую часть мирового рынка товаров и услуг. Однако рыночный подход может приводить к утрате внутреннего рынка некоторыми регионами, вызывая необходимость государственного протекционизма. Рыночные силы формируют пространственные связи, но их стихийный характер не гарантирует достижения устойчивой синергии или оптимальной конфигурации взаимодействий на уровне макрорегиона;

5) агломерационный подход объясняет возникновение множества центров экономического роста, что наблюдается в Китае и Западной Европе. Сетевой эффект способствует включению периферийных территорий в агломерации [147]. Базой формирования служит транспортная инфраструктура, интегрирующая пригородные территории в городскую среду.

Термин «агломерация» ввел А. Вебер, обозначив им урбанизированные территории с концентрацией промышленного производства, связанного торговыми связями. Сегодня агломерации изучаются на региональном и субрегиональном уровнях. Их взаимодействие создает комплексную пространственную экономику, снижающую расходы на труд, аренду и транспорт. Происходит перераспределение деловой активности, укрепляющее региональную экономику [182].

Крупные метрополитенские районы обладают преимуществом масштаба, предлагая специализированную рабочую силу, сети поставщиков и развитую транспортную систему. Наличие нескольких центров снижает затраты на землю и заработную плату, географически распределяя экономическую активность, но сохраняя преимущества агломерации. Это способствует агломерационному росту и объясняет появление мегарегионов;

6) кластерный подход выявляет преимущества географической концентрации взаимосвязанных предприятий. Обмен знаниями обновляет промышленный потенциал и создает синергию инновационного пространства. Экономия масштаба сокращает издержки благодаря общей инфраструктуре, повышая конкурентоспособность региона.

Автор идеи М. Портер считал, что эффективная региональная политика должна наращивать территориально сконцентрированные кластеры, что дает

больший результат, чем отраслевые субсидии [110, с. 743]. А. И. Татаркин отмечает, что кластеры развиваются горизонтальные сетевые отношения, формируя диффузию новых инициатив между властью, наукой, бизнесом и образованием [147].

Кластерно-ориентированное развитие создает в регионе различные формы коопераций и партнерств. Мировой опыт включает интеграцию звеньев кластера в коммерческие и социальные структуры, что способствует укрупнению экономических комплексов и привлечению стейкхолдеров [113]. Однако в условиях нестабильности возникает вопрос об адаптивности кластеров и их способности к переконфигурации;

7) планово-экономический подход показал свою эффективность в экономическом районировании СССР. Его разработкой занимались видные ученые: В. П. Семёнов-Тян-Шанский [130], А. Н. Челинцев [162] и А. В. Чаянов [161]. Развитие региона рассматривалось не только через территориально-отраслевую структуру, но и в административно-географических границах. Экономический район являлся объектом государственного планирования.

И. Г. Александров в 1921 г. утверждал, что эффективное управление народным хозяйством РСФСР невозможно без разделения на экономические районы на основе специализации и кооперации производства [35]. Е. Е. Лейзерович, разработчик экономической сетки районирования, предлагал топоцентрический подход – интеграцию материально-технической базы с территорией. Метод включал анализ экономико-географического положения, выявление крупных частей районов и изучение районаобразующих факторов (транспортные магистрали, плотность населения). Специализация, культурно-исторические факторы и система расселения определяли сетку районирования. Е. Е. Лейзерович полагал, что обоснованная сетка экономического районирования РФ «переживет» федеральные округа [69].

Исторический опыт планового районирования подчеркивает важность пространственного структурирования, но также выявляет ограниченность статичных моделей в условиях динамично меняющейся экономики;

8) теоретическое обоснование экономико-распределенческого подхода приводит в своем труде Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» [109]. Автор основывается на гипотезе С. Кузнецца о связи развития и неравенства доходов. Явление «отклонения от миссии» в микрофинансовых институтах, которые, повышая ставки, начинают ориентироваться на состоятельных клиентов, усугубляет положение беднейших слоев [177].

Ключевое значение исследования Т. Пикетти – выявление главной дестабилизирующей силы: длительного превышения доходности капитала (r) над темпами роста экономики (g). Фундаментальное противоречие $r > g$ означает, что накопленный капитал воспроизводится быстрее, чем увеличивается производство и зарплаты. Автор видит решение в введении прогрессивного налогообложения, требующего регионального политического подхода [109, с. 585-587].

9) программно-стратегический подход представляет собой системный метод планирования, при котором план разрабатывается с учетом имеющихся ресурсов в рамках проектируемых программ и стратегий. Подход включает следующие элементы: целеполагание, прогнозирование, стратегическое планирование, программирование и формирование бюджета [148].

В процессе программно-стратегического планирования развития экономической структуры регионов достигается наиболее полное использование ресурсов и целевых показателей. Основой для структурирования программ служит система индикаторов, охватывающая широкий спектр факторов - экономических, институциональных и инновационных, что помогает эффективно управлять развитием региона [48]. Программно-стратегический подход оказывает свое влияние на выбор и обоснование целей в сфере социального, экономического и научно-технического развития региона и разработке комплекса мер для их достижения в определенные сроки. В связи с формированием межотраслевых и межрегиональных пространственных связей макрорегионов становится

необходимым территориально-отраслевое управление структурой экономики [122].

Визуализация подходов представлена на рисунке 1.3.

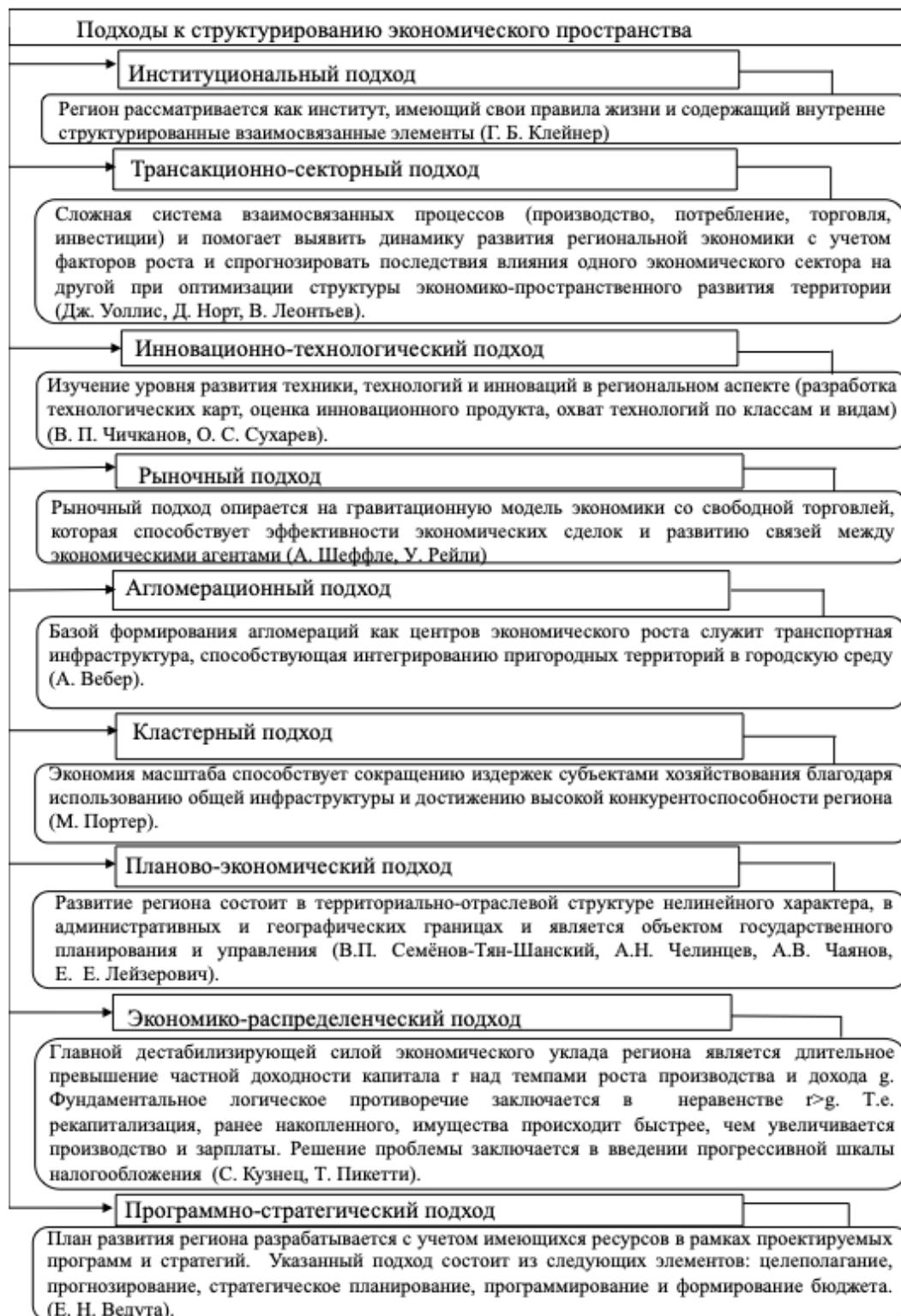

Рисунок 1.3 – Систематизация подходов к структурированию экономического пространства региона в условия трансформации хозяйственных связей

Источник: составлено автором по материалам [66, с. 52; 69; 109, с. 585-587; 130; 132; 139, с. 28; 146; 147; 148; 158; 161; 162; 167; 168; 177; 182; 206].

Подход влияет на выбор и обоснование целей в социальной, экономической и научно-технической сферах региона, а также на разработку комплекса мер для их достижения. С формированием межотраслевых и межрегиональных связей становится необходимым территориально-отраслевое управление структурой экономики. Оценка реализации государственных программ включает характеристику параметров: объекты программирования, цели, задачи, мероприятия и индикаторы [50, с. 155]. Данный подход способствует решению проблем экономических дисфункций и региональных диспропорций.

Хотя программно-стратегический подход обеспечивает системность планирования, его эффективность зависит от способности реагировать на качественные изменения в структуре хозяйственных связей, выходящие за рамки статичных индикаторов.

Целью структурирования экономики региона является определение приоритетов территориального развития, выявление потенциала стратегического планирования, формирование обратной связи от хозяйствующих субъектов к органам управления для корректировки индикаторов и пропорциональное сбалансированное размещение производительных сил. Такое структурирование опирается на формы пространственной структурной организации территорий (Приложение А).

Проведение структурирования экономического пространства региона может опираться на алгоритм, где последовательность действий выглядит как:

- 1) выбор критериев структурирования, например, территориальный, отраслевой, уровень ВРП, плотность населения, производственный;
- 2) исследование институтов управления территорией, выбор факторов, оказывающих влияние на динамику развития региона;
- 3) определение абсолютных и относительных конкурентных преимуществ региона;
- 4) оценка хозяйственных связей региона с граничащими территориями;
- 5) рассмотрение инфраструктуры (транспортной, социальной, производственной и пр.);

- 6) характеристика плотности населения;
- 7) выявление проблем пространственного динамичного развития региона.

Для региональной структуризации РФ важна система учета социально-экономических показателей, построенная в виде балансов и национальных счетов. В СССР использовались баланс народного хозяйства и межотраслевой баланс. С 1993 года Россия перешла на систему национальных счетов (далее – СНС), принятую ООН. В 2008 году СНС была обновлена, включив новые определения и классификации показателей ВВП [26]. Сегодня СНС охватывает показатели от затрат на производство до потребления (ВВП, ВРП, таблицы «затраты-выпуск» и др.) [133].

Проблему учета региональных показателей может решить маркировка товаров. Система «Честный знак», разработанная ООО «Оператор-ЦРПТ», позволяет отслеживать информацию о товаре через коды маркировки [82]. Однако для целей государственной безопасности такая система не должна передаваться на аутсорсинг частным компаниям. Органам власти следует самостоятельно разрабатывать, регулировать и контролировать маркировку всей производимой и импортируемой продукции.

Существующие системы учета (СНС) предоставляют важные, но в основном ретроспективные данные. Для эффективного управления пространственным развитием в реальном времени необходимы инструменты непрерывной диагностики состояния и динамики связей в экономической системе.

Таким образом, проведенный анализ выявил системные ограничения рассмотренных подходов: институциональный и планово-экономический демонстрируют ригидность в условиях динамики; рыночный и агломерационный носят во многом стихийный характер; кластерный и программно-стратегический оказываются недостаточно адаптивными к фрагментации и внешним шокам. Комплексное их применение, безусловно, позволяет смягчить эти недостатки, однако не решает принципиального противоречия: все они рассматривают фрагментацию экономического пространства как патологию, подлежащую устранению, а не как потенциальный ресурс развития. Для преодоления этой

методологической ловушки и формирования управленческого инструментария, адекватного современной турбулентности, необходим принципиально иной угол зрения. В качестве такового нами предлагается динамико-сетевой подход структуризации экономического пространства макрорегиона (далее – ДСПС), который не нивелирует фрагментацию, а делает ее объектом стратегического управления.

Чтобы конкретизировать это фундаментальное переосмысление, представим ключевые характеристики ДСПС в разрезе основных параметров управления, демонстрируя его отличия от традиционной логики (таблица 1.3).

ДСПС, как новый виток в развитии региональной политики управления, фокусируется на осознанной трансформации региональной фрагментации из проблемы в ресурс синергии через приоритетное управление динамикой функциональных связей между акторами, что достигается за счет:

- целенаправленного проектирования и стимулирования интенсивных кросс-региональных взаимодействий связей (экономических, инновационных, логистических) как основы целостности макрорегиона;
- создания гибких, адаптивных институтов («пересборка» через платформы, «песочницы», программы кооперационного финансирования), способных быстро реагировать на изменения в связях и внешние шоки;
- циклического развития и планирования, признающего неизбежность и конструктивную роль фрагментации на разных этапах развития хозяйственных связей экономического пространства;
- оценки успеха по критерию адаптивной резильентности – способности системы быстро реконфигурировать связи и генерировать новые формы коопeraçãoции из разрозненных элементов.

Изложенные характеристики ДСПС задают концептуальные рамки управления. Их практическая реализация требует соответствующего инструментария, трансформирующего теорию в последовательность управленческих действий.

Таблица 1.3 – Ключевые характеристики ДСПС с позиций управления.

Характеристика	Фокус	Обоснование
Фундаментальный сдвиг цели управления	От сглаживания дисбалансов → к управляемой сборке синергии. Целью ДСПС является не ликвидация фрагментации (как патологии), а ее трансформация в источник синергетических эффектов через сознательное проектирование и стимулирование функциональных связей между разрозненными элементами пространства.	Основано на парадоксе Гранберга и авторском понимании фрагментации как закономерного этапа самоорганизации и условия для возникновения взаимодополняемости (напр., различия в налоговых режимах или ресурсной базе по разные стороны административных границ становятся стимулом для кооперации, а не барьером). Управление должно создавать условия для реализации этого потенциала.
Ключевой объект управления - динамика функциональных связей	Приоритет связей над территориями. Управление в ДСПС фокусируется на интенсивности, направленности и качестве экономических, инновационных, логистических связей между акторами (предприятия, НИИ, города), а не на административных границах или статичных характеристиках территорий.	Макрорегион определяется не границами, а «экономическим радиусом действия» связей. Границы подвижны и зависят от интенсивности взаимодействий. Управление связями (их создание, укрепление, реконфигурация) напрямую формирует контуры и жизнеспособность макрорегиона. Это реализуется через: принцип гравитационной модели: Управленческие решения (инвестиции, инфраструктура, стимулы) должны концентрироваться на усиении «притяжения» между комплементарными акторами/клUSTERами, преодолевая административные разрывы; МОСБ-модель (межотраслевые-межсекторальные балансы): Инструмент для анализа и проектирования материальных, финансовых и информационных потоков между фрагментами (секторами, кластерами, территориями) в реальном времени, выявления точек разрывов и потенциала синергии. Это основа для «пересборки» связей.
Основной механизм управления «кросс-региональная пересборка»	Создание адаптивных институтов кооперации. ДСПС требует гибких институциональных структур, способных оперативно реагировать на динамику связей и перестраивать «правила игры» для стимулирования синергии из фрагментов.	Традиционные жесткие институты не способны обеспечить самоорганизацию в условиях фрагментации и динамики. ДСПС предлагает конкретные инструменты «пересборки»: гибкие регуляторные платформы («цифровые песочницы»); экспертные платформы макрорегиона; программы кооперационного финансирования.

Продолжение таблицы 1.3

Характеристика	Фокус	Обоснование
Циклический подход к планированию и оценке	Управление в соответствии с фазами цикла. Стратегии и инструменты управления в ДСПС должны различаться на разных стадиях цикла «Фрагментация → Интеграция → Экосистема → Устойчивость».	Признание неизбежности и конструктивной роли новой фрагментации как следствия достигнутой устойчивости (напр., из-за технологических разрывов или появления новых ниш специализации). Управление должно: на фазе Фрагментации фокусироваться на выявлении точек будущего роста и накоплении ресурсов, а не на паническом «латании дыр». на фазе Интеграции максимально стимулировать самоорганизацию акторов и создание институтов «пересборки» (консорциумы, платформы). на фазе Экосистемы укреплять полицентричность и циркулярные связи (ресурсные циклы). на фазе Устойчивости готовиться к новой фрагментации, направляя ресурсы в инновационные «точки роста», которые станут ядрами следующего цикла. Новизна для управления. Требует разработки программ развития с явным параметром цикличности, где цели и KPI привязаны к текущей фазе и ожидаемому переходу к следующей.
Критерий эффективности управления Адаптивная резильентность	Отказ от статичной устойчивости. Успешность управления в ДСПС измеряется не стабильностью как таковой, а способностью системы макрорегиона быстро и эффективно реконфигурировать свои функциональные связи в ответ на шоки (санкции, кризисы, технологические сдвиги).	Основана на авторском переосмыслении устойчивости. Управление формирует условия для: - реконфигурации связей. Обеспечивать гибкость институтов («песочницы», платформы) и инфраструктуры для быстрого перераспределения потоков. - Активации сетевой избыточности. Сознательно поддерживать наличие альтернативных связей и акторов (дублирование функций в кластерах), что повышает живучесть системы. - Генерации новых кооперационных форм. Стимулировать способность системы спонтанно создавать новые объединения (консорциумы, хабы) из разрозненных элементов в ответ на вызов. - Новизна для управления. Разработка новых показателей эффективности региональной политики, ориентированных на скорость адаптации, глубину кооперационных связей, наличие сетевой избыточности.

Источник: разработано автором

Таким инструментом, непосредственно вытекающим из принципов приоритета связей, адаптивности и циклического планирования, выступает разработанный автором алгоритм «управляемой сборки» региональной фрагментации, логика которого визуализирована на рисунке 1.4. Данный алгоритм начинается с диагностики, в ходе которой рассчитываются индексы концентрации (HNI_i) и специализации (EG_j) для всех элементов макрорегиона.

На основе этих расчетов осуществляется кластеризация, то есть группировка комплементарных экономических фрагментов по строгим критериям: территории с высокой концентрацией ($HNI_i > 0.25$) и низкой специализацией ($EG_j < -0.05$) выделяются как «потенциальные ядра синергии», в то время как зоны с умеренной концентрацией ($0.15 \leq HNI_i \leq 0.20$) и нейтральной специализацией ($|EG_j| \leq 0.04$) формируют «Зоны сетевой зрелости».

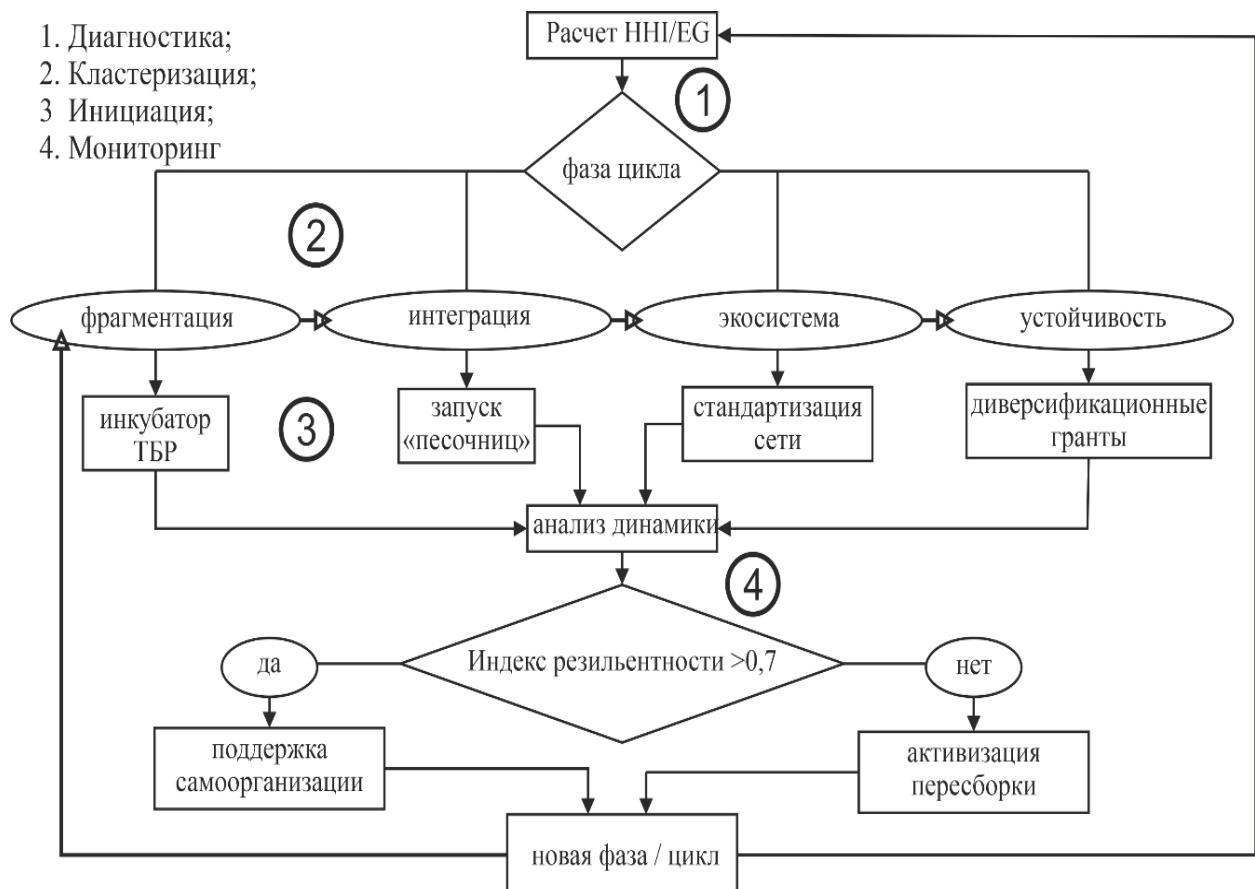

Рисунок 1.4 – Алгоритм «управляемой сборки» региональной фрагментации экономического пространства

Источник: разработано автором

Инициация «кросс-региональной пересборки» структуры хозяйственных связей макрорегиона происходит дифференцированно: для кластеров первого типа создаются «цифровые песочницы», стимулирующие инновационную кооперацию, а для кластеров второго типа запускаются программы стандартизации процессов и интерфейсов. Особенno важным этапом является мониторинг динамики, предполагающий ежеквартальный расчет изменений индексов (ΔNNI и ΔEG); при обнаружении отклонений выше 15 % от ожидаемой траектории требуется оперативная корректировка институциональных форм поддержки кластеров.

Важно подчеркнуть системную роль индексов NNI_i и EG_j в ДСПС. Во-первых, они служат ключевым инструментом обратной связи, обеспечивающим постоянную коррекцию траектории развития макрорегиона на основе объективных данных. Во-вторых, индексы формируют основу для создания «институциональных часов», позволяющих синхронизировать управленческие решения с выявленными фазами экономического цикла. В-третьих, они выступают универсальным инструментом коммуникации для всех акторов – бизнеса, власти и науки, обеспечивая общее понимание процессов. Наконец, постоянный мониторинг этих показателей действует как драйвер эмерджентности, так как позволяет выявлять точки спонтанной самоорганизации и зарождения новых сетевых структур в экономическом пространстве.

Центральным, стержневым механизмом, обеспечивающим работу алгоритма «управляемой сборки» на этапе инициации кооперации, является «кросс-региональная пересборка» (далее – КРП). Если алгоритм задает общую последовательность действий, то КРП – это конкретный институциональный инструмент, предназначенный для их выполнения. Цель «кросс-региональной пересборки» заключается в сознательном проектировании целевых институтов – правил, норм, организаций.

Эти институты призваны трансформировать существующее разнообразие в синергетические комплексы, достигая этого путем:

- 1) создания платформ, которые активно выявляют и усиливают взаимодополняемость фрагментов. Например, это может быть разработка

специальных правовых механизмов для консорциумов, объединяющих сырьевой регион А и перерабатывающий регион Б. Такие механизмы призваны преодолевать различия в региональном законодательстве и отсутствие исторических связей между территориями;

- 2) придания формального статуса и обеспечения ресурсной поддержки самоорганизующимся горизонтальным связям (например, между предприятиями или научными группами), которые уже возникают между акторами, но зачастую существуют неформально и ограничены административными границами;
- 3) учреждения над- или межрегиональных платформ, действующих по особым правилам в зонах высокой фрагментации. Ключевой принцип работы таких институтов – преодоление барьеров не через их демонтаж (что часто невозможно или нецелесообразно), а через создание новых «мостовых» институциональных структур, соединяющих фрагментированные элементы поверх существующих границ и препятствий.

Для обеспечения эффективности «кросс-региональной пересборки» как стержневого механизма региональной экономической политики на основе ДСПС необходимо заложить в ее основу принципиально новые организационно-управленческие принципы, кардинально отличающиеся от традиционной институциональной логики. Эти принципы составляют суть методологии «пересборки»:

- принцип адаптивности и временности (вместо догмы постоянства) предполагает радикальный отход от традиционной практики создания институтов (таких как министерства или агентства) в виде постоянных структур с жесткими, долгосрочными уставами. Например, реализацией этого принципа может служить «Экспертная платформа кросс-регионального развития Южного макрорегиона», функционирующая в рамках Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Юг России» на основе мандата, ограниченного сроком в 3-5 лет, по истечении которого она в обязательном порядке подвергается полной переоценке своих задач, состава участников и правил работы; аналогичная процедура пересмотра запускается автоматически при наступлении заранее

определенного значимого внешнего шока (такого как введение санкций или масштабный технологический прорыв). Такая система гарантирует, что институт сможет эволюционировать синхронно с изменениями в конфигурации связей между фрагментами экономической системы, которые он призван объединять;

- принцип функциональной специализации критически относится к практике наделения институтов размытыми, универсальными мандатами, такими как «комплексное развитие региона». Подобные формулировки неизбежно приводят к распылению ресурсов, отсутствию четкой ответственности и, как следствие, к неэффективности в решении конкретных задач по институциональной сборке.

В рамках ДСПС жесткая вертикаль управления сменяется принципом сетевой архитектуры и полицентричности. Суть которого заключается в формировании институтов развития как «узлов управления» в полицентричной сетевой структуре. Их власть основана не на административном подчинении, а на экспертизе, доступе к ресурсам (например, к Программам кооперационного финансирования межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия (далее – МАЭВ) или влиянию на «песочницы») и способности координировать интересы. Таким образом, управление фрагментацией реализуется путем сетевого согласования, а не директивного управления сверху.

Следовательно, динамико-сетевой подход, реализуемый через алгоритм «управляемой сборки» и механизм «кросс-региональной пересборки», представляет собой целостную управленческую технологию. Ее внедрение не предполагает тотальной ломки существующей системы региональной политики, но требует ее точечной и рациональной адаптации через соблюдение следующих ключевых условий:

- четкий временный мандат под конкретную задачу связности;
- оперативная автономия и упрощенные процедуры;
- прямой доступ к ресурсам (Программа кооперационного финансирования МАЭВ) и лицам, принимающим решения, для чего в Положении МАЭВ

устанавливается право Экспертной платформы принимать оперативные решения (до 500 млн. руб.) без одобрения Совета МАЭВ при угрозе распада связей;

- доминирующий состав из практиков (бизнес, наука) и заинтересованных субъектов;

- механизм быстрого запуска и такого же быстрого завершения/трансформации.

Формат «временной целевой группы» или «специального проектного офиса» внутри крупного института часто является оптимальным балансом между использованием инфраструктуры и сохранением необходимой гибкости и фокуса, что позволяет реализовать принцип «институционального клея» без избыточного усложнения системы управления. Главное – не дать инструменту потерять свою адхократическую (гибкую, проектную) суть.

Для эффективной реализации механизма «кросс-региональной пересборки» необходимо кардинально пересмотреть парадигму стратегического планирования, отказавшись от линейных моделей в существующей региональной политике в пользу динамического циклического подхода в рамках динамико-сетевого подхода структуризации, который принципиально по-новому трактует региональную фрагментацию и задает алгоритм управления развитием хозяйственными связями экономического пространства макрорегиона.

Таким образом, реализация динамико-сетевого подхода в парадигме «управляемой сборки» коренным образом меняет саму онтологию объекта управления. Традиционное восприятие макрорегиона как статичной, заданной административными границами территории или простой суммы входящих в него субъектов, исчерпывает свой объяснительный потенциал. Это закономерно подводит к необходимости концептуального пересмотра самого понятия «макрорегион», который в рамках динамико-сетевого подхода структуризации предлагается рассматривать не как данность, а как непрерывно эволюционирующий результат процессов самоорганизации.

1.3 Циклическая реконфигурация хозяйственных связей фрагментированного пространства макрорегиона

Результатом авторского понимания концепции макрорегиона становится вычленение особенностей в подходе к исследованию сущности организации экономического пространства с учетом современных вызовов.

Исходя из этого, центральной особенностью предлагаемого подхода становится то, что фрагментация как ресурс – особый подход к организации экономического пространства в новой парадигме, где пространственная раздробленность рассматривается как ценный актив. Она служит источником структурного разнообразия, необходимого для гибкой переконфигурации связей в ответ на вызовы, и создает условия для возникновения эмерджентных свойств всей системы, невозможных в жестко унифицированных структурах.

Между тем, специализация, локализация и диверсификация тесно связаны с циклической эволюцией макрорегиона. Так, специализация и локализация чаще усиливают деструктивную фрагментацию, но могут стать конструктивными при управляемом использовании (например, создание комплементарных кластеров), а диверсификация выступает инструментом смягчения фрагментации, но может провоцировать новую фрагментацию через технологические разрывы.

Этот пересмотр роли фрагментации закономерно приводит ко второй основополагающей особенности. Она заключается в том, что циклическая модель развития становится ключевым подходом к организации экономического пространства в рамках нового понимания макрорегиона.

Традиционная парадигма регионального развития, укорененная в линейных и детерминистических моделях, рассматривает фрагментацию экономического пространства как симптом кризиса и регресса, подлежащий устраниению. Однако возрастающая сложность и нелинейность глобальных экономических процессов выявили ограниченность такого подхода. В противовес ему предлагается

циклическая модель развития фрагментации в рамках динамико-сетевого подхода, которая осуществляет радикальный эпистемологический сдвиг: фрагментация признается неотъемлемым, закономерным и конструктивным элементом эволюции пространственных систем (Приложение Б).

Суть данной модели, радикально отличающая ее от традиционного управления, заключается в синхронизации стратегий, инструментов и оценок с внутренней динамикой эволюции макрорегиона через фазы: 1) Фрагментация (Φ) → 2) Интеграция (I) → 3) Экосистема (\mathcal{E}) → 4) Устойчивость (U) → (Новая Фрагментация ($N\Phi$)). Рассмотрим его содержание и ключевые отличия от традиционного управления.

Развивая эту логику, подробно рассмотрим содержание каждой фазы. Она обеспечивает динамическую синхронизацию основных элементов региональной политики стратегических целей, инструментов (в первую очередь, механизмов «кросс-региональной пересборки») и системы оценки эффективности с внутренней логикой и продолжительностью фаз эволюционного цикла развития фрагментации экономического пространства макрорегиона:

1) фаза Фрагментации (Φ): Управляемое творческое разрушение В рамках Циклической модели развития фрагментации фаза Фрагментации (Φ) представляет собой фундаментальный сдвиг в восприятии пространственного развития. Это не кризис, подлежащий немедленному подавлению, а закономерный и конструктивный этап эволюции хозяйственных связей макрорегиона, следующий за фазой Устойчивости и предваряющий фазы Интеграции и Экосистемы. Ее суть заключается в радикальном переходе от борьбы с распадом к его глубокому осмыслинию и использованию в качестве питательной среды для будущего роста.

Фокус управления на этой фазе кардинально меняется: ключевой задачей становится не остановка неизбежного распада устаревших связей и структур, а принятие этого процесса с последующей диагностикой и инкубацией зарождающихся в хаосе «точек будущего роста» (далее – ТБР).

Ключевые действия, определяющие новый подход и его отличие от традиционной линейной парадигмы:

- «Картография фрагментов» (вместо точечного устраниния проблем).

Системный анализ не только локаций и масштабов «разрывов», но, в первую очередь, их причин и формирующихся-структуры. Это поиск ответа на вопрос: «Что нового и жизнеспособного рождается в условиях изоляции?». В такой ситуации традиционный подход фиксирует, «где плохо», чтобы направить ресурсы на «латание дыр». Новый подход ищет «где рождается новое» (нишевые производства, локальные инновации, самоорганизующиеся сообщества) в изолированных «островах» фрагментированного пространства;

- «Инкубатор точек будущего роста» (вместо масштабных инфраструктурных проектов). Точечная, «штучная» поддержка выявленных точек роста. Цель – не форсировать их немедленное укрупнение, а обеспечить условия для вызревания и проверки их жизнеспособности. Вместо дорогостоящего строительства крупной инфраструктуры «вслепую» применяются гибкие инструменты: микрогранты, экспертные консультации, предоставление доступа к данным и аналитике. Поддержка оказывается не по инерции (старым центрам), а по потенциальному;

- «Антихрупкое резервирование» (вместо растраты ресурсов на текущие проблемы). Формирование стратегического «резерва сборки» финансового, материального, компетентностного. Такие ресурсы не тратятся на сиюминутное «латание дыр», а консервируются для следующей фазы Интеграции, когда потребуются силы для новой «сборки» хозяйственных связей макрорегиона вокруг инкубированных ТБР. Кризисное управление в линейной парадигме предполагает распыление всех доступных резервов на борьбу с симптомами, что ослабляет систему перед лицом будущих вызовов. Новый подход усиливает систему, накапливая ресурсы для будущего скачка.

Ключевые показатели эффективности (КПИ) фазы (Φ), отражающие ее истинные цели:

- количество и качество выявленных ТБР; при чем это не просто список, а глубокая экспертиза их потенциала новой специализации или технологии;

- глубина анализа причин фрагментации, т.е. объективное понимание системных, а не конъюнктурных причин распада;
- объем и качество сформированного «резерва сборки», определяется стратегическим запасом ресурсов, готовых к применению на следующем витке цикла.

Таким образом, фаза Фрагментации – это управляемый процесс «творческого разрушения», где энергия распада существующих систем направляется на диагностику и взращивание элементов новой, более адекватной будущим вызовам конфигурации макрорегиона;

2) естественным следствием и прямым продолжением фазы (Ф) становится фаза Интеграции (И). Если на предыдущем этапе были выявлены и взращены жизнеспособные «точки будущего роста» (ТБР), то теперь задача заключается в том, чтобы катализировать процесс их спонтанного соединения в новую, более сложную сетевую структуру. Этот переход от диагностики к синтезу представляет собой коренной сдвиг: основное содержание заключается не в директивном планировании иерархических связей, а в создании условий для возникновения «институционального клея», скрепляющего фрагменты через взаимную выгоду.

В соответствии с этой новой задачей, фокус управления смещается с поддержки изолированных точек роста на стимулирование образования горизонтальных связей между ними.

Реализация данного подхода на практике раскрывается через следующие ключевые действия, реализующие принцип катализа самоорганизации и отличающие его от традиционного подхода.

Первое действие направлено на обеспечение гибкости институтов в форме продвижения механизма пересборки вместо создания постоянных надзорных органов. Оперативное и гибкое формирование временных, целевых структур под конкретные, выявленные на фазе (Ф) зоны комплементарности между фрагментами и ТБР. Вместо создания универсальных и постоянных комитетов по

развитию, создается т. н. «институциональный клей» с ограниченным сроком функционирования и четкой задачей.

Второе действие предлагает стимулы для добровольной кооперации вместо финансирования изолированных проектов, что определяется перенаправлением финансовых и административных потоков. Поддержка оказывается не отдельным предприятиям или территориям, а исключительно совместным, кросс-региональным инициативам. Традиционная модель субсидирует сильных игроков в надежде на «эффект просачивания». Новая модель финансирует само «просачивание»: совместные R&D, общие маркетплейсы, разделяемую логистику. Налоговые кредиты предоставляются не за объем производства, а за установление доказанных функциональных связей.

Третье действие касается инфраструктурных инвестиций. «Инфраструктура связности» вместо универсальной инфраструктуры «на вырост». Точечные инвестиции в инфраструктуру, которая устраняет конкретные, выявленные «узкие места» для формирующихся связей. Тем самым происходит отказ от строительства дорог «вообще» или масштабных ИТ-платформ «для всех». Вместо этого создается, например, специализированный цифровой шлюз для безопасного обмена данными между двумя технопарками или модернизируется один логистический терминал, критичный для связки выявленного элемента будущего кросс-регионального взаимодействия.

Для оценки эффективности процессов, запущенных на фазе Интеграции, предлагаются следующие ключевые показатели (KPI), измеряющие динамику сетевого образования:

- плотность новых функциональных связей, выраженная в виде количества и интенсивности кооперационных соглашений, совместных проектов, транзакций между бывшими фрагментами;
- объем инвестиций в кросс-региональные проекты, такие как доля финансовых потоков, направляемых исключительно на совместные инициативы;

– скорость запуска механизма пересборки – это то время от выявления зоны комплементарности до создания работоспособного инструмента для её реализации.

Подводя итог, можно утверждать, что фаза Интеграции – это процесс формирование сетевого каркаса макрорегиона изнутри, где управление минимальными, но высокоточечными воздействиями («катализ») приводит к максимальному синергетическому эффекту за счет добровольной кооперации равных участников;

3) фаза Экосистемы (Э) характеризуется качественным переходом, логически вытекающим из успешной интеграции, фиксирующая переход от интегрированной сети к устойчивой, самоподдерживающейся и адаптивной полицентрической структуре. Если на предыдущем этапе управление фокусировалось на создании связей как таковых, то здесь его суть кардинально меняется: фокус смещается на наделение самой сети свойствами живого организма – способностью к круговороту ресурсов, внутренней сложности и устойчивости (адаптивной резильентности) за счет множественности центров. Таким образом, ключевая задача этой фазы заключается в трансформации набора кооперационных связей в целостную экосистему, где ценность создается не отдельными узлами, а их сложным, циркулярным взаимодействием.

Для достижения этой цели фокус управления заключается в закреплении и усилении двух ведущих свойств системы: полицентричности (отказ от моноцентрической модели) и циркулярности (замыкание ресурсных и экономических потоков).

Конкретизацию данного подхода демонстрируют главные действия (такты), направленные на укрепление системных свойств и принципиально отличающиеся от традиционного отраслевого планирования.

Первый торт нацелен на трансформацию экономической логики. Замыкание ресурсных контуров вместо поддержки линейной экономики. Целенаправленное создание условий для промышленного симбиоза, где выходы (в том числе отходы) одних предприятий становятся ресурсом для других, что трансформирует цепочки

стоимости в ценностные сети. На практике это означает, что вместо оптимизации изолированных производств новая модель оптимизирует потоки между ними. Создаются цифровые платформы-«биржи» для автоматического поиска комплементарных партнеров.

Второй – пересматривает пространственную организацию. Развитие полицентризма вместо гипертрофированного развития одного центра. Осознанное «выращивание» нескольких (3-5) узлов роста с уникальной специализацией, которые связаны между собой, а не подчинены одному мегаполису. Это позволяет осуществить отказ от политики «выравнивания» или концентрации ресурсов в столице, тем самым осуществляется перераспределение функций и поддержка их специализации и взаимосвязей.

Третий – действие вводит новые правила взаимодействия. «Сетевые стандарты» вместо отраслевых или корпоративных стандартов. Разработка и внедрение единых «правил игры» для всей экосистемы, обеспечивающих ее бесшовность и эффективное взаимодействие автономных участников. Важно подчеркнуть, что в отличие от традиционных ведомственных стандартов, создающих барьеры, сетевые стандарты (данных, протоколов взаимодействия, экологических норм) являются межотраслевыми и добровольно принимаемыми, что снижает транзакционные издержки и усиливает синергию.

Объективную оценку зрелости формирующейся экосистемы позволяют дать ключевые показатели эффективности (KPI) фазы, измеряющие ее системные качества:

- доля циркулярных ресурсных потоков в общем объеме в виде процента вторично использованных материалов, энергии и отходов в общей экономике макрорегиона;
- сбалансированность развития узлов полицентрической сети – отсутствие критического разрыва в темпах роста, уровне инвестиций и качестве жизни между узлами при сохранении их функциональной специализации;

– уровень стандартизации взаимодействий, как доля участников экосистемы, работающих по единым протоколам и использующих общие платформы данных.

Таким образом, фаза Экосистемы представляет собой создание «иммунной системы» макрорегиона: сложной, поликентричной и циркулярной структуры, способной к автономной адаптации, внутреннему воспроизведству ресурсов и устойчивому развитию. Достигнутая на этом этапе зрелость, однако, не является конечным пунктом, а, напротив, готовит систему к новому витку цикла – фазе Устойчивости и потенциальной Новой Фрагментации, закладывая в свою основу источники будущего обновления;

4) фаза Устойчивости (У). Достигнутая системная зрелость фазы (Э) закономерно приводит к фазе Устойчивости (У), которая в циклической модели представляет собой парадоксальный антипод традиционному пониманию этого термина. В отличие от статичного представления о стабильности, это не состояние покоя и не консервация достигнутого статус-кво, а, напротив, период высокой управлеченческой активности, направленной на подготовку системы к неизбежному и конструктивному обновлению через распад. Данный парадокс раскрывается в следующем: успешная, зрелая экосистема закономерно порождает в себе зародыши следующего цикла – новые технологические уклады, виды деятельности и социальные практики, которые со временем вступят в противоречие со сложившейся структурой. Следовательно, суть фазы сводится к осознанному принятию принципа «творческого разрушения» и управлеченческой работе на его опережение.

В соответствии с этой новой парадигмой фокус управления кардинально меняется: задача состоит не в том, чтобы любой ценой сохранить созданную экосистему, а в том, чтобы распознать признаки ее будущего устаревания и мягко направить систему к предстоящей Новой Фрагментации (НФ), минимизируя издержки и максимизируя потенциал нового витка развития.

Практическая реализация этой проактивной стратегии раскрывается через ключевые действия, принципиально отличающие ее от реактивного кризисного управления:

- первое действие меняет приоритеты финансирования.

Диверсификационные гранты вместо субсидий для поддержания текущих лидеров, т.е. происходит целенаправленное инвестирование не в ядро успешной экосистемы, а в ее «периферию» – в экспериментальные проекты, бросающие вызов сложившимся практикам, и в потенциально перспективные, но пока отстающие зоны;

– второе действие трансформирует систему мониторинга. Анализ напряжений вместо мониторинга стабильности. Системный мониторинг и анализ не стабильности, а, напротив, зарождающихся дисбалансов, разрывов и конфликтов внутри экосистемы (например, растущий технологический или доходный разрыв между узлами сети). Коренное отличие здесь заключается в том, что в линейной парадигме такие напряжения рассматриваются как угрозы, которые надо подавить, тогда как в циклической – это ценные сигналы, указывающие на направление будущей трансформации и локацию точек будущего роста;

– третье действие обеспечивает институциональную гибкость, т.е. планомерный пересмотр, реформа или расформирование институтов «кросс-региональной пересборки» и других структур, выполнивших свою миссию в текущем цикле. Одновременно – запуск прототипов новых «инкубаторов», адекватных зарождающимся вызовам. Эта мера призвана противодействовать свойственной традиционной системе тенденции к институциональному окостенению, тогда как циклическая модель требует постоянного мониторинга управляемых структур, их обновления в такт эволюции системы;

– четвертое действие внедряет прединвестиционное планирование. Сценарии «Новой фрагментации» вместо сценариев кризисного реагирования. Проактивная разработка и регулярное обновление пакета управляемых сценариев для различных вариантов будущего распада.

Для оценки готовности системы к предстоящему обновлению предлагаются следующие ключевые показатели эффективности (КПИ) фазы, измеряющие проактивность управления:

- объем инвестиций в диверсификацию – доля бюджета, направляемая на поддержку периферийных и оппозиционных текущей системе проектов;
- качество и глубина сценариев новой фрагментации, включая реалистичность, проработанность и степень принятия этих сценариев ключевыми стейкхолдерами;
- эффективность ротации институтов, включающих скорость и бесконфликтность процесса расформирования старых и создания новых управленческих структур;
- Индекс адаптивной готовности, в виде композитного показателя, отражающего способность системы к распознаванию сигналов изменений и быстроте реакции на них.

Таким образом, фаза (У) представляет собой управляемый финиш текущего цикла и стартовую площадку для следующего. Циклическая модель утверждает, что высшая форма устойчивости в динамично сложной системе признается не в сопротивлении изменениям, а в способности к организованному, своевременному и продуктивному самообновлению через механизм управляемой фрагментации. Это завершает полный виток цикла, подводя систему к порогу Новой Фрагментации – не как коллапса, а как точки роста для следующего, более высокого витка спирали развития.

Циклическая модель в динамико-сетевом подходе – это не описание стихийного «жизненного цикла» системы, а проактивная управленческая парадигма, основанная на нескольких фундаментальных свойствах, радикально отличающих ее от линейного планирования.

Такое отличие проявляется, прежде всего, в переосмыслении самой природы фрагментации и, как следствие, природы управления.

Во-первых, это центральный парадокс и стержень всей модели, вытекающий из парадокса Гранберга (о возрастании межрегиональных различий в процессе развития).

Здесь сталкиваются две принципиально разные логики:

1) логика традиционной парадигмы заключается в том, что фрагментация – это всегда симптом кризиса, распада, регресса. Она рассматривается как угроза целостности и устойчивости, которую необходимо предотвращать или немедленно устранять путем усиления интеграционных и выравнивающих мер. Это взгляд на пространство как на статичную конструкцию;

2) логика циклической модели, напротив, состоит в том, что Новая Фрагментация (НФ) – это закономерный и позитивный итог успешной фазы Устойчивости (У). Экономический рост, углубляющаяся специализация, технологические прорывы и появление новых видов деятельности неизбежно приводят к тому, что существующая сетевая структура (Экосистема) становится слишком «тесной» и ригидной для новых экономических агентов и практик. Они возникают на ее «окраинах» или в межузловых пространствах, создавая новые, еще не признанные системой разрывы.

Таким образом, НФ – это не коллапс, а форма эволюционного отбора и созревания нового. Управление на фазе (У) готовит систему к этому, целенаправленно выявляя и «инкубируя» точки будущего роста (далее – ТБР), которые и станут причиной и ядром следующего витка развития. Следовательно, цикл $\Phi \rightarrow И \rightarrow Э \rightarrow У$ не просто повторяется, а развивается по спирали, где каждый новый виток начинается с фрагментации на качественно новом уровне сложности и специализации.

Во-вторых, кардинально меняется цель управления.

Если в иерархической модели важно достижение и поддержание стабильного, сбалансированного состояния (равновесия) через иерархическое управление, то в циклической модели цель сводится к поддержанию динамического неравновесия как источника развития. Это означает, что управление работает не с иерархией, а с сетевой топологией, постоянно

перераспределяя ресурсы и внимание между узлами и связями. Фазы в этой модели – это не этапы, а сменяющие друг друга режимы управления сетью: от диагностики разрывов (Φ) и катализа связей (I) к укреплению поликентричной структуры (Θ) и, наконец, к управляемому изменению этой структуры (Y) для запуска нового цикла.

В-третьих, закладывается основа для упреждающего управления, а не реактивного регулирования.

Так, если в традиционном виде региональная политика носит реактивный характер – ответ на возникшие проблемы (рост неравенства, кризис перепроизводства, социальную напряженность), то в циклической модели каждая фаза содержит в себе зародыш управления следующей фазой:

- на фазе Фрагментации закладывается «резерв сборки» для будущей Интеграции;
- на фазе Интеграции создаются связи, которые должны сложиться в Экосистему;
- на фазе Экосистемы закладывается поликентризм, который облегчит будущий управляемый распад;
- на фазе Устойчивости ведется прямая подготовка к Новой Фрагментации.

В итоге, предлагаемая циклическая модель представляет собой не просто наблюдение за предопределенным циклом, а непрерывный процесс опережающего взаимодействия с внутренней динамикой макрорегиона, где управление учится не бороться с неизбежным, а использовать его энергию для поступательного развития.

Особенным операционным отличием циклической модели является целенаправленное управление процессами дезинтеграции, что абсолютно немыслимо в линейной парадигме. Это не пассивное принятие хаоса, а активная стратегия использования энергии распада для обновления системы.

Если в логике традиционной парадигмы доминирует принцип «только интеграция», и поэтому все управленческие усилия и ресурсы направляются на

интеграцию, коопeração и сглаживание различий, то циклическая модель утверждает принцип «запланированной дезинтеграции».

В рамках этого подхода любой признак фрагментации (рост межрегиональных различий, разрыв связей, возникновение конфликтующих норм) в линейной парадигме трактуется как угроза, которую необходимо подавить; управление фрагментацией приравнивается к ее ликвидации; система стремится к гомеостазу, где любые отклонения от нормы гасятся.

В противоположность этому, циклическая модель предлагает осознанное допущение распада, когда управление не просто «принимает» фрагментацию как неизбежный факт, а легитимизирует ее как необходимый механизм «обновления пространства» от устаревших, неэффективных или потерявших актуальность структур и связей. По своей сути, циклическая модель – это управляемый кризис, цель которого – вскрыть противоречия, сдерживающие развитие.

Такой подход наиболее ярко проявляется на фазе Устойчивости, где система не консервируется, а целенаправленно «фрагментируется» через диверсификационные гранты и анализ напряжений. Таким образом происходит проактивная подготовка к дезинтеграции, создание «точек напряжения», из которых произойдет продуктивный разрыв.

При наступлении новой фрагментации управленческий ответ кардинально меняется: ресурсы целенаправленно не направляются на восстановление старых, отмирающих связей; вместо этого они концентрируются на поддержке новых, зарождающихся в условиях изоляции структур (ТБР); происходит не «ремонт» системы, а её пересборка на новой элементной базе.

Этот операционный механизм коренным образом отличает циклическую модель от традиционных подходов, превращая дезинтеграцию из угрозы в инструмент развития и обеспечивая способность системы к постоянному самообновлению через управляемые циклы распада и сборки.

Логика традиционной парадигмы действительно следует принципу «универсальные программы»: единый набор инструментов (субсидии,

строительство инфраструктуры, создание ОЭЗ) и ключевых показателей (ВРП, объем инвестиций, уровень занятости) применяется повсеместно и неизменно.

Фундаментальная проблема такого подхода заключается в том, что такие меры остаются «слепы» к внутренней динамике территории. Строительство дороги или предоставление налоговых льгот осуществляется по единому шаблону как для растущего, так и для депрессивного региона. В результате KPI фиксируют формальный результат, но не диагностируют процесс и не указывают на корректность выбранной стратегии.

В противоположность этому, в рамках логики циклической модели действует принцип «прецзионного управления по фазе», который подразумевает:

1) инструменты как «переключаемые режимы» – каждый этап цикла имеет уникальный инструментарий, не типичный для других фаз:

- фаза (Ф) – микрогранты, картография разрывов, антихрупкое резервирование (недопустимо крупное инфраструктурное строительство);
- фаза (И) – фонды синергии, кросс-региональные налоговые кредиты, «песочницы» для кооперации (недопустимо финансирование изолированных проектов);
- фаза (Э) – платформы для промышленного симбиоза, гранты на поликентрическое развитие, внедрение сетевых стандартов;
- фаза (У) – диверсификационные гранты, финансирование сценариев НФ, механизмы ротации институтов.

2) KPI как «диагностические маркеры» – показатели эффективности становятся высокоспецифичными и выполняют не только контролирующую, но и диагностическую функцию, подтверждая, что система находится в ожидаемой фазе и адекватно на нее реагирует.

Гибкость управления и бюджетирования требует коренного пересмотра систем бюджетирования и оценки, когда бюджет становится «мультивалютным». В таком случае средства жестко закрепляются за типами фаза-специфичных инструментов или «переключаемых режимов».

Следствием такого подхода становится «плавающее» бюджетное планирование, требующее создания принципиально иного бюджетного механизма – гибкого, адаптивного, где значительная часть средств не закреплена жестко за проектами, а подлежит перераспределению по мере диагностирования смены фаз. Ключевым навыком управления становится способность точно диагностировать фазу и оперативно перенаправлять финансовые потоки в соответствии с ее приоритетами.

Важным критерием стабильности региональной динамики становится адаптивная резильтентность [2]. Это свойство переопределяет саму цель управления, смещая фокус с поддержания статичных показателей на развитие динамических способностей системы. Наиболее объективными показателями, отражающими структурные изменения, являются показатели ВРП и численности занятых [165]. Заметим, что именно эти показатели чаще всего выступают индикаторами региональной резильтентности.

Устойчивость (Y) в циклической модели измеряется не статикой, а динамическими характеристиками системы – ее способностью к быстрой и эффективной реконфигурации в ответ на вызовы, используя для этого механизмы фрагментации и последующей пересборки.

KPI адаптивной резильтентности можно свести к трем ключевым показателям:

- 1) Скорость переключения ресурсных потоков – показатель того, насколько быстро система может перенаправить финансы, компетенции и материальные ресурсы с поддержки старых структур на инкубацию новых в момент шока;
- 2) Уровень сетевой избыточности – наличие дублирующих связей и функциональной избыточности, которая позволяет системе сохранять целостность при разрыве отдельных ключевых связей;
- 3) Успешность генерации новых кооперационных форм – способность быстро создавать новые временные институты и формы кооперации из фрагментов для ответа на конкретный вызов.

Такой подход позволяет перейти от реагирования на кризисы к их опережающему преобразованию в возможности для развития, где каждый цикл фрагментации становится не угрозой стабильности, а механизмом качественного обновления региональной системы.

В продолжении этого, циклическая модель развития фрагментации предлагает диалектический синтез трех фундаментальных экономических процессов – специализации, локализации и диверсификации, которые в линейной парадигме часто рассматриваются как противоречащие друг другу. В рамках данной модели они становятся взаимосвязанными и последовательно доминирующими драйверами на разных фазах цикла, обеспечивая его поступательное движение.

Существующий подход в региональной экономике рассматривает диверсификацию региона как универсальную и постоянную цель для снижения рисков, часто достигаемую за счет привлечения внешних инвестиций в несвязанные отрасли, но в циклической модели диверсификация получает новую, стратегическую роль на фазе Устойчивости (У). Она является не просто средством снижения рисков, а инструментом управляемой дестабилизации и подготовки к Новой Фрагментации.

Циклическая модель развития фрагментации предлагает принципиально иное понимание для анализа и управления пространственным развитием. Она легитимизирует фрагментацию как источник обновления, требует фазо-специфичных инструментов управления и переопределяет устойчивость как способность к адаптивной реконфигурации. Устойчивость позволит: создать базу для быстрого восстановления экономики регионов после кризисов, привлечь инвестиции и увеличить инновационный потенциал [117]. Такой подход позволяет не бороться с неизбежной динамикой сложных систем, а использовать ее внутреннюю энергию для обеспечения долгосрочной жизнеспособности и конкурентоспособности макрорегиона.

Анализ традиционных подходов к структурированию экономического пространства макрорегиона (институционального, кластерного, программно-

стратегического и др.) выявил их системные ограничения: ригидность, слабую адаптивность к фрагментации и внешним шокам. В качестве альтернативы предложен динамико-сетевой подход структуризации (ДСПС), который рассматривает фрагментацию не как деструкцию, а как потенциальный ресурс развития. Его ключевые принципы: управление динамикой функциональных связей между акторами; создание адаптивных институтов кооперации; циклическое планирование и оценка эффективности через призму адаптивной резильентности, воплощаясь через алгоритм «управляемой сборки» и механизм «кросс-региональной пересборки».

В таком случае подход основан на переосмыслении макрорегиона как самоорганизующейся полицентричной системы, границы которой определяются не административными рамками, а интенсивностью функциональных связей между акторами. Фрагментация, будучи объективным процессом, трансформируется в источник синergии через указанные механизмы, осуществляясь через циклическую модель развития, включающую фазы Фрагментации, Интеграции, Экосистемы и Устойчивости. Ключевой вывод заключается в том, что каждая фаза, включая фрагментацию, является закономерным и конструктивным этапом, требующим специфических инструментов управления. Это позволяет трансформировать энергию распада в ресурс развития, обеспечивая долгосрочную адаптивную резильентность системы и переводя управление на качественно новый уровень.

Анализ теоретических основ к фрагментации экономического пространства позволяет сделать вывод, что это закономерный этап эволюции макрорегиона, а не исключительно негативное явление. Основная идея заключается в переходе от статичной модели «центр–периферия» к динамичной, где макрорегион рассматривается как самоорганизующаяся полицентричная система. Его границы определяются не административными рамками, а интенсивностью функциональных связей между акторами (предприятия, НИИ, города). Фрагментация, будучи объективным процессом, трансформируется в источник синергии через механизмы «кросс-региональной пересборки», такие как цифровые

платформы и консорциумы, что повышает адаптивность и устойчивость системы в условиях внешних вызовов.

Представленная циклическая модель развития фрагментированного экономического пространства макрорегиона, состоящая из четырёх последовательных фаз: Фрагментация, Интеграция, Экосистема и Устойчивость, заключается в том, что фрагментация рассматривается как закономерный и конструктивный этап «творческого разрушения», создающий основу для будущего обновления и роста. Управление должно быть синхронизировано с этими фазами, используя специфические для каждого этапа инструменты и критерии оценки, что позволяет трансформировать энергию распада в ресурс развития и обеспечивать долгосрочную адаптивную резильентность системы.

Глава 2 Диагностика фрагментации и инструменты региональной политики Южного макрорегиона

2.1 Структурно-функциональное состояние региональной фрагментации экономического пространства Южного макрорегиона

Трансформация хозяйственных связей макрорегионов требует крепкого инфраструктурного каркаса. Южный макрорегион обладает уникальными природно-климатическими условиями и выгодным географическим положением, являясь ключевым международным транспортным коридором. Выбор подходов к региональной политике определяет характер взаимосвязей макрорегиональных комплексов и уровень их самообеспечения. Анализ социально-экономических показателей позволяет выявить позиционирование макрорегиона в экономике РФ и проработать сценарии развития территорий.

Парадигма формирования макрорегиональных хозяйственных комплексов представляет собой совокупность научных подходов к созданию экономических систем на макроуровне (рисунок 2.1). Особенno важен сетевой подход, учитывающий сотрудничество различных административных единиц государства и конкурентные преимущества макрорегионов, способствующий совершенствованию персонифицированного производства, основанного на высоких технологиях. Инновационный процесс формирования макрорегиональных хозяйственных связей Российской Федерации имеет такие отличительные черты, как большое экономическое пространство, преодолевающее внутреннюю сегментацию; мезоуровневая локализация; формирующаяся новая национальная экономика; в макрорегиональном масштабе складываются

локальные зоны роста экономики и хозяйственной периферии; соединение различных экономических укладов и форм собственности, ресурсных потенциальных комплексов разных регионов и синергетическое увеличение обособленных региональных систем с масштабированием макрорегиональных объемных рынков, помогающих снизить трансакционные расходы [44].

Рисунок 2.1 – Парадигма формирования макрорегиональных комплексов

Источник: составлено автором по материалам [44].

В Южный макрорегион входят три республики: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым; три области: Астраханская, Волгоградская и Ростовская; один край – Краснодарский и один город

федерального значения – г. Севастополь. Такая пространственная конфигурация отражает начальный этап формирования макрорегионального единства, где структурная неоднородность и фрагментация хозяйственных связей являются закономерной, но требующей трансформации фаз развития.

Координация экономического взаимодействия между субъектами макрорегиона осуществляется в рамках специально созданной ассоциации. Необходимо отметить, что субъектами Южного макрорегиона заключено множество соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с более чем 60 регионами РФ, среди которых Республика Татарстан, Волгоградская область, Калужская область, Московская область, Орловская область, Краснодарский край и Курская область. В марте 1992 г. была создана Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Южного федерального округа «Северный Кавказ». В марте 2011 г. на основании Указа Президента РФ № 82 от 19.01.2010 г. по согласованию с полномочным представителем РФ в Южном федеральном округе организация была преобразована в Ассоциацию экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Южного федерального округа «ЮГ» (далее – Ассоциация). В состав Ассоциации входят: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область. Подобные институциональные рамки создают предпосылку, но не гарантируют перехода к качественно новому уровню взаимодействия, необходимому для преобразования текущей фрагментации пространства в источник синергетического эффекта.

Экономико-географическое положение макрорегиона достаточно выгодное, поскольку он расположен в южной части Восточно-Европейской равнины, северо-западе Прикаспийской низменности, Крымском полуострове и западной части Большого Кавказского хребта. Уникальность транспортно-транзитного потенциала состоит в перспективном развитии Волго-Каспийского пути из Северной и Центральной Европы в страны Средней и Южной Азии, а также Транссибирско-Черноморского пути. Территория содержит протяженные побережья Азовского, Черного и Каспийского морей.

Основу региональной экономики составляют межотраслевые комплексы, такие как агропромышленный, курортно-рекреационный и машиностроительный. В макрорегионе производят почти 18 % от всей сельскохозяйственной продукции в стране. Здесь выращивают более половины всех виноградников России. На территории макрорегиона находятся крупнейшие транспортные артерии, в том числе и газопроводы. По статистическим данным за 2023 г. доля Южного макрорегиона в экономике РФ характеризуется следующими данными (в % от общероссийских показателей): по численности населения – 11,4, по численности рабочей силы – 10,9, по региональной структуре валового регионального продукта – 6,6, по инвестициям в основной капитал – 6,5, по стоимости основных фондов – 8,2, по валовому сбору зерна – 26, по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности – 2,26, по поголовью скота – 12,9, объему выполненных работ в строительстве – 7,34, по продукции сельского хозяйства – 17,7, по обороту розничной торговли – 11,3. Хороший климат и плодородная почва обуславливают выращивание сельскохозяйственных культур.

По данным Министерства сельского хозяйства Южный макрорегион является ведущим регионом по производству растениеводческой продукции в РФ. Его доля составляет около 27 % зерновых культур, 22 % масличных, 32 % овощей, приблизительно 22 % сахарной свеклы от выращенных в целом в государстве. В 2023 г. аграрные предприятия округа собрали 38,8 млн. тонн зерна [93]. Общая посевная площадь в 2023 г. составила около 13,4 млн. га. Увеличивается посев яровых зерновых, кормовых культур, кукурузы, риса и овощей [75].

Экономическое развитие макрорегиона неразрывно связано с социальными аспектами. Региональная политика должна учитывать интересы всех слоев населения и обеспечивать равные права в получении общественных благ. Согласно ст. 7 Конституции РФ, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека [164]. Современная социальная система Южного макрорегиона, включающая в себя социальные институты, политику и культуру, общности и

группы, защиту и обеспечение, ответственность, партнёрство и социальную сферу [125]. Государство обеспечивает охрану труда и здоровья, устанавливает МРОТ, поддерживает семью, инвалидов и пожилых граждан, развивает систему социальных пособий и пенсий. Эти конституционные нормы создают основу для социальной политики, включающей гарантии прав и свобод, поддержку уязвимых групп населения и социальное партнерство.

Современная социальная система Южного макрорегиона, включающая социальные институты, политику и культуру, индикаторы человекоцентричности и устойчивости [21], взаимосвязана с национальными проектами и соответствует Стратегии пространственного развития РФ.

В целях позиционирования Южного макрорегиона в экономике Российской Федерации и выявления его конкурентных преимуществ, рассмотрим динамику валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) по макрорегионам [20], классифицированным согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.» за 2016-2022г с целью выявления значения Южного макрорегиона в экономике РФ.

Структуру производства сельхозпродукции РФ составляют: сельскохозяйственные организации (68,7 %), хозяйства населения (1,1 %), крестьянские (фермерские) хозяйства (30,2 %). Все макрорегионы РФ имеют положительную динамику увеличения ВДС по сельскому хозяйству. Лидерами роста по шестилетней динамике является Южный макрорегион (+74,6 %), а также Центрально-Черноземный (+72,8 %) и Волго-Уральский макрорегионы (+93,6 %). В 2022 г. показатель ВДС по субъектам Южного макрорегиона составляет: в Краснодарском крае – 411,80 млрд. руб. (6,7 % от ВДС России по сельскому хозяйству), в Ростовской области – 293,69 млрд. руб. (4,9 %) соответственно. В Центрально-Черноземном наибольшая часть ВДС приходится на Воронежскую и Белгородскую области – 222,78 млрд. руб. и 206,29 млрд. руб., что в совокупности составляет 6,8 % от соответствующего показателя по РФ. Мощный темп прироста ВДС сельскохозяйственной отрасли объясняется благоприятным климатом,

внедрением новых технологий выращивания и сбора урожая и расширением экспортных направлений.

Региональная динамика строительной отрасли, включающей в себя строительство зданий и инженерных сооружений, за 2016-2022 гг. демонстрирует стремительный рост ВДС в Центральном и Уральско-Сибирском макрорегионах, преимущественно за счет ВДС г. Москвы и Тюменской области (в том числе Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ и Тюменская область без автономных округов). В Москве существенным фактором увеличения ВДС является не только количество введенной в эксплуатацию недвижимости, но и высокая стоимость жилья. Интенсивность притока трудовых ресурсов и повышение уровня занятости в Тюменской области обеспечивает рост ВДС. Поддержка государством ипотечного банковского кредитования также играет немаловажную роль на строительном рынке. Южный макрорегион занял 6 позиции по уровню ВДС по строительству в 2022 году, увеличив показатель за исследуемый период почти вдвое, что говорит о масштабе возведения дорог, мостов, ИЖС, многоквартирных домов и социальных объектов.

Торговля и ремонт техники занимают первостепенное значение во многих макрорегионах и сформировали в 2022 г. 15 % (21037, 42 млрд. руб.) от всей ВДС РФ, что составило 60,34 % по отношению к 2018 г. Наиболее развит уровень торговли там, где проживает большая часть населения – Центральном (30,22 млн. чел.) и Северо-Западном макрорегионе (9890,7 млн. чел.). Южный макрорегион занимает 3 место по уровню ВДС, что свидетельствует об интенсивных хозяйственных связях, эффективных логистических цепочках и обеспеченности транспортной инфраструктурой. Сопоставимый рост ВДС имеют Волго-Камский, Волго-Уральский, Дальневосточный, Центрально-Черноземный, Ангаро-Енисейский макрорегионы (50-60 %). Большая часть торговли приходится на крупнейшие агломерации этих макрорегионов: Московскую, Санкт-Петербургскую, Самарско-Тольяттинскую и Екатеринбургскую. Медленнее развивается торговля и ремонт автотранспортных средств в Уральско-Сибирском, Северо-Кавказском, Северном макрорегионах (20-30 %). Причина кроется в оттоке

финансовых и трудовых ресурсов с этих территорий в крупнейшие агломерации РФ.

В сфере транспортировки и хранения опережает все макрорегионы Центральный, где темп прироста с 2016 по 2022 г. составил 105 %. Значительно динамикой отличаются также Центрально-Черноземный (+59 %), Южный (+67 %), Волго-Камский (+71 %), Южно-Сибирский (+57 %), Ангаро-Енисейский (+95 %) и Дальневосточный (+76 %) макрорегионы. Южный макрорегион находится на 5 месте по уровню ВДС по транспортировке и хранению товаров среди 12 макрорегионов РФ. Благоприятными условиями по достижению показателя ВДС в размере 912,35 млрд. руб. в 2022 г. являются: развитие новых транспортных путей с Крымом и г. Севастополем через Крымский мост, увеличение населения, рост доходов и уровня жизни граждан, активизация строительной отрасли и расширение сферы деятельности крупнейших маркетплейсов – Wildberries и Ozon.

Главными участниками туристического рынка России являются г. Москва, Московская область и Краснодарский край, наибольшего уровня ВДС достигла в Центральном макрорегионе (404,44 млрд. руб.). Отметим, что из-за принятых государственных мер по изоляции населения в 2020 г. наблюдался существенный спад ВДС в сфере деятельности гостиниц и мест общественного питания (от -19 % до -29 %) во всех макрорегионах, но в 2021 г. и 2022 г. динамика стала снова положительной и темп прироста (2022 г. в % к 2021) составил: 20-32 % в Волго-Камском, Ангаро-Енисейском, Уральско-Сибирском, Южно-Сибирском, Северо-Западном, Волго-Уральском макрорегионах; 10-19 % в Центрально-Черноземном, Южном, Центральном, Дальневосточном и Северном макрорегионах.

В Южном макрорегионе туристическая отрасль является одной из ведущих сфер хозяйствования, обеспечивающая значительную часть бюджетных поступлений. ВДС гостиничного дела и сферы общепита за шестилетний период увеличена была на 64,79 млрд. руб. Черноморское побережье привлекает туристов со всей страны длительным теплым сезоном отдыха, множеством достопримечательностей и модой на автотуризм. Реализуемые государством инвестпроекты и принятые меры по микрофинансированию МСП способствуют

открытию новых ресторанов, кафе, баров, отелей и гостиниц за счет привлечения средств частных компаний и физических лиц.

Операции с недвижимостью оказывают влияние на всю экономику макрорегиона, поскольку включают в себя не только покупку-продажу имущества, но и подготовку документов к сделке, управление и аренду. Многие компании и частные лица используют недвижимость и как бизнес, и как инструмент инвестирования. Согласно статистическим данным за рассматриваемый период самый высокий темп увеличения динамики ВДС по недвижимости имеет Южный макрорегион (2022 г. к 2016 г. составил +160 %), где ежегодный средний темп прироста более 20 %. Положительная ежегодная динамика наблюдается во всех макрорегионах РФ, совокупный показатель ВДС увеличился на 93 % за 6 лет. Отрицательная динамика отмечена в 2018-2019 гг. в Северном макрорегионе, в связи с уменьшением спроса на жилье. Отметим, что резкий скачок ВДС (до 70 %) по строительству в 2021-2022 г. связан не только увеличением спроса на коммерческую и жилую недвижимость, скачком цен, устанавливаемых застройщиками, но и с ростом инфляции (2021 г. – 7 %, 2022 г. – 12 %) [10].

Обрабатывающая промышленность играет ключевую роль в экономике нашей страны. Самолетостроение, танкостроение, станкостроение, приборостроение, автомобилестроение имеют стратегическое значения для государства. Анализ диаграммы ВДС по обрабатывающим производствам свидетельствует о ежегодном повышении уровня показателя. Ведущим макрорегионом является Центральный (темпер прироста за 6 лет – 137 %), лидерство которого обеспечивается г. Москвой и Московской областью (в 2022 г. доля в ВДС макрорегиона – 76 %). Северо-Западный и Уральско-Сибирский макрорегионы увеличили вдвое ВДС обрабатывающего производства за счет г. Санкт-Петербург, Ленинградской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей. В субъектах Южного макрорегиона обрабатывающая промышленность менее развита, но благодаря Ростовской области и Краснодарскому краю, ВДС увеличилась на 429 млрд. руб., т.е. более, чем на 50 % за 6 лет. Модернизация заводов и обновление технологической базы позволит макрорегиону войти в пятерку лидеров РФ.

Почти половину ВДС по добыче полезных ископаемых приходится на Уральско-Сибирский макрорегион, включающий ведущие нефтегазоносные субъекты: Тюменскую область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру и Ямало-Ненецкий автономный округ. На втором месте по значению ВДС находится Дальневосточный макрорегион, где лидерами добычи полезных ископаемых выступают Челябинская область, Хабаровский и Камчатский края. Значительный спад ВДС произошел в 2020 г. в 10 из 12 макрорегионов, но в 2022 г. превзошел показатели 2019 г. Южный макрорегион характеризуется запасами угля, нефти, природного газа, вольфрама и цементного сырья. Средний темп ежегодного прироста ВДС по добыче полезных ископаемых составляет 25 %. В целом, во всех макрорегионах, кроме Северо-Западного, темп прироста ВДС по добыче полезных ископаемых за шестилетний период составил более 100 %, что говорит о целесообразности разведывания новых месторождений и увеличении эффективности работающих добывающих предприятий.

Вместе с тем, строительство перерабатывающих сырье предприятий, внедрение инновационного производства и развитие предприятий гражданской технической направленности позволит увеличить выпуск готовой продукции на территории РФ и снизить зависимость от импортных поставок [3].

Поскольку трудовая занятость является основополагающим фактором развития региона и социальной стабильности, то возникает необходимость исследования среднегодовой численности занятых по отраслям экономики.

Итак, в 2022 году в Южном макрорегионе большинство занятых (21 %) насчитывалось в сфере торговли, на втором месте обрабатывающие производства, на третьем – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство. Немаловажно отметить высокую долю занятости в сфере строительства (9 %), транспортировке и хранении (8 %) (рисунок 2.2).

Таким образом, мы наблюдаем интересные тенденции, такие как объективную важнейшую роль сельского хозяйства в экономике Южного макрорегиона, благодаря которому происходит продовольственное обеспечение населения, экспорт продукции и обеспечение работой населения. Сфера

строительства и недвижимости имеет как положительные стороны, так и негативные. Среди положительных – это высокая доля в ВРП, среди негативных – низкий % занятости и проблема хаотичных застроек земель сельскохозяйственного назначения и природных ландшафтов.

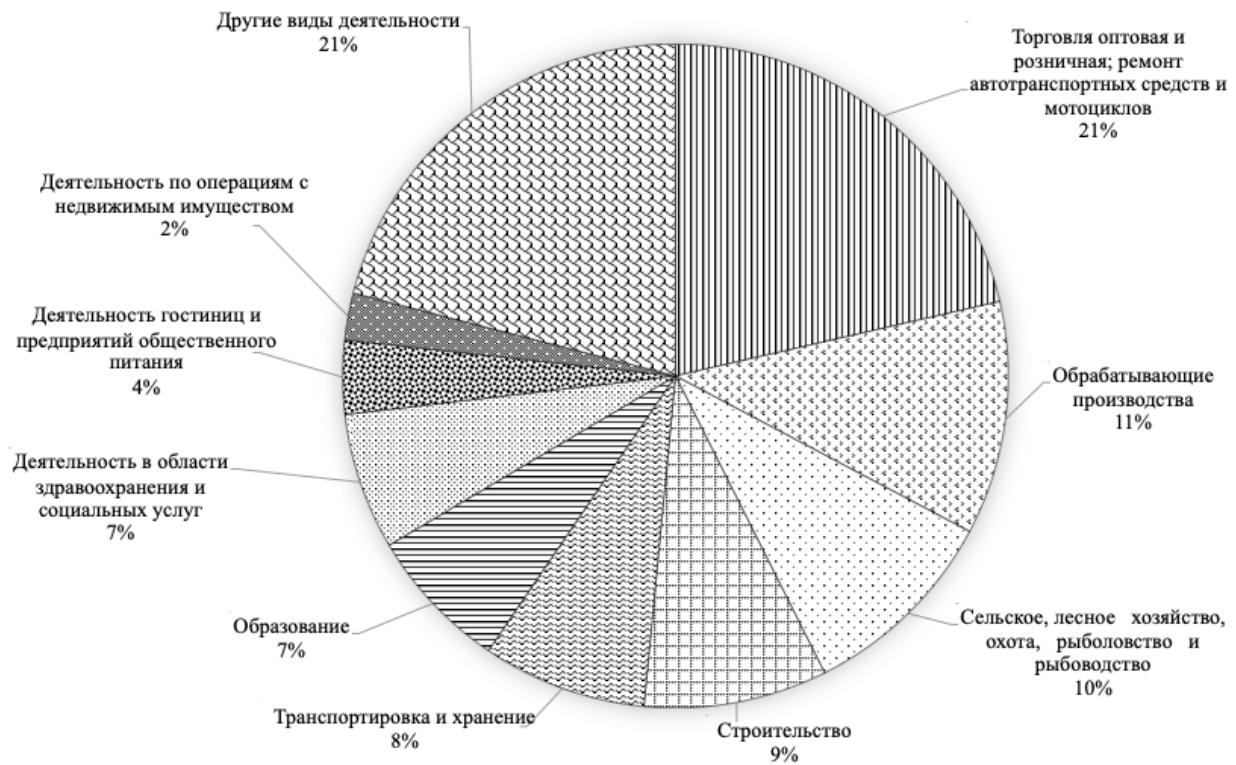

Рисунок 2.2 – Структура среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в Южном макрорегионе в 2022 году, %

Источник: составлено автором по данным Росстата [116]

С 2014 года активность миграционных потоков в Южный макрорегион значительно варьирует, связано это, в первую очередь, с социальными и внешнеполитическими причинами. Официальные статистические источники указывают на количество прибывших и выбывших, где видно, что каждый год прибывших больше, чем выбывших, следовательно, происходит процесс постоянной миграции на южные территории. Достоверно учесть количество лиц, приехавших из других территорий в Южный макрорегион, не представляется возможным, в связи с правовыми проблемами в области миграционного законодательства и неполнотой статистической информации.

Устойчивый миграционный приток, с одной стороны, является индикатором привлекательности макрорегиона и решает демографические вопросы, а с другой – создает дополнительную нагрузку на социальную и экономическую инфраструктуру, обостряя существующие диспропорции и усиливая фрагментацию пространства (рисунок 2.3).

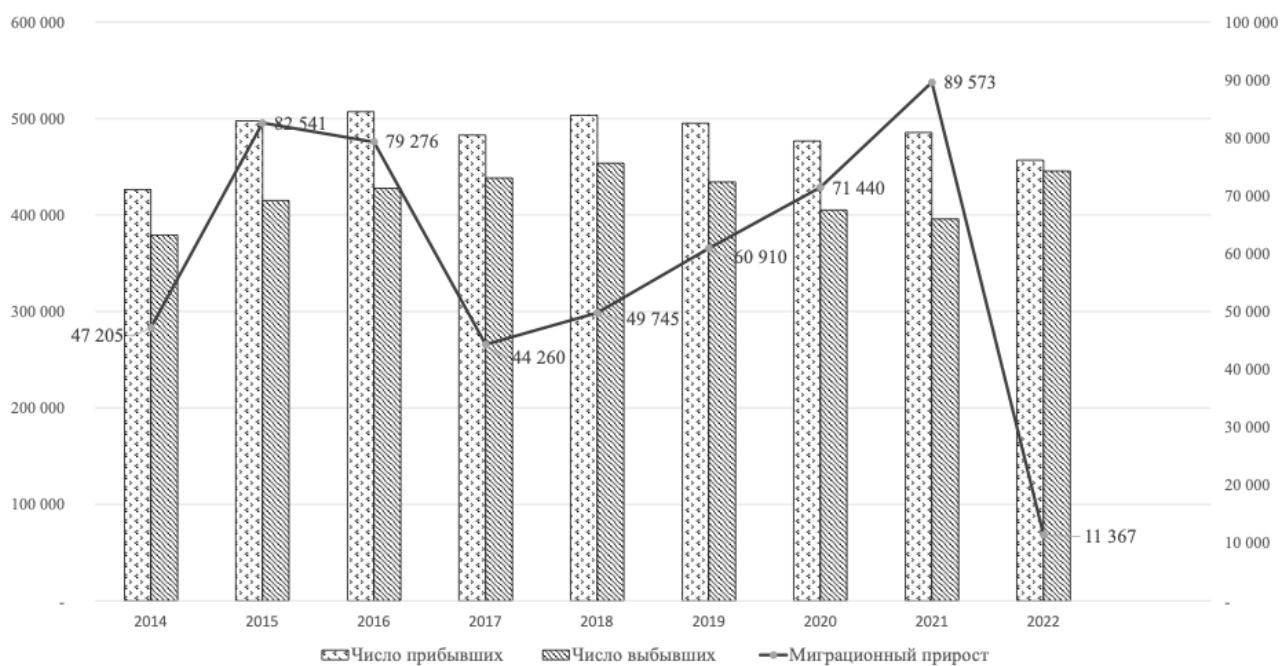

Рисунок 2.3 – Миграционные потоки в Южном макрорегионе за период 2014-2022 год, чел.

Источник: составлено автором по материалам [116]

Исходя из доводов следует, что Южный макрорегион является лидером по ВДС по сельскому, лесному хозяйству, охоте, рыболовству и рыбоводству, в период 2016-2022 гг. этот показатель увеличился с 591,14 млрд. руб. до 1,03 трлн. руб. По строительству Южный макрорегион занимает 8 место, по оптовой и розничной торговле, ремонту автотранспортных средств и мотоциклов – 3 место (после Центрального и Северо-Западного макрорегиона), транспортировке и хранению – 4 место (в 2022 году ВДС по этому показателю достиг 912,35 млрд. руб.). Поскольку Южный макрорегион активно развивает

туристическую отрасль хозяйствования, то показатель ВДС по деятельности гостиниц и предприятий общественного питания играет важную роль. Наблюдается тенденция медленного повышения этого показателя и в 2022 году он составил 109,14 млрд. руб. Опередил Южный макрорегион по ВДС в сфере деятельности гостиниц и предприятий среди всех макрорегионов только лишь Центральный. В связи с активной миграцией на юг страны возрастает количество сделок с недвижимостью, показатель ВДС по операциям с недвижимым имуществом значительно увеличился с 2021 по 2022 год и составил 1,68 трлн. руб. Не менее значительной отраслью хозяйствования в исследуемом макрорегионе является обрабатывающее производство (черная и цветная металлургия, машиностроение и металлообработка, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность и др.), по которой ВДС увеличилась с 2016 г. по 2022 г. с 734,01 млрд. руб. до 1,16 трлн. руб., т.е. на 26 %. Показатель по добыче полезных ископаемых в отраслевой структуре ВДС остается высоким, но в сравнении с другими макрорегионами, Южный макрорегион занимает незначительную позицию. Особо важными являются показатели ВДС по государственному управлению, обеспечению военной безопасности и социальному обеспечению, по которому Южный макрорегион занимает четвертое место после Центрального, Дальневосточного и Северо-Западного макрорегионов, за исследуемый период этот показатель вырос на 36 %, что говорит об активном развитии государственных структур, социальной сферы и деятельности, связанной с обеспечением безопасности. Рассмотрение региональной динамики свидетельствует о лидерстве Южного макрорегиона по многим показателям, в том числе в сфере деятельности гостиниц, общепита и транспортных услуг.

Анализ отраслевой структуры занятости демонстрирует ключевую роль аграрного и торгового секторов, в то время как обрабатывающая промышленность, несмотря на свой потенциал, не формирует соответствующего уровня занятости.

Выявленные диспропорции между экономическим ростом и устойчивостью подчеркивают необходимость перехода к новой фазе пространственной

организации, основанной на управляемом согласовании функциональных связей между акторами и территориями.

Экономический каркас макрорегиона состоит из производственных, сельскохозяйственных, добывающих, строительных и прочих предприятий. Для анализа отраслевой принадлежности субъектов хозяйствования и динамики их развития исследованы показатели валовой добавленной стоимости за 2019-2021 гг. Отметим, что методология расчета валового регионального продукта (далее – ВРП) и валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) региона, как разницы между выпуском продуктов и услуг и промежуточным потреблением, в основном совпадает.

Наибольшая часть ВДС Республики Адыгеи принадлежит деятельности по операциям с недвижимым имуществом, с 2019 г. по 2021 г. показатель ВДС увеличился на 3,1 % и составил 36,83 млрд. руб. – 22 % от ВДС региона, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств – 15 %, сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство – 13 %. Реализуемый в настоящее время якорный проект «Лагонаки» с мультипликативным эффектом роста ВДС [6] затрагивает одновременно несколько видов деятельности – строительство, гостиничный и туристический бизнес. Актуальным является создание промышленной зоны в Тахтамукайском районе на 3 тыс. рабочих мест, поскольку ВДС предприятий обрабатывающего производства составляет 12,5 %, а привлечение инвестиций позволяет улучшить инфраструктуру региона.

Показатель ВДС Республики Калмыкия наименьший в сравнении с другими субъектами, но незначительно растет, за исследуемый период увеличился на 13,39 млрд. руб. и составил в 2021 году 102 млрд. руб. (1,2 % от ВДС Южного макрорегиона). Наибольшую роль в развитии региона играют транспортировка (24 % от ВДС) и сельское хозяйство (19 % от ВДС). Основную часть аграрного сектора составляет животноводство (мясное и тонкорунное овцеводство). По количеству поголовья крупного рогатого скота (297,7 тыс. голов) республика находится на 18 месте в России, по количеству овец (1552,7 тыс. голов) занимает 1 место в Южном макрорегионе. Финансирование транспортной, водной и

энергетической систем позволит улучшить позиции Республики Калмыкии в Южном макрорегионе.

Объем ВДС Республики Крым демонстрирует рост на 29 % с 2019 по 2021 гг. и достиг 614,28 млрд. руб. В расчете на душу населения ВРП в 2021 г. составил 308,9 тыс. руб. В структуре ВДС преобладает и постепенно увеличивается деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 15,6 % (90,2 млрд. руб.) в 2021 году. 13,2 % из структуры ВДС приходится на оптовую, розничную торговлю и ремонт автотранспортных средств. Количество предприятий в этой сфере деятельности в 2021 году составило 5548 единиц (17,7 % от всех предприятий региона). Значительный удельный вес ВДС приходится на строительство. В 2019, 2020 и 2021 гг. этот показатель составлял 9,7 %, 14,4 %, 8,8 % и обрабатывающие производства – 8,4 %, 8,7 % и 8,7% соответственно. Тенденция развития строительного рынка имеет скачкообразный характер, связанный с политическими причинами, инфляцией, ипотечными программами и нестабильностью спроса на офисы, квартиры и дома. В структуре ВДС сельское хозяйство увеличилось незначительно – на 1,3 %, в связи с проблемами энерго- и водообеспечением Республики Крым.

Краснодарский край является лидером по численности населения в Южном макрорегионе (5,8 млн. чел.) и ВДС (3281 млрд. руб.) в 2021 г. Более 60 % ВДС составляют: транспортировка и хранение, розничная, оптовая торговля, ремонт автотранспортных средств, операции с недвижимым имуществом, сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство и обрабатывающие производства. С 2019 по 2021 гг. в совокупности этот показатель увеличился на 3 % – с 62 % до 65 %. С 3 % до 5 % с ежегодным колебанием 0,2-0,7 % в структуре ВДС составляют сферы государственного управления, строительства, здравоохранения, социальных услуг, профессиональной, туристической, научной и технической деятельности. Наибольшая выручка предприятий приходится на города Краснодар (41 %), Новороссийск (5 %) и Сочи (3 %) [136]. По объемам выручки в сфере транспортировки и хранения продукции лидером является Новороссийск (32 %), в сельском хозяйстве – Выселковский район (17 %), по торговле – г. Краснодар

(59 %), по операциям с недвижимостью – Краснодар (35 %) и Сочи (16 %). Более того, согласно проведенной оценке Минэкономразвития России, Краснодарский край является одним из лидеров по регуляторной политике и количеству привлеченных инвестиций [60].

Анализ ВДС демонстрирует важнейшее значение добычи полезных ископаемых в экономике Астраханской области, с 2019 по 2021гг. показатель ВДС увеличился с 47,9 % до 49,1 %. Сальдированный финансовый результат деятельности организаций по добыче полезных ископаемых составил 167,9 млрд. руб. в 2021 году, что составляет 3 % от совокупного финансового результата по добыче в РФ и 95 % – в Южном макрорегионе [116]. На сегодняшний день здесь открыты 10 месторождений: 3 нефтяных, 4 газоконденсатных, 2 газовых и 1 газонефтяное. Запасы конденсата составляют 669 млн. тонн, нефти – 387 млн. тонн, газа – 4,7 трлн. кубометров [31]. Крупнейшее Астраханское газоконденсатное месторождение имеет общероссийское значение. Запасы составляют около 2,5 трлн. кубометров газа и 400 млн т. конденсата. Эксплуатирует месторождение предприятие ООО «Газпром добыча Астрахань» [56]. Перспективным является освоение шельфа Каспийского моря и разработка крупных запасов нефти и газа. Лидером солевого рынка является баскунчакская соль, крупнейшие залежи которой находятся на озере Баскунчак в Ахтубинском районе в северной части Прикаспийской низменности. Ежегодный объем добычи соли составляет от 1,5 до 5 млн. тонн [14]. Следовательно, в связи со значительными природными запасами и добычей полезных ископаемых перспективным направлением развития региона является строительство новых предприятий по переработке сырья и совершенствование транспортной инфраструктуры для последующей продажи продукции на внутреннем и внешнем рынках

За исследуемый период ВДС Волгоградской области выросла более, чем на 10 % и составляет 13 % от ВДС Южного макрорегиона. Наибольшую часть отраслевой структуры составляет ВДС обрабатывающего производства, индекс промышленного производства – 98,4 %. Субъекты хозяйствования региона обеспечивают выпуск 4 % объема российского кокса и нефтепродуктов, 2,2 % –

отечественного рынка стройматериалов, 2,4 % – металлических изделий, 2 % – химического и металлургического производств [111]. Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта в структуре ВДС выросла с 12 % до 13,3 %, купля-продажа, аренда, управление и прочая деятельность, связанная с недвижимостью – с 9,5 % до 11,2 %. Наблюдается постепенный рост ВДС отраслей-лидеров региона. Незначительный спад отмечается в сфере государственного управления и социального обеспечения, строительства и добычи полезных ископаемых. ВРП на душу населения составляет 427068,8 руб. – на 13,1 % ниже среднего значения по Южному макрорегиону.

Рассмотрение значений ВДС по Ростовской области показывает увеличение показателя с 1636 млрд. руб. до 2043 млрд. руб. (+24,9 %) за наблюдаемый период и составил 25,1 % от ВДС Южного макрорегиона. ВДС в сфере торговли и ремонта автотранспорта увеличилась на 3 %, в сельском хозяйстве – на 2 % за счет снижения доли операций с недвижимым имуществом, административной и гостиничной деятельности. Стабильными остаются доли ВДС по транспортировке и хранению, строительству, государственному управлению, обеспечении электроэнергией.

В отраслевой структуре ВДС г. Севастополя преобладает деятельность, связанная с недвижимым имуществом (посреднические и консультационные услуги, купля-продажа, аренда, эксплуатация) – с 2019 г. по 2021 г. изменилась доля с 26 % до 29 %. Доля деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, социальное обеспечение незначительно снизилась с 17 % до 15 %. Как и в других субъектах макрорегиона большую долю занимает торговля и ремонт техники (12 %).

Анализ валового регионального продукта Южного макрорегиона за 2019-2021 гг. показал, что ключевую роль в экономике субъектов играют операции с недвижимостью (14-29 % ВРП). На рост цен значительное влияние оказали события 2014 года – присоединение Крыма и Олимпиада в Сочи.

Важнейшими секторами экономики являются торговля и ремонт автотранспорта. К ведущим компаниям относятся: ПАО «Магнит» (18 млн.

посетителей ежедневно) [57], ООО «ЛУКойл-Югнефтепродукт», ООО «Газпром межрегионгаз Краснодар» и ГК «Ростсельмаш».

Развитие обрабатывающих производств и инновационной сферы формирует высокую добавленную стоимость. Благодаря выгодному географическому расположению, 62 КРП % транспортно-логистических показателей приходится на Краснодарский край. Основной объем валовой добавленной стоимости в госуправлении, строительстве и соцобеспечении формируют Краснодарский край и Ростовская область, а в добыче полезных ископаемых – Астраханская область (76,5 КРП %). Актуальной задачей остается моделирование стратегии деятельности предприятий регионов для повышения конкурентоспособности, обеспечивающей устойчивое позиционирование хозяйствующих субъектов на рынке и гарантирующей хороший финансовый результат [76]. Инновационное развитие промышленности предприятий, основанное на новых «умных» электронных системах и технологиях, позволит повысить эффективность хозяйственной деятельности компаний макрорегиона [49].

Исходя из этого следует, что в структуризации хозяйственных связей выявлена устойчивая региональная фрагментация экономического пространства Южного макрорегиона. Она проявляется на нескольких уровнях: в дисбалансе отраслевой структуры (доминирование аграрного сектора и торговли при слабом развитии обрабатывающей промышленности); в резкой дифференциации субъектов по уровню развития (от агропромышленного Краснодарского края до сырьевой Астраханской области); в противоречии между экономическим ростом и сохраняющимися социальными проблемами. Несмотря на формальные институты координации (Ассоциация «Юг») и конкурентные преимущества (транзитный потенциал, ресурсы), хозяйственные связи между субъектами остаются слабее их внешнеориентированных контактов. Экономический каркас представляет собой не целостную систему, а мозаику из обособленных элементов. Сложившаяся модель исчерпала потенциал экстенсивного роста, требуя перехода к фазе управляемой интеграции, через циклическую модель.

Данный вывод о цикличности фаз фрагментации и интеграции – от начальной стадии становления через текущую стадию накопления диспропорций к потенциальной стадии управляемой кооперации – закономерно подводит к вопросу о методологических подходах к ее анализу.

2.2 Диагностика устойчивости хозяйственных связей макрорегиона

Для измерения и прогнозирования смены фаз региональной фрагментации требуется специализированный диагностический инструментарий, позволяющий с учетом стратегического формирования экономического пространства объективно и в динамике анализировать взаимосвязи трендов регионального развития и эффективности деятельности предприятий, приводящей к фрагментации экономического пространства. Для объективной оценки экономических процессов и явлений применяются эконометрические модели, т.е. система уравнений, включающая в себя экономические показатели и вычисляющая как влияет изменение одной величины на другую. Благодаря математическому моделированию ученые имеют возможность анализировать экономические процессы, их взаимосвязь, выявлять проблемы, а также разрабатывать рекомендации по их решению (Приложение В).

Таким образом, эконометрическое моделирование служит основой для диагностики экономических связей. Однако для стратегического управления пространственной трансформацией необходим переход к прогнозированию циклов самоорганизации, что требует применения более сложных, системных подходов.

Для реализации стратегических целей государства необходим системный подход к построению экономики. Е. Н. Ведута отмечает, что это предполагает исследование элементов системы, их границ и связей, а также определение

показателей выпуска и затрат для всех отраслей. Стратегический план государства представляет собой динамическую систему национальных счетов, связывающую статистические показатели и управленческие мероприятия. Координация показателей на низших уровнях позволяет разработать автоматизированные системы управления экономикой [24].

Идея кибернетического подхода Н. И. Ведуты развивается в контексте трансформации экономического пространства. А. И. Татаркин подчеркивает необходимость преобразования централизованной структуры в сетевое поликентрическое. Это позволит вывести отстающие территории на путь ускоренного развития через стимулирование саморазвития регионов, повышение конкурентоспособности периферийных территорий, совершенствование институтов инновационного развития и активизацию горизонтального взаимодействия между наукой, бизнесом и властью [146].

Динамическая экономико-математическая модель межотраслевого-межсекторного баланса, предложенная Н. И. Ведутой, охватывает макроуровень общественного производства, распределяя ресурсы между отраслями [23, с. 196]. Модель представляет собой экономическую таблицу с системой алгоритмов, согласующих плановые расчеты (трудовые, материальные и финансовые балансы) и связывающую балансы производителей, расчеты «затраты-выпуск» и заказы конечных потребителей.

Межотраслевой межсекторный баланс (далее – МОСБ) позволяет в реальном времени оценивать эффективность государственных инвестиций и корректировать баланс с учетом национальной безопасности. Модель устраняет диспропорции регионального развития, создавая условия, где закон стоимости не выступает рыночным регулятором. Показатели МОСБ прогрессивнее СНС, так как исключают повторный счет и отражают движение всех доходов и расходов. Результатом расчетов является распределение инвестиций по территориально-отраслевому принципу и оптимизация структуры конечного продукта для роста платежеспособности рубля [22].

Таким образом, модель МОСБ представляет мощный инструмент анализа потоков, но ее практическое применение для оперативного управления пространственной конфигурацией и стимулирования синергии из фрагментов требует дальнейшего развития. Для решения этой задачи на тактическом уровне, особенно в условиях динамичных изменений, необходим более гибкий диагностический аппарат, основанный на анализе стандартизованных индексов, таких как индекс Херфиндаля-Хиршмана (НН) и индекс Эллисона-Глейзера (EG).

Рассмотрим в динамике изменение индексов Херфиндаля-Хиршмана и Эллисона-Глейзера с 2018 г. по 2023 г. На графике (рисунок 2.4) наблюдается изменение показателей диверсификации в 2019 г. и в 2022 г.

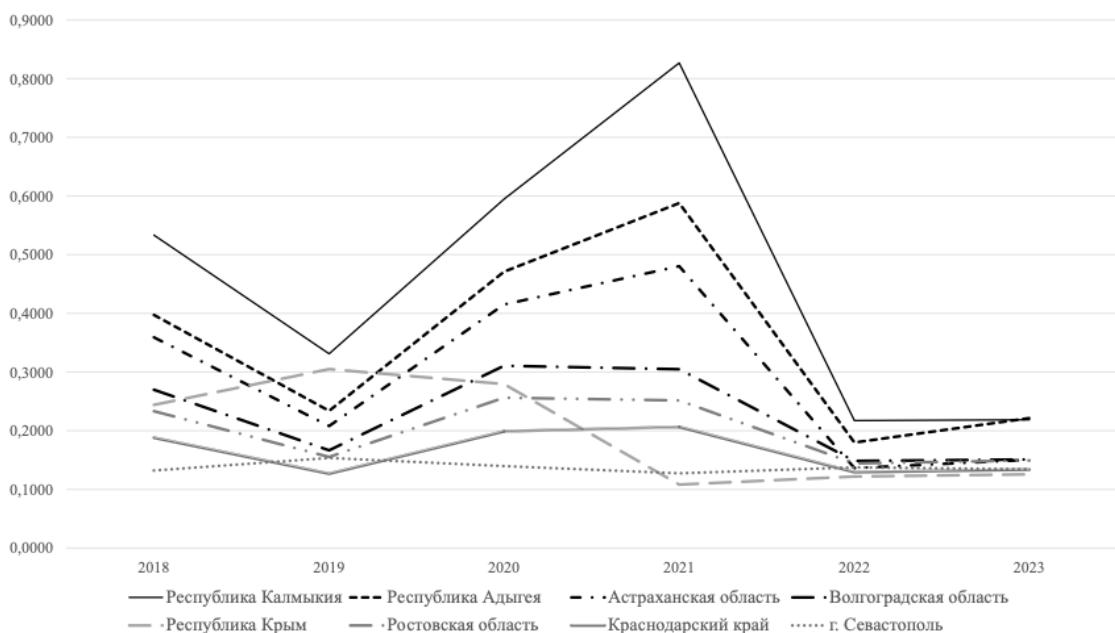

Рисунок 2.4 – Динамика индексов Херфиналя-Хиршмана по субъектам Южного макрорегиона

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Структурные изменения региональной экономики и снижение диверсификации макрорегиона вызваны ограничительными мерами COVID-19, санкциями недружественных стран, разрывом логистических цепочек, закрытием предприятий, невозможностью закупить оборудование, проблемами сбыта

сельхозпродукции и нестабильностью валютного курса. Эти вызовы выявили системную уязвимость существующей модели хозяйственных связей.

В 2022-2023 гг. индекс ННІ показал снижение концентрации, что свидетельствует об изменении территориального разделения труда Южного макрорегиона и росте диверсификации вследствие ухода крупного бизнеса. Данная динамика подчеркивает нелинейный характер эволюции пространственной структуры (Приложение Г).

Для углубленного анализа пространственной организации хозяйственных связей необходимо дополнить исследование индексом Эллисона-Глейзера, позволяющим оценить географическую концентрацию отраслей.

Исследование индекса Эллисона-Глейзера показывает, что сфера транспортировки и хранения локализована в 5 раз сильнее, чем другие. С 2022 г. произошел подъем локализации в оптовой и розничной торговле, обслуживании автотранспортных средств, свидетельствуя о доминирующей роли предприятий, осуществляющие виды деятельности группы Н и G и высокой их степени концентрации в макрорегионе, что является основой для дальнейшего исследования форм регионального разделения труда (рисунок 2.5).

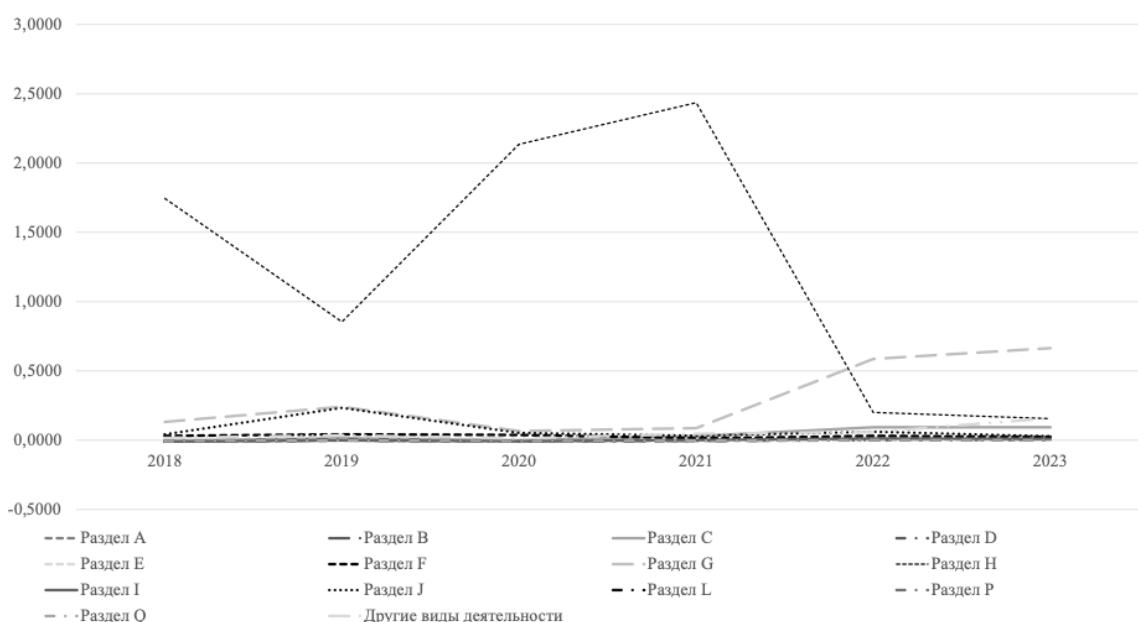

Рисунок 2.5 – Динамика индексов Эллисона-Глейзера по видам экономической деятельности

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Понимание этих закономерностей концентрации становится отправной точкой для разработки механизмов управления пространственной динамикой. Однако сами по себе статичные индексы не дают полной картины. Для эффективного управления необходим комплексный инструментарий, который позволит не только оценить текущее состояние, но и классифицировать его в рамках динамического цикла развития, определяя степень зрелости и вектор дальнейших преобразований.

Несмотря на то, что макрорегион с высоким потенциалом к самоорганизации, однако в региональном разрезе он сильно фрагментирован.

В таблице 2.1 приведены результаты расчета диверсификации, рассчитанной по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, где выявлены наименее диверсифицированные регионы – Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Волгоградская область и Ростовская область. Наибольшая диверсификация наблюдается в г. Севастополе, Астраханской области, Краснодарском крае и Республике Крым.

Таблица 2.1 – Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, 2022 г.

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Менее диверсифицирована экономика:	
Республика Калмыкия	0,2173
Республика Адыгея	0,1799
Волгоградская область	0,1485
Ростовская область	0,1443
Более диверсифицирована экономика:	
г. Севастополь	0,1373
Астраханская область	0,1364
Краснодарский край	0,1294
Республика Крым	0,1219

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Исследование локализации отраслей хозяйствования Южного макрорегиона (Приложение Д) демонстрирует, что наиболее локализованы предприятия обрабатывающей сферы, торговли, ремонта и обслуживания транспортной техники, транспортировки и хранения, сельского хозяйства и оказывающие услуги в области связи и информации (например, интернет-провайдеры). Связано это, в первую очередь, с большим количеством трудового персонала в этих сферах деятельности и агломерационными процессами в регионах.

Менее концентрированы предприятия добывающей промышленности, строительства, гостиницы и предприятия общественного питания, здравоохранения, а также осуществляющие деятельность по операциям с недвижимым имуществом, по водоотведению, водоснабжению, очистке воды, обеспечению электрической энергией. Компании указанных отраслей хозяйствования более равномерно расположены в регионах, поскольку находятся не только в местах высокой активности населения, но и отдаленно от них. Обнаруженная неоднородность создает предпосылки для исследования её влияния на адаптационный потенциал отраслей.

Исследование влияние индекса ННІ на валовую рентабельность 47326 предприятий Южного макрорегиона, проведенное впервые, показало, что при увеличении индекса ННІ на 0,1 пункта валовая рентабельность увеличивается по малым предприятиям на 7,1 %, по средним предприятиям – на 2 %, по крупным – на 3,1 %, по микропредприятиям на 6,4 %. Малые и средние предприятия имеют небольшую среднесписочную численность работников и преимущественно один основной вид деятельности, обеспечивающий 70-90 КРП % их доходов, поэтому для них специализация позволяет сокращать производственные расходы и является наиболее выгодной. В целом в Южном макрорегионе развитие специализации способствует росту конкурентоспособности субъектов хозяйствования и увеличивает доходность затрат, необходимых для производства и реализации продукции.

Анализ регрессионной модели показывает слабую связь индекса Эллисона-Глейзера с валовой рентабельностью компаний. Это означает, что степень

локализации бизнеса не оказывает значительного влияния на его эффективность в Южном макрорегионе. Для ключевых отраслей региона (торговля, услуги, транспорт, сельское хозяйство) такие факторы, как инфраструктура, рынок сбыта или квалификация кадров, не являются определяющими при выборе местоположения. В отличие от добывающих отраслей, где географический фактор критичен, южные территории России освоены более равномерно, что обеспечивает сбалансированность и устойчивость хозяйственных связей внутри макрорегиона.

Проведенный регрессионный анализ подтвердил ключевую роль специализации (ННІ) для рентабельности предприятий, особенно малых, и показал ограниченное влияние чистой географической локализации (ЕГ) в условиях Южного макрорегиона (Приложение Е). Эти количественные выводы позволяют перейти к качественной оценке и компартивному анализу социально-экономического положения отдельных регионов для определения их положения в рамках предложенного фазового цикла.

Не менее значимым индикатором результативности деятельности компаний является операционная рентабельность продаж, которая показывает долю операционной прибыли в выручке (Приложение Ж). Чем выше этот показатель, тем эффективнее деятельность предприятий. Регрессионная модель, построенная по данным 45592 предприятий, демонстрирует, что индекс ННІ почти не оказывает влияния на операционную рентабельность продаж средних предприятий, однако, при увеличении показателя на 0,1 пункта операционная рентабельность продаж микропредприятий, малых и крупных увеличивается на 1,6-2,8 %. Как и в исследовании валовой рентабельности, наблюдается положительное влияние региональной специализации на операционную рентабельность продаж субъектов малого или среднего предпринимательства (далее – МСП), поскольку именно количество микро- и малых предприятий превышает более, чем в 2 раза предприятия других размеров и, таким образом, субъекты МСП способствуют развитию специализации регионов. Из этого следует, что чем слабее отраслевая диверсификация в макрорегионе, тем выше показатели результативности предприятий (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Оценка влияния микро- и макрофакторов с 2018 г. по 2023 г. на операционную и валовую рентабельность продаж предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Показатель	Операционная рентабельность, %					Валовая рентабельность, %				
	Все	Микро-	Малые	Средние	Крупные	все	Микро-	Малые	Средние	Крупные
2018										
EllisonGlaeser	-0,00316	-0,00384	0,00159	-0,00117	-0,00416	0,00107	-0,00044	0,00217	0,00479	-0,00829
HHIs	0,02207	0,03838	0,00576	0,01078	-0,01728	0,08696	0,08079	0,10842	0,03830	0,00385
Num. obs.	39966	29281	6458	1664	2563	47225	35497	7468	1768	2492
2019										
EllisonGlaeser	-0,00310	-0,00194	-0,00032	-0,01901	-0,01208	-0,00128	-0,00313	0,00375	-0,00513	-0,00394
HHIs	-0,01630	-0,02045	-0,03726	-0,01689	0,05332	-0,07213	-0,06509	-0,07694	0,07523	0,00171
Num. obs.	42269	31070	6964	1738	2497	47579	35633	7629	1826	2491
2020										
EllisonGlaeser	-0,00613	-0,00639	-0,00158	-0,01014	-0,01191	-0,00205	-0,003	0,00427	-0,00088	-0,00937
HHIs	0,02723	0,04282	-0,00405	0,11985	0,04438	0,04842	0,05451	-0,0044	0,11789	0,05998
Num. obs.	43663	32165	7255	1783	2460	47569	35629	7686	1822	2432

Продолжение таблицы 2.2

	Операционная рентабельность, %					Валовая рентабельность, %				
2021										
EllisonGlaeser	-0,00749	-0,00994	0,00049	-0,00936	-0,00639	-0,00115	-0,00318	0,00166	0,00180	-0,00630
HHIs	0,02000	0,02580	0,01335	-0,00547	0,02440	0,05193	0,05186	0,04149	0,00835	0,02091
Num. obs.	44138	32637	7431	1793	2277	47194	35473	7642	1820	2259
2022										
EllisonGlaeser	-0,00623	-0,00478	-0,00529	-0,01932	-0,01117	-0,00349	-0,00236	-0,00198	-0,01326	-0,00773
HHIs	0,24123	0,28230	0,25387	-0,0778836	0,16178	0,60559	0,64299	0,70508	0,19244	0,30562
Num. obs.	45592	33643	7703	1839	2407	47326	35361	7761	1830	2374
2023										
EllisonGlaeser	-0,00554	-0,00381	-0,00750	-0,01183	-0,00694	-0,0056	-0,00155	-0,0029	-0,01081	-0,00697
HHIs	0,29520	0,34690	0,28466	0,05047	0,16773	0,466655	0,494867	0,510197	0,114001	0,183186
Num. obs.	44450	32629	7678	1831	2312	47048	35191	7706	1826	2325

Источник: составлено автором по результатам расчетов [28; 34; 58; 116; 131; 136; 171]

Вследствие специализации Южного макрорегиона на торговле, сфере строительства, недвижимости и сельском хозяйстве индекс Эллисона–Глейзера, не играет большой роли в пространственном развитии территорий, локализация слабо связана как с операционной рентабельностью продаж, так и с валовой рентабельностью.

Эффект от отраслевой концентрации предприятий не способствует повышению их результативности, независимо от размера компании. Поскольку отраслевую локализацию определяют природные факторы, а специализацию экономики – сравнительные преимущества.

Отметим, что наибольшее влияние имеет сфера добычи полезных ископаемых на валовую рентабельность предприятий, что связано с внедрением новых технологий в производственные процессы и высоким спросом на сырье в химической отрасли, энергетике, металлургии и строительстве. В 4 раза менее влияет сельское хозяйство на эффективность финансово-хозяйственной деятельности предприятий вследствие роста цен на средства химической защиты растений и непредсказуемости погодных условий (заморозки, засуха и пр.). Наблюдается, положительное влияние сферы гостиничного бизнеса и недвижимости на продуктивность деятельности микро- и малых предприятий. На результативность средних предприятий существенное влияние оказывает развитие сферы образования и туристической отрасли, а вот крупные предприятия – наиболее рентабельны в добыче полезных ископаемых и сельском хозяйстве.

Выявленная фрагментация макрорегиона в региональном разрезе требует систематизации. Для этого предлагается инструментарий диагностики состояния фрагментации хозяйственных связей в рамках циклического развития на основе трехуровневой градации для каждой фазы цикла, отражающую степень зрелости и готовности к переходу в следующую фазу (Приложение И).

Уровни названы с учетом специфики процессов в каждой фазе и авторской терминологии: фаза цикла региона диагностируется через комбинацию структурных, динамических и индексных критериев, где ключевую роль играет плотность и качество функциональных связей между акторами.

Предложенный фазовый инструментарий создает теоретическую рамку для классификации. Ее практическое применение и верификацию демонстрирует эмпирический анализ данных по регионам Южного макрорегиона (таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Содержание степеней зрелости разных фаз циклического развития

Ключевые характеристики (Критерии отнесения)	Индикаторы
Фаза фрагментации	
Уровень 1.1. Изолированная – глубокий распад связей; «экономические острова» автономны и слабо связаны; ресурсы не мобилизованы; отсутствие диагностики точек роста и связующих элементов усиливает пространственную раздробленность. Гиперконцентрация ВДС в сырьевом секторе (>70 %) при отсутствии перерабатывающих мощностей.	ННІ > 0.30, EG > 0.12
Уровень 1.2. Диагностированная – выявлены комплементарные «фрагменты» и точки роста; начато ресурсное накопление; появляются стихийные попытки кооперации «снизу». Запускается ресурсное накопление. Рост ВДС в узлах будущей интеграции (+12 % в транспортном кластере) при сохранении межсекторальных разрывов.	ННІ ~ 0.25-0.28, EG ~ 0.08-0.11
Уровень 1.3. Мобилизованная – ресурсы сконцентрированы в точках роста; созданы предпосылки для «пересборки» (карты комплементарности); институты готовы к запуску интеграции (планы ГЧП, ОЭЗ). «Кросс-региональная пересборка» через консорциумы. Инвестиции в кросс-региональные хабы. Рост кооперационной доли ВДС до 15 % (например, совместные R&D проекты).	ННІ ~ 0.22-0.25, EG ~ 0.05-0.07
Фаза интеграции	
Уровень 2.1. Спонтанная – появляются первые стихийные кластерные цепочки; кооперация неустойчива; механизм «кросс-региональной пересборки» создан формально, но не активен. Пилотные проекты «мягкой» инфраструктуры (цифровые песочницы, виртуальные полигоны). Рост ВДС от горизонтальных цепочек (+7–9 %) при низкой устойчивости связей.	ННІ ~ 0.20-0.23, EG ~ 0.04-0.06
Уровень 2.2. Институционализированная – ключевые связи закреплены договорами/проектами; «институциональная пересборка» активна, Программы кооперационного финансирования); растет доля ВДС от кооперации.	ННІ ~ 0.17-0.20, EG ~ 0.02-0.04
Уровень 2.3. Масштабируемая – связи устойчивы и тиражируются на новые сектора/территории; инструменты «кросс-региональной пересборки» генерируют синергию; явная поликентричность (≥ 2 узла). Синергия > 25% ВДС + явная интеграция	ННІ ~ 0.14-0.17, EG ~ 0.01-0.03
Фаза экосистемы	
Уровень 3.1. Формирующаяся – поликентрическая сеть (≥ 3 узла) существует, но связи неравномерны; синергия секторов >50 % ВДС; ресурсные циклы фрагментарны.	ННІ ~ 0.12-0.14, EG ≤ 0.01
Уровень 3.2. Сбалансированная – узлы функционально комплементарны; синергия >65 % ВДС; действуют 1-2 замкнутых ресурсных контура (отходы=сырье); цифровая интеграция данных на уровне макрорегиона.	ННІ ~ 0.10-0.12, EG ≈ 0

Продолжение таблицы 2.3

Ключевые характеристики (Критерии отнесения)	Индикаторы
Уровень 3.3. Циркулярная – высокая сетевая избыточность; синергия >80% ВДС; большинство ресурсных потоков замкнуто в циклы; единое цифровое поле данных; резильентность к стандартным шокам.	ННІ < 0.10, EG ≈ 0 (или слабо отриц.)
Фаза устойчивости	
Уровень 4.1. Стабилизированная – система устойчива к малым шокам; сетевая избыточность >50 %; ВДС растет умеренно (3–4 %/год); новые «точки роста» выявлены, но не поддержаны ресурсами. Адаптивные мощности (модульные производства, гибкие логистические цепочки).	ННІ ~ 0.08-0.10, EG ~ -0.02
Уровень 4.2. Адаптивная – быстрая реконфигурация связей при средних шоках (до 6 мес.); избыточность >70 %; программы кооперационного финансирования обеспечивают диверсификацию; запущены пилоты новых специализаций. Инфраструктура «быстрого реагирования» (например, перепрофилируемые промплощадки). Сохранение >90 % ВДС при средних шоках (санкции, логистические коллапсы).	ННІ ~ 0.05-0.08, EG ~ -0.04
Уровень 4.3. Генерирующая – резильентность к кризисам (реконфигурация <3 мес.); избыточность >90 %; явные технологические/рыночные разрывы; ресурсы перетекают в «точки роста» новой специализации. Инфраструктура «созидательного разрушения» (инновационные полигоны, хабы глубокой переработки). Перенаправление >20 % ВДС в «точки роста» новой специализации	ННІ < 0.05, EG < -0.06

Источник: разработано автором

Углубленное исследование влияния отраслевой структуры на результативность предприятий завершает комплексный количественный анализ. На его основе становится возможным провести итоговую диагностику каждого региона Южного макрорегиона, используя разработанный фазовый инструментарий.

Проведенный компаративный анализ социально-экономического положения и ВДС Южного макрорегиона демонстрирует что:

- Структура валовой добавленной стоимости Республики Адыгея демонстрирует выраженную фрагментацию с очень высокой концентрацией в определенных секторах. Доминирующими видами экономической деятельности, согласно структуре ВДС, являются операции с недвижимостью (22 %), оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств (15 %), сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (13 %), а также обрабатывающие производства (12,5 %). Особенно выделяется гиперконцентрация в сфере

недвижимости и смежных услуг, что создает значительные риски для устойчивости региональной экономики.

При этом в регионе выявлены потенциальные точки роста, направленные на преодоление этой фрагментации. Так, драйверами должны стать якорные проекты, такие как развитие туристического кластера «Лагонаки», который способен оказать мультипликативный эффект на ВДС в смежных секторах – строительстве, туризме и гостиничном бизнесе. Другим важным направлением являются планы по созданию промышленной зоны в Тахтамукайском районе, рассчитанной на создание до 3000 рабочих мест и способствующей привлечению инвестиций в инфраструктуру региона. Наличие таких планов свидетельствует о том, что регион не только диагностировал проблему фрагментации, но и начал выявлять комплементарные фрагменты экономики (сектора, которые могут взаимодополнять друг друга) и приступил к этапу ресурсного накопления под конкретные инициативы.

Таким образом, по уровню зрелости Адыгея находится на начальной фазе осознания своего потенциала и мобилизации ресурсов под конкретные проекты. Формальная коопeração между различными секторами и участниками экономики, вероятно, все еще ограничена. Сочетание сильной текущей зависимости от узкого сектора услуг (недвижимости) с началом попыток диверсификации через целевые проекты в туризме и промышленности четко соответствует характеристикам уровня диагностированной фрагментации 1.2.

2. Экономика Республики Калмыкия характеризуется крайне низким общим объемом валовой добавленной стоимости, составляющим лишь 1,2 % от макрорегиона, и выраженной структурной фрагментацией. Доминируют всего два сектора: транспорт (24 %) и сельское хозяйство (19 %, преимущественно животноводство), при этом отсутствуют значимые предприятия промышленности и перерабатывающие мощности, что усугубляет сырьевую зависимость.

Ключевым сдерживающим фактором развития признана недостаточная инфраструктура – транспортная, водная и энергетическая. В отличие от регионов на более высоких уровнях фрагментации, здесь точки роста либо не сформированы,

либо не обеспечены необходимыми ресурсами. В результате экономика представлена разрозненными, изолированными «островами» (например, транспортный узел и отдельные животноводческие хозяйства) со слабыми или отсутствующими связями между собой и с потенциальными смежными отраслями.

Таким образом, зрелость фазы экономики Калмыкии соответствует уровню изолированной фрагментации (1.1). Это подтверждается глубоким распадом хозяйственных связей, отсутствием мобилизации ресурсов под какие-либо значимые проекты диверсификации и полным отсутствием диагностированных и обеспеченных точек роста. Выраженная зависимость от сырьевого сектора (животноводство) и базовой инфраструктурной деятельности (транспорт), без признаков формирования комплементарных кластеров (например, агропромышленного), однозначно соответствует характеристикам уровня 1.1.

3. Экономика Республики Крым демонстрирует значительный рост валовой добавленной стоимости – 29 % за период 2019-2021 годов, однако ее структура сохраняет черты фрагментации. Согласно структуре ВДС доминирующими секторами остаются операции с недвижимостью (15,6 %), торговля (13,2 %), строительство (колеблющееся между 8,8 % и 14,4 %) и обрабатывающие производства (8,7 %). При этом сельское хозяйство стагнирует, что напрямую связано с серьезными инфраструктурными проблемами, такими как нестабильное энерго- и водообеспечение.

Ключевым фактором динамики последних лет стал «строительный бум», связанный с присоединением Республики Крым к Российской Федерации и активными миграционными процессами. Наиболее значимой инфраструктурной точкой роста, является Крымский мост. Этот проект не только улучшает транспортную связность полуострова, но и создает фундаментальные предпосылки для «пересборки» хозяйственных связей вокруг новых возможностей, прежде всего в сферах туризма и логистики. Сдерживающими факторами выступают дефицит энерго- и водоснабжения, которые четко диагностированы властями и экспертным сообществом.

Таким образом, по уровню зрелости экономика Крыма соответствует фрагментации уровня 1.2, о чем свидетельствуют выявленные точки роста (туризм, логистика) и начавшееся ресурсное накопление под масштабные инфраструктурные проекты. Есть признаки того, что региональные институты начинают адаптироваться к открывающимся перспективам, например, фокусируясь на развитии туристического потенциала. Однако сохраняющаяся зависимость от волатильных секторов недвижимости и строительства, наряду с нерешенными инфраструктурными проблемами, пока удерживает регион на этом уровне. Присутствие активной мобилизации ресурсов под стратегические инфраструктурные объекты (Крымский мост, проекты в энергетике и водоснабжении) является четким индикатором начавшегося перехода к уровню 1.3 (Мобилизация Ресурсов).

4. Краснодарский край является лидером по численности населения (5,8 млн. чел.), привлечению инвестиций и выделяется как крупнейшая экономика Южного макрорегиона, формирующая 25 % его валовой добавленной стоимости, характеризующаяся высокой диверсификацией, где ведущие сектора (транспортировка и хранение, розничная, оптовая торговля, ремонт автотранспортных средств, операции с недвижимым имуществом, сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство и обрабатывающие производства) в сумме составляют более 60 % ВДС, причем их доля увеличилась с 62 % до 65 % за 2019-2021 годы. Значительный вклад также вносит туризм, представленный гостиничным бизнесом и общественным питанием.

Выявленная диверсификация подкрепляется развитой инфраструктурой и зарождающейся кооперацией. Край является ключевым транспортно-логистическим узлом Юга России благодаря мощным морским портам (включая Новороссийск), аэропортам и железнодорожной сети. В его экономическом пространстве сформировались развитые агломерации (Краснодар, Сочи, Новороссийск) с различной специализацией. Лидерство края по привлеченным инвестициям и качеству регуляторной политики создает благоприятную среду. Критически важным признаком уровня 2.1 является появление спонтанной

кластеризации – например, формирование агрологистических цепочек вокруг портов или туристического кластера в Сочи. Наличие крупных компаний-якорей (таких как «Магнит» и «Ростсельмаш») естественным образом стимулирует создание цепочек добавленной стоимости вокруг них.

Таким образом, зрелость экономики края соответствует начальной фазе интеграции (Уровень 2.1). Это определяется высокой степенью диверсификации, наличием развитой инфраструктуры, поликентричностью (несколько центров роста) и, главное, стихийным возникновением цепочек добавленной стоимости в логистике (обслуживающей сельское хозяйство и торговлю) и туризме. Однако формальные институты кооперации (например, кластерные инициативы) могут пока оставаться слаборазвитыми или носить формальный характер, что характерно именно для стадии спонтанной интеграции.

5. Экономика Астраханской области характеризуется ярко выраженной гиперконцентрацией на добыче полезных ископаемых, которая формирует 49,1 % ее валовой добавленной стоимости по итогам 2021 г. Этот сектор играет ключевую роль не только в регионе, генерируя 76,5 % ВДС по добыче в Южном макрорегионе, но и в масштабах страны (около 3 % общероссийской добычи). Область обладает значительными подтвержденными запасами газа, нефти, газового конденсата и соли. В то же время, обрабатывающие производства развиты крайне слабо, что подчеркивает сырьевую зависимость экономики.

Основой текущей инфраструктуры региона является комплекс объектов добывающей отрасли (газопроводы, разрабатываемые месторождения). Однако критически важным признаком уровня 1.3 является диагностика перспективных точек роста и начало активной мобилизации ресурсов под них. К таким точкам относятся освоение шельфа Каспийского моря, планы по строительству перерабатывающих заводов и развитие транспортной инфраструктуры для экспорта. Значительные ресурсы – как природные (запасы), так и, вероятно, финансовые (доходы от добычи) – концентрируются именно под эти стратегические цели. Это создает реальные предпосылки для «пересборки»

региональной экономики вокруг кластера глубокой переработки сырья и сопутствующей логистики.

Таким образом, зрелость экономики области соответствует уровню мобилизованной фрагментации (1.3). Это подтверждается фактом концентрации ресурсов в ключевой точке роста (добыче), выявлением комплементарных возможностей (переработка, логистика экспорта) и наличием конкретных планов по созданию перерабатывающей инфраструктуры. Главным ограничением, удерживающим регион на уровне фрагментации, остается минимальное развитие кооперационных связей между секторами экономики. Однако активная мобилизация ресурсов под проекты переработки указывает на готовность области к переходу в fazu Интеграции, который станет возможен при успешной реализации этих проектов и создании полноценных производственных цепочек.

6. Экономика Волгоградской области представляет собой картину диагностированной фрагментации, сочетающей отдельные сильные стороны со структурными дисбалансами. С одной стороны, регион является лидером в обрабатывающих производствах в своем кластере, а также имеет значительную долю торговли (13,3 %) и операций с недвижимостью (11,2 %) в структуре валовой добавленной стоимости. Однако общая экономическая динамика вызывает озабоченность: наблюдается спад в таких важных секторах, как государственное управление, социальное обеспечение, строительство и добыча полезных ископаемых. Низкий ВРП на душу населения, не достигающий среднего уровня по Южному федеральному округу, также свидетельствует о проблемах.

Ключевым фактором положения области является ее выгодное расположение на международном транспортном коридоре «Север-Юг» [105], что теоретически создает потенциал для развития транзита и логистики не только сырья, но и товаров с высокой степенью переработки. Промышленный потенциал региона в металлургии, химии и производстве нефтепродуктов четко диагностирован экспертами и властями. Однако этот потенциал пока не реализуется в полной мере: динамика роста ВДС в ключевых отраслях остается постепенной и неустойчивой, а на фоне спада в других секторах явные, обеспеченные ресурсами точки роста не

выделяются. Экономика не демонстрирует признаков концентрации усилий и капиталовложений под конкретные драйверы развития.

Таким образом, зрелость экономической фазы области соответствует уровню 1.2 (Диагностированная Фрагментация). Основные признаки этого уровня налицо: наличие диагностированных точек роста (промышленный кластер, транзитный потенциал МТК «Север-Юг») и отдельных сильных секторов (обрабатывающие производства) сосуществует с общей несбалансированностью структуры и спадом в ряде отраслей. Критическое ограничение, характерное для уровня 1.2 – слабая выраженность мобилизации ресурсов под выявленные возможности и отсутствие явных предпосылок для глубокой интеграции или кооперации между секторами. Экономика осознала свои сильные стороны и проблемы, но еще не перешла к активной фазе концентрации ресурсов для преодоления фрагментации.

7. Ростовская область формирует вторую по величине экономику Южного федерального округа, генерируя 25,1 % его валовой добавленной стоимости, и демонстрирует устойчивый рост – +24,9 % за период 2019-2021 годов. Основой этой динамики стали значительный вклад обрабатывающей промышленности, рост в торговле (+3 %) и сельском хозяйстве (+2 %), а также стабильные доли таких секторов, как транспорт, строительство, энергетика и государственное управление.

Эта диверсифицированная и растущая экономика опирается на развитую инфраструктуру и создает предпосылки для кооперации. Область является крупным мультимодальным транспортным узлом, включающим железнодорожную сеть, порт Ростова-на-Дону и аэропорт, а также стратегически расположена на международном транспортном коридоре «Север-Юг». Наличие мощного промышленного ядра, представленного такими предприятиями, как «Ростсельмаш», и высокая доля занятых в обрабатывающей промышленности создают фундамент для развития. Ключевым признаком уровня 2.1 является потенциал для формирования спонтанных кластерных цепочек – агропромышленной (объединяющей сельхозпроизводителей, переработчиков и машиностроение), транспортно-логистической и машиностроительной.

Таким образом, зрелость экономики Ростовской области соответствует уровню спонтанной интеграции (2.1), аналогично Краснодарскому краю. Это определяется диверсифицированной и растущей структурой ВДС, наличием развитой инфраструктуры и промышленного ядра, а также вероятным возникновением первых стихийных кооперационных связей (например, между сельхозпроизводителями, переработчиками и логистическими компаниями). Однако формальные институты кооперации (кластерные политики, специализированные ассоциации) могут пока оставаться не полностью развитыми или недостаточно активными, что характерно именно для начальной, спонтанной фазы интеграции.

8. Экономика г. Севастополя характеризуется выраженной сервисной ориентацией и структурной фрагментацией, что проявляется в явном доминировании операций с недвижимым имуществом (посреднические и консультационные услуги, купля-продажа, аренда, эксплуатация) (29 % ВДС), значительной доле деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, социального обеспечения (15 %), торговли и ремонта техники (12 %). Эта комбинация формирует экономику, сильно зависимую от сектора услуг (недвижимость, администрирование, торговля), что создает риски устойчивости.

Потенциал развития города тесно связан с общекрымскими инфраструктурными проектами, прежде всего с Крымским мостом и общим «строительным бумом», последовавшим после 2014 г. Ключевые диагностированные точки роста – это туризм (использующий уникальное расположение и историческое наследие города) и портовая деятельность. Однако, как и для всего полуострова, сохраняются серьезные сдерживающие факторы, главным из которых являются проблемы энергообеспечения.

Таким образом, зрелость экономики Севастополя соответствует уровню диагностированной фрагментации (1.2). Основные признаки этого уровня налицо:

- высокая концентрация в узком сервисном секторе (особенно недвижимость) и зависимость от внешних инфраструктурных драйверов (Крымский мост, общефедеральные программы);
- выявление ключевых точек роста (туризм, порт) и начавшееся ресурсное накопление (инвестиции в строительство, связанное с бумом и развитием туристической инфраструктуры);
- при этом связи между секторами остаются слабыми, а глубокая кооперация практически отсутствует.

Экономика города осознала свои перспективные направления (туризм, порт), но еще не сформировала механизмы для их полноценной реализации и интеграции в устойчивую, диверсифицированную структуру (рисунок 2.6).

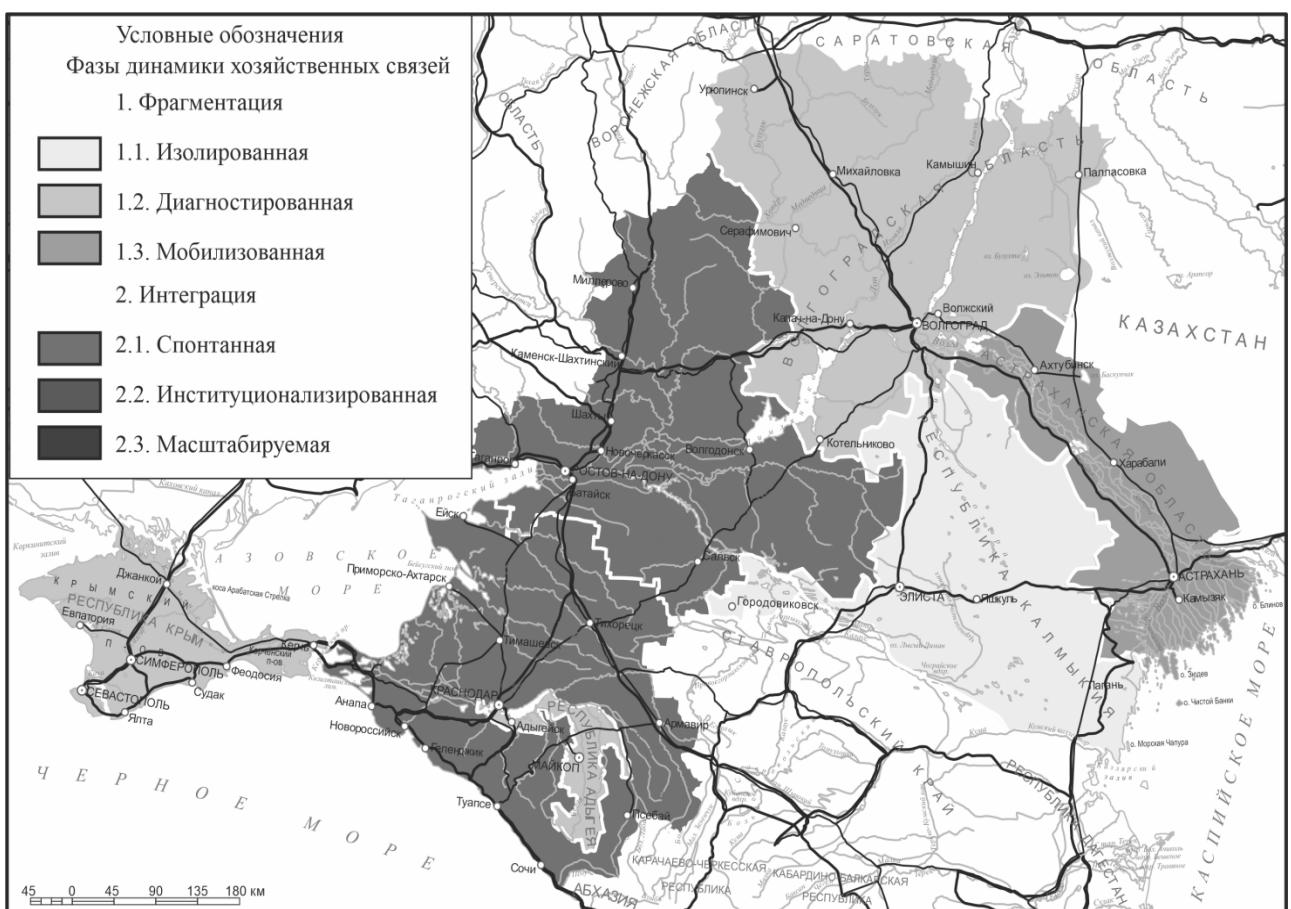

Рисунок 2.6 – Региональная фрагментации Южного макрорегиона на основе инфраструктурного каркаса и структуры ВДС

Источник: составлено автором

Анализ структуры валовой добавленной стоимости (ВДС) и состояния инфраструктуры регионов Южного федерального округа позволяет выделить три отчетливые группы, соответствующие разным фазам и уровням экономической фрагментации/интеграции:

– регионы начальной интеграции (уровень 2.1 – Спонтанная Интеграция). К этой группе относятся Краснодарский край и Ростовская область. Они выделяются наибольшей диверсификацией экономики, развитой инфраструктурой (крупные транспортные узлы, порты) и демонстрируют первые признаки стихийного возникновения кооперационных связей и формирования потенциальных кластеров. Эти процессы наблюдаются в ключевых для макрорегиона секторах: транспортно-логистическом, агропромышленном, туристическом и промышленном (машиностроение). Их экономики показывают устойчивый рост и обладают значительной долей в ВДС всего ЮФО;

– регионы диагностики и мобилизации в Фазе Фрагментации (уровни 1.2-1.3). В эту обширную группу входят Республика Адыгея (1.2), Республика Крым (1.2 с признаками перехода к 1.3), Астраханская область (1.3), Волгоградская область (1.2) и г. Севастополь (1.2). Их объединяет то, что, несмотря на выявленные точки роста и в ряде случаев начатую мобилизацию ресурсов под инфраструктурные или инвестиционные проекты (например, Крымский мост, промышленная зона в Адыгее, проекты переработки в Астрахани), глубокая коопeração и устойчивые горизонтальные связи между секторами еще не сформированы. Для многих характерна выраженная гиперконцентрация в одном-двух секторах: Астраханская область – на добыче полезных ископаемых, Севастополь и Адыгея – на недвижимости и услугах. Волгоградская область, обладая промышленным потенциалом, испытывает структурные дисбалансы и спад в ряде отраслей;

– регион изолированной фрагментации (уровень 1.1). Республика Калмыкия находится на этом базовом уровне. Ее экономика характеризуется крайне низкой диверсификацией, слаборазвитой инфраструктурой (транспортной, водной, энергетической), гиперконцентрацией на сырьевом секторе (животноводство) и

базовых услугах (транспорт). Отсутствуют сформированные и обеспеченные ресурсами точки роста, а экономическая деятельность представлена изолированными «островами» без значимых связей или кооперации.

Южный макрорегион демонстрирует значительную дифференциацию. Краснодарский край и Ростовская область вступили в фазу начальной интеграции, в то время как большинство других регионов остаются на этапе диагностики проблем или мобилизации ресурсов, не преодолев фрагментацию. Республика Калмыкия требует особого внимания как регион с наиболее изолированной и уязвимой экономической структурой. Реализация диагностированных проектов в регионах уровня 1.2-1.3 – ключевое условие для перехода к интеграции. Развитие транспортной и энергетической инфраструктуры является критическим фактором для перехода на более высокие уровни развития.

Период 2018–2021 гг. характеризовался доминированием фазы экономической фрагментации в большинстве регионов Южного федерального округа, что подтверждается ростом индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННІ) в семи из восьми исследуемых регионов. Наибольший рост концентрации наблюдался в Республике Калмыкия (ННІ вырос на 55 % до 0.8268), что отражало гипертрофированную зависимость от сельского хозяйства ($EG=-0.0094$). Аналогичная динамика была в Республике Адыгея (рост ННІ на 48 % до 0.5879) из-за специализации на торговле ($EG=0.1318$) и в Астраханской области (рост на 34 % до 0.4804) из-за монозависимости от рыболовства ($EG=-0.0075$). Исключением стал Севастополь, где ННІ снизился на 3,5 % вследствие политики диверсификации.

Усиление фрагментации определялось двумя драйверами. Первый – административно-территориальная разобщенность, выражавшаяся в контрастных регуляторных режимах (например, наличие СЭЗ в Республике Крым при их отсутствии в Калмыкии). Второй – экзогенные шоки (пандемия и санкции), спровоцировавшие распад производственных связей. В Волгоградской области это вызвало формирование «логистических островов», а в Крыму – разрыв кооперационных связей. Совокупное воздействие этих факторов блокировало синергетические эффекты межрегиональной интеграции.

Анализ структурной динамики регионов Юга России выявляет глубокую дифференциацию в преодолении фрагментации, формирующую контрастные траектории развития, соответствующие различным уровням институциональной и экономической зрелости.

В целом анализ, основанный на данных ВДС и инфраструктуре, выявил статичную картину расслоения регионов по fazам развития. Однако для понимания динамики и траекторий их эволюции необходим ретроспективный анализ, показывающий, как менялись ключевые индикаторы во времени (рисунок 2.7).

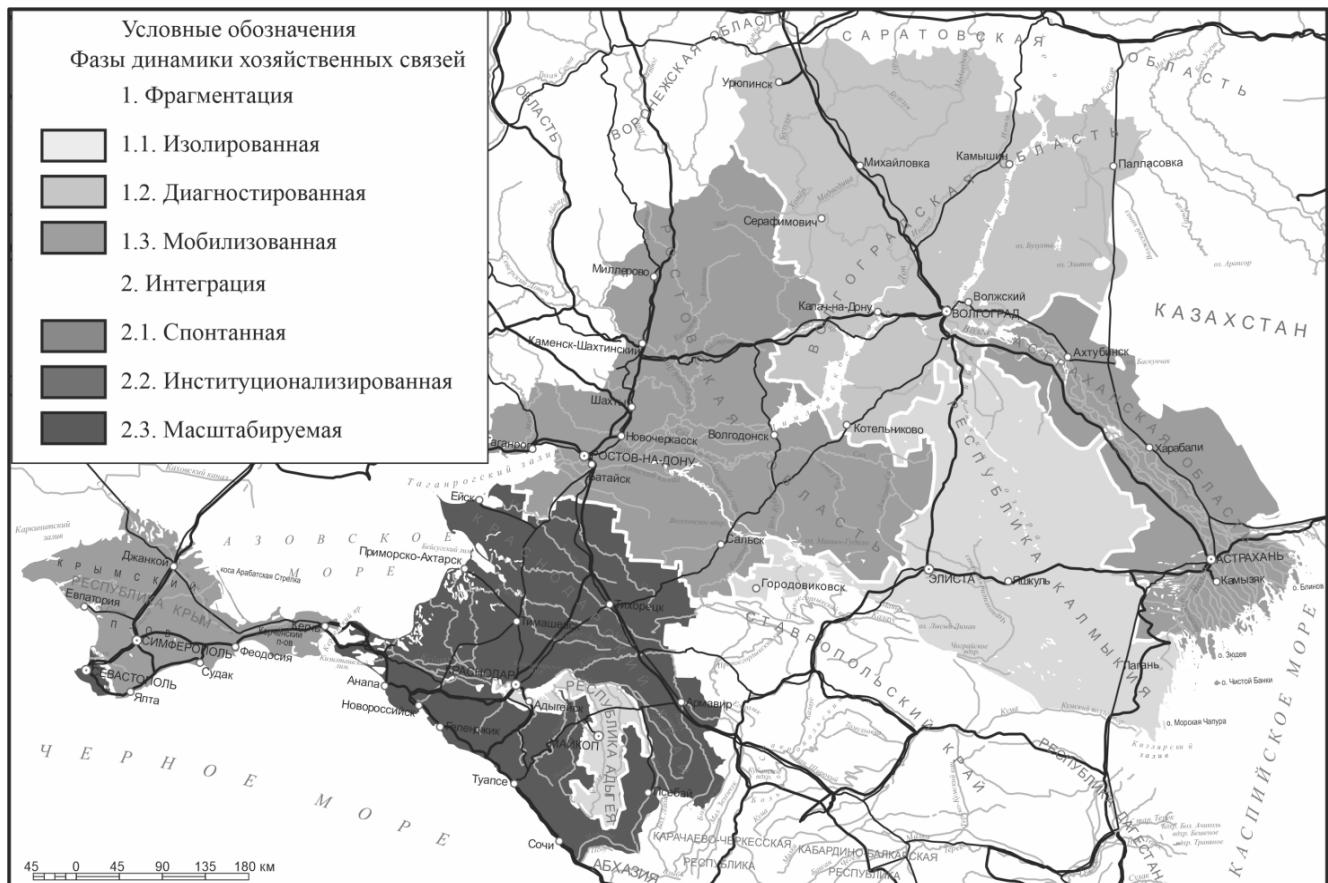

Рисунок 2.7 – Региональная фрагментации Южного макрорегиона на основе динамики индексов ННІ и EG с 2018 по 2023 гг.

Источник: составлено автором

В результате анализа ННІ и EG было установлено, что в Южном макрорегионе в рассматриваемом периоде с 2018 по 2023 гг. наметились регионы-лидеры, в которых происходит формирование сетевых экосистем. Так, динамика уровня faz Краснодарского края и г. Севастополь демонстрирует устойчивый

переход от фазы Интеграции (уровень 2.3) к Экосистеме (3.1-3.3). для них характерна полицентрическая сетевая структура с синергией функциональных связей в логистике, агропромышленном комплексе и туризме, а также способность к быстрой реконфигурации связей при шоках (санкции 2022-2023 гг.). Парадокс Гранберга здесь проявляется ярко: фрагментация 2018-2020 гг. ($\text{ННІ} > 0.25$) стимулировала интеграцию через инфраструктурные проекты и платформы, трансформируя разрозненность в конкурентное преимущество экономических субъектов.

Республика Крым находится в фазе неустойчивого перехода от Фрагментации (1.2-1.3) к Интеграции (2.1-2.3). Несмотря на скачок в 2021 г. (3.3) благодаря инфраструктурным проектам (Крымский мост), фаза не закрепилась, наблюдается откат к фазе 3.1 из-за энергодефицита и гиперспециализации на секторе недвижимости, а также структурно-функциональных разрывах между туризмом, логистикой и производством. Необходимо отметить, что в исследуемом периоде выявлена регрессия к фрагментации (2022–2023) после временной стабилизации, что подтверждает цикличность эволюции.

Ростовская область и Астраханская область сочетают Мобилизованную фрагментацию (1.3) с элементами Спонтанной интеграции (2.1), где проявляются точечные успехи, при которых развиваются промышленные кластеры в Ростове-на-Дону и проекты по переработке в Астраханской области, а также слабая сетевая связность и ресурсные ловушки: инвестиции концентрируются в сырьевой сектор (Астраханская область) и логистику (Ростов на-Дону) без процесса диверсификации.

При этом существуют правовые и институциональные пробелы, которые выражаются в виде отсутствия механизмов кооперации между комплементарными «фрагментами» (рыболовство Астрахани и логистика Волгограда).

Деструктивная фрагментация, выраженная в институциональной ригидности характерна для Волгоградской области, которая остается в фазе Диагностированной фрагментации (1.2). для нее характерно, что точки роста в виде транспортного коридора «Север-Юг» не обеспечены или не обеспечены в должном

количестве необходимыми ресурсами, что подчеркивает неспособность использовать транзитный потенциал для межрегиональной интеграции (административную ригидность). Также наблюдается усиление изоляции «экономических островов» из-за спада в обрабатывающей промышленности и роста локализации ($EG > 0.1$).

Изолированная фрагментация (1.1), как системная уязвимость, в период с 2018 по 2023 гг. характерна для Республики Адыгея и Калмыкии. Для этих регионов свойственно отсутствие точек роста и ресурсов для интеграции, а также критическая зависимость от внешних шоков (санкции 2022–2023 гг. усугубили разрывы связей). Все это усугубляется отсутствием действенного механизма «пересборки».

Отметим, что достижение целевых индексов ННІ и EG является решающим критерием перехода к следующей фазе фрагментации. Снижение показателей ВДС (см. рисунок в параграфе 2.1) до пороговых значений служит необходимым, но недостаточным инструментом диагностики структурных предпосылок для такого перехода.

Применение диагностического инструментария (индексы ННІ, EG, регрессионные модели, фазовая классификация) выявило динамическую архитектуру экономического пространства Южного макрорегиона. Фрагментация представляет собой неоднородный многоуровневый процесс с внутренней логикой развития.

Следует отметить, что наблюдается циклическая незавершенность экономического развития: регионы с точками роста (Республика Крым и Астраханская область) не смогли перейти к фазе интеграции из-за институциональных проблем, требующих внедрения механизма институциональной «пересборки».

Выявленная глубокая региональная дифференциация ставит вопрос о качестве управлеченческого воздействия на макрорегиональное развитие. Диагностика без механизмов политического влияния остается констатацией факта. Логическим продолжением исследования должен стать анализ региональной

политики Южного макрорегиона, в т. ч. оценка способности существующего стратегического планирования и региональной политики преодолевать правовые и институциональные пробелы, стимулировать «пересборку» хозяйственных связей субъектов экономической деятельности и управлять фазовыми переходами циклического развития для трансформации хозяйственных связей и формирования целостного экономического пространства.

2.3 Региональная политика Южного макрорегиона: проблемы фрагментации и инструменты взаимодействия

Современная региональная политика России сталкивается с комплексом вызовов, среди которых особое место занимает проблема пространственной организации экономики. Традиционная модель «центр-периферия» все чаще уступает место более сложной конфигурации – системе макрорегионов, призванной преодолеть исторически сложившуюся фрагментацию и создать условия для устойчивого развития. Однако процесс формирования макрорегионов не является линейным; он характеризуется циклической динамикой, в которой чередуются фазы дезинтеграции и интеграции, фрагментации и синергии.

Южный макрорегион, объединяющий экономически значимые субъекты Федерации, служит наглядным примером подобной цикличности. С одной стороны, он обладает значительным потенциалом, основанном на выгодном географическом положении, развитом агропромышленном комплексе и рекреационных ресурсах. С другой стороны, его внутреннее пространство отличается высокой степенью структурной фрагментации, проявляющейся в дифференциации уровней развития между крупными агломерациями и

периферийными территориями, усилении внутренней диспропорции и слабой связанности экономик соседних регионов.

Такая фрагментация не статична, а проходит через повторяющиеся циклы: от распада единых хозяйственных связей («фаза фрагментации») через кризисные явления к поиску новых форм интеграции («фаза устойчивости»). В текущем состоянии макрорегион демонстрирует признаки одновременного действия обеих фаз: деструктивная фрагментация, порожденная диспаритетом регулирования, земельными проблемами и износом инфраструктуры, существует с зарождающимися интеграционными процессами в рамках государственно-частного партнерства, промышленных кластеров и межрегиональных программ.

Эволюция трансформации регионов в макрорегионы представляет собой закономерный процесс, обусловленный несколькими причинами. Прежде всего, формирование макрорегионов направлено на создание благоприятного инвестиционного климата на обширной территории, что достигается за счет снижения «административных барьеров» и создания межрегиональных производственных цепочек и логистических центров.

Важным аспектом этой трансформации является законодательное закрепление статуса макрорегионов [124]. На примере Южного макрорегиона это позволяет интегрировать входящие в него регионы в целостную структуру, способствующую обеспечению устойчивости экономики и безопасности государства [157]. Такой подход создает необходимые условия для решения проблемы неравномерности распределения ресурсов и форм хозяйствования, способствуя уменьшению уровня дифференциации регионов по социально-экономическим показателям и увеличению интенсивности межрегиональных хозяйственных связей.

При этом развитие экономического пространства макрорегиона требует учета его пространственной специфики. Для Южного макрорегиона характерна определенная специализация: приоритетными видами хозяйственной деятельности являются промышленное производство, развитое в Краснодарском крае, Ростовской, Астраханской, Волгоградской областях, а также туристический бизнес

и сельское хозяйство. Это обуславливает необходимость институциональных и стратегических экономических изменений, которые должны учитывать особенности каждой территории [157].

Как отмечает экономист Смерница Е. В. формирование благоустройства территорий региона зависит от качества реализации проектов инициативного бюджетирования, которое «не только повышает финансовую грамотность населения, но также и увеличивает гражданскую активность, что положительно сказывается во многих сферах государственного управления» [135, с.115].

Для реализации концепции макрорегионов необходим системный сбор статистической информации о межрегиональной торговле и услугах через введение специальных форм отчетности. Это позволит перейти от абстрактных рассуждений к конкретным показателям.

Ключевое преимущество подхода – преодоление негативных аспектов межрегиональной конкуренции. Конкуренция за федеральные трансферты часто приводит к неэффективному распределению ресурсов, как в случае с инвестициями в освоение лесов [67]. В противоположность этому, кооперация внутри макрорегионов создает синергию производственных мощностей и укрепляет технологический суверенитет.

Таким образом, концепция макрорегионов представляет комплексный подход к пространственной организации экономики, преодолевающий фрагментацию и создающий интегрированные экономические пространства. Это позволяет оптимально использовать конкурентные преимущества территорий, обеспечивая их взаимодополняемость.

Формирование правовой основы региональной политики Южного макрорегиона осуществляется в рамках системы взаимосвязанных документов стратегического планирования. Основополагающую роль в этом процессе играет Федеральный закон от 28 июня 2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который устанавливает общие принципы и порядок организации стратегического планирования на всех уровнях управления [97].

Важным дополнением к этому базовому закону выступают отраслевые и концептуальные документы, среди которых особое место занимает Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 9 октября 2007 года №1351, а также Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [138]. На основе этих документов в каждом субъекте Южного макрорегиона разработаны и приняты стратегии социально-экономического развития региона на ближайшие 5-10 лет, что обеспечивает единство подходов к планированию.

Особую значимость в контексте регионального развития имеет Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», в котором определены ключевые инструменты решения задач региональной политики. Этот документ устанавливает стратегические цели, включая сокращение различий в уровне жизни жителей разных регионов РФ, достижение высокого уровня инфраструктурного развития регионов, а также обеспечение условий для конкурентоспособности на мировых рынках (таблица 2.4) [102].

Среди специальных законодательных актов, регулирующих межрегиональное сотрудничество, особого внимания заслуживает Федеральный закон №488-ФЗ «О промышленной политике», который создает правовые условия для формирования промышленных кластеров как инструментов преобразования фрагментированной экономической структуры в синергетическую сеть. Статья 20 данного закона определяет промышленный кластер как добровольное объединение предприятий, поставщиков, научно-исследовательских институтов, вузов и органов власти, а статья 21 совместно с Постановлением Правительства РФ №779 конкретизируют механизмы государственной поддержки таких объединений.

Таким образом, правовая база стратегического планирования представляет собой многоуровневую систему взаимосвязанных документов, которые обеспечивают координацию действий федерального центра и регионов в процессе пространственного развития.

Таблица 2.4 – Инструменты решения задач региональной политики

Задачи	Инструменты
Обеспечение инфраструктурой пространственное развитие экономики и социальной сферы Российской Федерации	Разработка федеральных социально-отраслевых и инвестиционных государственных программ РФ. Выделение бюджетных средств из федерального бюджета для строительства объектов инженерной, транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры; развитие специализации и конкурентных преимуществ регионов и городских округов с учетом межрегионального разделения труда; утверждения необходимого размещения инженерной, транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры в соответствии с документами стратегического планирования развития пространственной структуры экономики; разработка взаимосвязанных стратегий пространственного развития РФ, отраслевых планов и стратегий социально-экономического развития на уровне макрорегионов, регионов и городских округов.
Привлечение финансовых ресурсов частного сектора в негосударственный сектор экономики	Формирование инвестиционных проектов федерального, регионального и местного уровней с уточнением размещения особых экономических зон, индустриальных парков и других территорий с особым налогообложением. Установление льготных налоговых и таможенных условий для инвесторов в этих зонах. Проведение конкурсов на право реализации приоритетных инвестиционных проектов с распределением прав, обязанностей и объемов финансирования между частными инвесторами, органами власти разных уровней и субъектами естественных монополий. Подписание соглашений о передаче полномочий по регулированию зон с особыми условиями предпринимательства, получивших межбюджетные трансферты из федерального бюджета. Реализация взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования с определением целей, задач и экономических показателей в программных документах. Внедрение инструментов гарантированного финансирования мероприятий по созданию производственной инфраструктуры.
Совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции	Стимулирование внутренней миграции в соответствии с потребностями регионов за счет финансирования социально-бытового обустройства граждан, в том числе предоставление налоговых льгот, а также рынка арендного жилья; содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, и привлечение квалифицированных иностранных специалистов в регионы перспективного экономического роста; сдерживания массовой трудовой миграции в регионы, которые обладают избыточными трудовыми ресурсами; стимулирования развития городских агломераций, для эффективной конкурентной борьбы на мировых рынках, путем формирования благоприятных условий для жизни высококвалифицированной иностранной рабочей силы.

Продолжение таблицы 2.4

Задачи	Инструменты
Совершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала	Совершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации к повышению экономического потенциала путем предоставления межбюджетных трансфертов из бюджета одного уровня бюджетной системы Российской Федерации в бюджет другого уровня, применения мер финансовой ответственности субъектов и муниципальных образований, а также персональной ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и глав местных администраций за невыполнение принятых при получении межбюджетных трансфертов обязательств по использованию бюджетных средств и получению конкретных результатов согласно определенных программ; предоставления грантов субъектам РФ и муниципальным образованиям, у которых наиболее высокие темпы роста экономического потенциала.
Уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения указанных полномочий (с максимальным привлечением населения к участию в государственном и муниципальном управлении)	Мониторинга расходов бюджетных средств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, анализа их фактического исполнения, определения важных для исполнения обязательств финансирования с учетом потребностей финансирования указанных обязательств за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета; упразднения неэффективных льгот по федеральным налогам, региональным и местным налогам, используя адресную поддержку приоритетных для конкретных регионов экономических специализаций и инфраструктурных проектов. повышения их гражданской ответственности населения при решении вопросов социально-экономического и политического развития территорий.

Источник: составлено автором по материалам [102]

Эта система охватывает как общие вопросы стратегического планирования, так и специальные механизмы межрегионального взаимодействия, создавая комплексное нормативное обеспечение для преодоления фрагментации экономического пространства Южного макрорегиона.

Особое место в экономике макрорегиона занимает туристическая отрасль, которая демонстрирует устойчивую динамику роста. Об этом свидетельствуют

масштабные инвестиционные проекты, реализуемые в регионе. Первое место в рейтинге инфраструктурных проектов занимает комплекс береговой морской инфраструктуры и рекреационный комплекс «Геленджик Марина», тогда как второе место с инвестициями в размере 80 млрд. рублей занимает проект строительства курорта «Долина Васта в Сочи» [34]. Планируется, что к 2025 году будет создан современный туристический комплекс с подъёмниками, отелями, санаториями и горнолыжными трассами. Дополняет эту картину проект создания туристического кластера «Абрау-Дюрсо», в составе которого предусмотрено строительство 6 объектов размещения, аквакомплекса, глэмпингов, ресторанов и спортивно-развлекательного комплекса.

Не менее важной составляющей экономического потенциала является сельское хозяйство, развитие которого признано одним из приоритетов государственной политики. Как отмечено в постановлении Правительства от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»», социальное развитие сельских территорий должно основываться на экономическом росте путем увеличения объема производства сельскохозяйственной продукции и рациональном использовании земель [29]. Для успешной реализации программы требуется комплекс мер, включая удешевление кредитных ресурсов, государственную поддержку самозанятых и бизнеса, строительство инфраструктуры, а также развитие кооперации. Ландшафтный подход к землеустройству на региональном уровне позволяет провести функциональное зонирование земель и оценку потенциала земель с учетом целевого назначения и антропогенной нагрузки [134].

Несмотря на значительный экономический потенциал, развитие Южного макрорегиона происходит в условиях серьезных структурных проблем, среди которых особое место занимает фрагментация геоэкономического пространства. Главными особенностями этого процесса являются значительная разница в экономическом развитии между агломерациями и периферийными территориями, усиление внутренней фрагментации экономического пространства, а также

изменение границ и размеров территорий макрорегиона. Выявленные вызовы усугубляются бифуркационным состоянием подсистем, что создает дополнительные трудности для формирования единого экономического пространства.

Институциональные и экономические барьеры представляют собой еще один комплекс проблем, с которыми сталкивается макрорегион. С каждым годом усугубляются такие проблемы, как диспропорция экономического развития регионов, высокая степень закредитованности предприятий АПК, значительный износ основных средств производства и основных фондов предприятий. Серьезным препятствием для развития является диспаритет регионального регулирования, проявляющийся в вариативности требований к получению лицензий, отсутствии унификации в применении льгот по региональным налогам, а также гетерогенности региональных административных актов, что существенно увеличивает трансакционные издержки бизнеса.

Социально-демографические проблемы добавляют сложности в процесс развития макрорегиона. Наблюдается устойчивая тенденция снижения численности населения в сельскохозяйственных районах, что создает дефицит рабочей силы. Статистические данные подтверждают эту тенденцию: доля городского населения в 2021 году в Южном макрорегионе составила 63,1%, тогда как доля сельского населения – 36,9 % [166]. При этом ситуация на рынке труда характеризуется значительной неравномерностью: в сельской местности наблюдается безработица и отток трудовых ресурсов, тогда как большая часть вакансий сосредоточена в городах.

Земельный вопрос остается одним из наиболее острых вызовов для устойчивого развития макрорегиона. Правовые пробелы в регулировании земельных отношений привели к притоку значительного финансового капитала, массовому выкупу земли у жителей сел и образованию земельных латифундий. Исторически сложилось, что с 1990 года земли колхозов были поделены на основании частного права на паи между работниками и жителями сельскохозяйственных регионов, что привело к дроблению аграрных полей.

Многие земельные участки были проданы для строительства дачных домов, а сельчане, не имевшие средств обработки земли, вынуждены были продавать паи по заниженной цене оптовым покупателям. Согласно законодательству, максимальный размер сельскохозяйственных угодий, которые могут находиться в собственности одного лица, устанавливается законом субъекта РФ и не может быть менее 10 % от общей площади угодий муниципального района, однако на практике это не всегда предотвращает концентрацию земель [92; 99].

Таким образом, структурные проблемы макрорегиона представляют собой комплекс взаимосвязанных вызовов, требующих системного подхода к их решению. Преодоление фрагментации экономического пространства, устранение институциональных барьеров, решение социально-демографических проблем и оптимизация земельных отношений являются необходимыми условиями для реализации экономического потенциала Южного макрорегиона и перехода к устойчивой модели развития.

Реализация региональной политики в Южном макрорегионе осуществляется через систему взаимодополняющих механизмов и инструментов, которые можно условно разделить на три уровня: общегосударственные инструменты, закрепленные в основных стратегических документах; специфические инструменты, адаптированные к особенностям Южного макрорегиона; и ключевые правовые и экономические институты интеграции, обеспечивающие практическую реализацию политики.

Основу инструментария региональной политики составляют положения Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В этом документе представлена комплексная система инструментов, направленных на решение ключевых задач пространственного развития.

Важнейшим направлением является обеспечение инфраструктурного развития, которое включает разработку федеральных социально-отраслевых и инвестиционных государственных программ, выделение бюджетных средств для строительства объектов инженерной, транспортной, энергетической и социальной

инфраструктуры, а также развитие специализации и конкурентных преимуществ регионов с учетом межрегионального разделения труда.

Не менее значимым является блок инструментов по привлечению частных инвестиций в негосударственный сектор экономики, включающий в себя формирование инвестиционных проектов различных уровней, уточнение мест размещения особых экономических зон и индустриальных парков, установление льготных налоговых и таможенно-тарифных условий, а также проведение конкурсов и аукционов по реализации приоритетных инвестиционных проектов.

Особое место в системе инструментов занимают механизмы регулирования миграционных процессов, которые предусматривают стимулирование внутренней миграции в соответствии с потребностями регионов, содействие добровольному переселению соотечественников и привлечение квалифицированных иностранных специалистов. Одновременно с этим осуществляется сдерживание массовой трудовой миграции в регионы с избыточными трудовыми ресурсами.

Завершают систему инструментов государственной политики механизмы стимулирования субъектов к наращиванию экономического потенциала и уточнение полномочий органов власти. Эти инструменты включают предоставление межбюджетных трансфертов, применение мер финансовой ответственности, мониторинг расходов бюджетных средств и упразднение неэффективных налоговых льгот.

Помимо общегосударственных инструментов, для решения особо острых проблем макроуровня автором разработана система специфических инструментов, адаптированных к особенностям Южного макрорегиона. Центральное место в этой системе занимает обеспечение достойного уровня жизни граждан через создание новых рабочих мест с помощью строительства государственных заводов и фабрик.

Важным направлением является развитие социальной инфраструктуры, которое предусматривает открытие новых школ, детских садов и больниц. Особое внимание уделяется демографической политике, ориентированной не на привлечение мигрантов, а на создание условий для увеличения рождаемости коренного населения через обеспечение достойных условий труда, разработку

социальной политики улучшения жилищных условий и государственное обеспечение жильем малоимущих граждан и молодых семей.

Перспективным инструментом пространственного развития признается использование агломерационного каркаса в региональной политике. Этот подход предполагает преобразование густонаселенных городов в комфортные для проживания агломерации и одновременное создание политики строительства агрогородков по белорусскому примеру. Завершает систему инструментов создание внутримакрорегиональных производственных цепочек с использованием опыта СССР по строительству прибыльных предприятий и поддержанию нерентабельных с целью сохранения производственных цепочек.

Практическая реализация региональной политики обеспечивается через ключевые правовые и экономические институты интеграции. Наиболее значимым из них является институт государственно-частного партнерства (далее – ГЧП). По данным платформы «Росинфра», на начало 2023 года в Южном макрорегионе реализуется 186 ГЧП-проектов на общую сумму 238,8 млрд рублей [34].

Существенную роль в интеграционных процессах играют промышленные кластеры, правовая основа для которых создана Федеральным законом №488-ФЗ «О промышленной политике». Статья 20 данного закона определяет промышленный кластер как добровольное объединение предприятий, поставщиков, научно-исследовательских институтов, вузов и органов власти, а статья 21 совместно с Постановлением Правительства РФ №779 конкретизируют механизмы государственной поддержки таких объединений.

Особые экономические зоны и территории опережающего развития, хотя и территориально привязаны к одному субъекту, оказывают сетевое воздействие, выходящее за административные границы. Через формирование цепочек «поставщик сырья (регион А) → переработчики (ОЭЗ) → потребители (регион Б)» они создают сквозные технологические коридоры, сокращая структурные разрывы.

Важным институтом унификации регулирования выступают «дорожные карты» – федеральные стандарты по улучшению инвестиционного климата. Их

задача – преодоление институциональной фрагментации через унификацию регуляторных практик и снижение транзакционных издержек.

Завершает систему институтов интеграции программы поддержки малого и среднего предпринимательства с межрегиональным эффектом. Они реализуются через субсидии на кооперационные проекты и акселераторы технологических стартапов, объединяющие МСП в инновационные консорциумы.

Таким образом, региональная политика в Южном макрорегионе представляет собой многоуровневую систему, сочетающую общегосударственные подходы со специфическими решениями.

Анализ выявил системные проблемы, ограничивающие эффективность политики. Меры, предусмотренные Указом Президента РФ от 16.01.2017 № 13, недостаточны для достижения целей. В инструментах не решены демографические проблемы, не конкретизирована социальная политика и не полностью учтена специализация регионов.

Дополнительной проблемой является зависимость эффективности от компетентности региональных властей. Качество подготовки заявочных кампаний определяет получение субсидий, что создает неравные условия и может приводить к неоптимальному распределению ресурсов.

Особого внимания заслуживает анализ системы показателей эффективности деятельности высших должностных лиц, утвержденной Указом Президента РФ от 04.02.2021 № 68. Хотя такие показатели, как объем жилищного строительства, темп роста реальной заработной платы и численность занятых в сфере МСП, безусловно, важны, их достижение требует более комплексного подхода. Как показывает практика, предоставления грантов регионам недостаточно для создания значительного количества новых рабочих мест, что указывает на необходимость разработки дополнительных механизмов стимулирования экономической активности.

В условиях выявленных проблем и ограничений особую актуальность приобретает разработка направлений совершенствования региональной политики. Первостепенное значение имеют социально-пространственные инструменты, без

которых решение проблем Южного макрорегиона невозможно. В этой связи критически важно наращивание социальной инфраструктуры в малых городах и сёлах, особенно в регионах с экстремально низкой плотностью населения, таких как Калмыкия (4 чел./км²). Одновременно необходима разработка целевых механизмов поддержки рождаемости, включая обеспечение молодых семей комфортным жильём в соответствии с предлагаемыми стандартами 25+ м²/чел.

Автором разработана характеристика задач и инструментов региональной политики Южного макрорегиона, позволяющая решить особо острые проблемы макроуровня (таблица 2.5).

Процесс урбанизации способствует усилению экономической роли городов, а развивающаяся инфраструктура – формированию агломераций. По мнению исследователя Манаевой И. В. «городская агломерация – это объединение города и соседних населенных пунктов в целостное образование на основе трудовых, культурно-бытовых и производственных связей». [71, с. 214]. Важным направлением совершенствования является развитие поликентричного планирования, которое позволяет трансформировать фрагментацию в преимущество. Примером может служить опыт Крыма с 8 узлами агломерации, где несколько городов-ядер распределяют экономическую нагрузку [123].

Особое значение приобретает «пересборка» функциональных связей между акторами экономического пространства. Накопленные структурные противоречия подтверждают, что стихийная фрагментация не может стихийно эволюционировать в синергию. Это требует перехода от точечных инвестиций к системной трансформации хозяйственных связей. Анализ ГЧП-проектов показывает, что хотя они инициируют интеграцию, для устойчивого преодоления фрагментации необходимы механизмы системной перестройки связей.

Завершающим элементом является синхронизация федеральных, региональных и муниципальных программ, координирующих межрегиональные связи. Без необходимой координации даже эффективные отраслевые инструменты не обеспечат сбалансированного развития макрорегиона [18].

Таблица 2.5 – Характеристика задач и инструментов региональной политики Южного макрорегиона

Задачи	Инструменты
Обеспечение достойного уровня жизни граждан	Создание новых рабочих мест с помощью строительства государственных заводов и фабрик.
Развитие социальной инфраструктуры	Открытие новых школ, садиков, больниц.
Введение в государственные нормы комфортного жилья	Разработка законодательства в строительной сфере с целью внедрения норм комфортного жилья и исключения проживания в непригодных для жизни человека условиях (квадратные метры жилья на человека, ограничение этажности жилых многоквартирных домов, расширение придомовой территории, расширение территории ИЖС).
Возведение новых источников энергии и коммуникаций	Макрорегион необходимо рассматривать как одно энергетическое целое со всеми находящимися внутри предприятиями, учреждениями и проживающим населением. Вопросы электрификации, газоснабжения, коммунальных услуг, интернета необходимо решать в комплексе с решением общих экономических проблем (территориального и технологического развития региона).
Демографический рост	Сосредоточиться не на привлечении мигрантов с целью выравнивания уровня демографического роста, а создавать условия для увеличения рождаемости коренного населения РФ, т.е. для благополучия региона нужно обеспечить достойные условия труда граждан, разработать социальную политику для улучшения комфорта жилья, государственное обеспечение жильем малоимущих граждан и молодых семей, усовершенствование миграционной политики и ограничение прибытие мигрантов со стран Азии в РФ.
Культурный сдвиг	Осознание процесса деградации населения через некультурные фильмы по ТВ, неограниченный интернет-контент, алкоголизм и прочие социальные проблемы приводят к пониманию острой проблемы в потере интеллекта населения РФ. Государство должно создавать культурную политику населения и способствовать интеллектуальному росту граждан с помощью масс-медиа, строительства различных видов театра с доступными ценами на билеты для большинства людей, различных культурных и спортивных мест проведения досуга, придерживаться курса политики справедливости в обществе, чтобы не допускать социальные конфликты и разбои.
Использование агломерационного каркаса в региональной политике	Густонаселенные города необходимо преобразовывать к комфортные для проживания агломерации, решать инфраструктурные городские проблемы и наряду с этим создавать политику строительства агрогородков по белорусскому примеру с целью заселения малоосвоенной территории РФ и развитие сельского хозяйства Южного макрорегиона.
Создание внутри макрорегионов производственных цепочек	Государство должно использовать опыт СССР по строительству прибыльных предприятий и поддержания нерентабельных с целью сохранения производственных цепочек и устранения зависимости от импортных товаров и оборудования.

Источник: составлено автором

Таким образом, совершенствование региональной политики требует комплексного подхода, сочетающего развитие социально-пространственных инструментов, внедрение механизмов «пересборки» связей и обеспечение координации между уровнями управления. Только многоуровневый подход позволит преодолеть структурные противоречия и обеспечить устойчивое развитие. Стратегический переход от точечного администрирования к системной трансформации пространственной организации через адаптивное управление, синхронизацию уровней власти позволяет преодолеть фрагментацию.

Анализ структурно-функционального состояния Южного макрорегиона выявил устойчивую региональную фрагментацию. Она проявляется в дисбалансе отраслевой структуры с доминированием аграрного сектора и торговли при недостаточном развитии обрабатывающей промышленности. Наблюдается резкая дифференциация субъектов по уровню экономического развития и специализации. Сложившаяся пространственная организация исчерпала потенциал экстенсивного роста и требует перехода к фазе управляемой интеграции.

Для диагностики фрагментации хозяйственных связей Южного макрорегиона разработан специализированный инструментарий. Он основан на применении эконометрических моделей, индексов Херфиндаля-Хиршмана (НН) и Эллисона-Глейзера (EG), а также фазовой классификации развития. Анализ выявил сильную дифференциацию регионов: от изолированной фрагментации (Калмыкия, Адыгея) до спонтанной интеграции (Краснодарский край, Ростовская область). Инструментарий позволил перейти от констатации состояния к выявлению динамических фазовых переходов, определяя потенциал управляемой «сборки» связей для преодоления диспропорций и достижения синергии.

Проведенная оценка эффективности региональной политики по преодолению фрагментации Южного макрорегиона вывела ключевые результаты:

- 1) фрагментация имеет многослойный характер, представляя наложение территориально-экономических дисбалансов (разрыв «агломерация-периферия»), институциональных барьеров и инфраструктурной разобщенности;

2) выявлено несоответствие между масштабом проблем и инструментарием.

Механизмы Указа Президента № 13 недостаточно адаптированы к специфике макрорегиона. Ключевые проблемы – низкая рождаемость, земельный вопрос, структурная разобщенность – не находят адекватного отражения в программных документах;

3) обнаружена критическая зависимость результатов от компетенций региональных команд, что создает неравенство субъектов в доступе к федеральным ресурсам;

4) наиболее эффективными механизмами интеграции подтвердили себя ГЧП-проекты, промышленные кластеры и ОЭЗ, однако, их воздействие ограничено без кросс-региональной стратегии;

5) разработан комплекс адаптированных инструментов с акцентом на социально-пространственное развитие и импортозамещающие цепочки.

Региональная политика Южного макрорегиона сталкивается с проблемой структурной фрагментации, проявляющейся в диспропорциях развития, институциональных барьерах и социально-демографических перекосах. Существующие инструменты, включая ГЧП, кластеры и ОЭЗ, носят локальный характер и недостаточно адаптированы к экономико-правовым системам макрорегиона. Для преодоления фрагментации необходима системная трансформация: переход к полигонтичному планированию, создание внутримакрорегиональных производственных цепочек, развитие социальной инфраструктуры и агломерационных центров, а также синхронизация программ разных уровней власти, что позволит трансформировать фрагментацию в синергию и обеспечить устойчивое развитие.

Глава 3 Формирование и трансформационная роль драйверов развития в экономическом пространстве Южного макрорегиона

3.1 Практические особенности формирования драйверов развития экономического пространства макрорегиона

Фрагментация регионального экономического пространства рассматривается через формирование драйверов территориального развития (точек роста). По определению Л.Н. Ивановой и Г.А. Терской, «драйверы экономического роста – это совокупность сложных силовых механизмов, которые улавливают рыночный спрос и включают разрозненные активы в русло мощного движения, меняющего экономическую действительность» [42, с. 124].

Концептуальные подходы российских, китайских, американских и европейских ученых имеют культурно-исторические особенности. Географические и ресурсные факторы влияют на структуру экономики и выбор приоритетов. Политические рамки определяют подходы к управлению: в одних странах развивается государственное регулирование, в других - улучшение бизнес-климата и привлечение инвестиций.

В российской экономике, на сегодняшний день, законодательно утверждены различные способы организации и развития территорий, включающие в себя специальные и особые экономические зоны, региональные зоны ускоренного развития, зоны экономического благоприятствования, территории опережающего развития, а также индустриальные парки. Режим льготного налогообложения направлен на стимулирование притока инвестиций в региональную экономику.

Аналогичные подходы успешно применяются в развитых экономиках. В Китае формирование особых экономических зон основано на индивидуальном

подходе к инвесторам, привлечении инвестиций и выходе на иностранные рынки. Примером служит Шэньчжэнь, где первая ОЭЗ была создана в 1980 году. Его успех обусловлен политикой открытости для иностранных инвесторов и доступной рабочей силой. Город стал центром модернизации, развития бизнеса и инноваций, внося значительный вклад в ВВП через экспорт электроники.

Ключевой для КНР является стратегия «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative), направленная на создание инфраструктурных связей с странами Евразии и Африки. Сухопутная часть фокусируется на строительстве железнодорожных магистралей и упрощении таможенных процедур. Морская часть предполагает развитие новых портов для усиления торговых связей. Финансирование осуществляется через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Инфраструктурный фонд Шелкового пути с бюджетом 40 млрд долл. США.

В настоящее время множество инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» находятся на разных стадиях реализации. Строительство трансграничных железных дорог, ЛЭП и нефте- и газопроводов приносит выгоду прежде всего участвующим странам, создавая эффект, аналогичный зонам свободной торговли.

Современные инфраструктурные улучшения повышают эффективность производства и производительность труда, способствуя росту доходов. Инвестиции иностранных компаний обеспечивают передачу знаний и технологий, развивая человеческий капитал и стимулируя инновации в странах-участницах [193].

Концепция нового Шелкового пути направлена на ликвидацию диспропорций между восточными и западными регионами Китая. Программа освоения западной части охватывает 12 провинций, а северо-восточный регион получает возможность ускорить модернизацию промышленности.

Внешние цели проекта включают диверсификацию ресурсной базы Китая, покупку активов за рубежом, создание совместных предприятий и продвижение юаня как мировой валюты. Стратегия «пояса и пути» стала ключевым драйвером территориального развития и инструментом достижения «китайской мечты» –

создания среднезажиточного общества и возрождения Китая, где дивиденды от внешней экспансии направляются на внутреннее региональное развитие [45].

Кроме стратегии «Один пояс, один путь» КНР разработала план развития комплексной промышленной политики «Сделано в Китае 2025» (Made In China 2025 – MIC 2025), который должен привести страну к лидерству в мировом производстве, посредством продвижения местных инноваций и технологической самодостаточности, а также формирования сравнительных преимуществ в стратегических отраслях промышленности в мировом масштабе. План реализовывается в следующих важнейших отраслях:

- 1) автоматизированные станки и робототехника;
- 2) современное железнодорожное оборудование;
- 3) летательные аппараты и авиационное оборудование;
- 4) электрогенерирующее оборудование;
- 5) сельскохозяйственные машины и оборудование;
- 6) новые энергетические автомобили;
- 7) передовые информационные технологии;
- 8) фармацевтические препараты и современное медицинское оборудование;
- 9) морские суда и морское инженерное оборудование;
- 10) новые материалы.

Финансовые и фискальные инструменты способствуют масштабной модернизации отраслей и созданию инновационных производственных центров для укрепления позиций на внутреннем и внешнем рынках [183].

Исследование взаимосвязи высокотехнологичных кластеров с региональным инновационным потенциалом позволяет оптимизировать размещение производств и обновить промышленную базу. Концепция «столичного района Ухань» представляет собой мощную высокотехнологичную базу в рамках стратегии «Подъем Центрального Китая». Регион богат инновационными ресурсами и промышленными парками, способствующими кластеризации высокотехнологичных отраслей. В 2022 году проект управления инновационными кластерами в провинции Хубэй подчеркнул важность этого процесса [174].

Хотя высокотехнологичные кластеры положительно влияют на инновационный потенциал, их распространение на соседние регионы ограничено из-за конкуренции за ресурсы и пространственной пропускной способности. Подлинная сила кластеров заключается в способности инициировать трансформацию пространственной логики макрорегиона.

Правительство усиливает проектирование кластеров и стимулирует инновации через сотрудничество с промышленностью и академическими кругами. Цифровые технологии способствуют формированию инновационной сетевой модели «обучающегося предприятия», диверсифицируя взаимодействие между секторами экономики и научными учреждениями.

Финансовая поддержка малых компаний через кредитные преференции и субсидии стимулирует развитие кластеров, сокращает сроки НИОКР и увеличивает объем инновационной продукции [181].

На разных этапах развития территорий наблюдается усиление городской экспансии, приводящей к фрагментации окраин и компактной застройке. Состояние дорожной инфраструктуры существенно влияет на форму городов, а взаимосвязь урбанизации с плотностью предприятий требует модернизации промышленности [204].

Для решения проблем экономической децентрализации и несбалансированного роста в Китае разработана стратегия «новой урбанизации». Рассмотрим три инструмента регулирования регионализации экономического пространства:

- административное поглощение, направленное на подчинение пригородной застройки столичному управлению и снижение конкуренции между соседними районами;
- разработка территориальных планов для усиления координации регионального и субрегионального развития инфраструктуры;
- укрепление региональных институтов через совещания мэров и совместное принятие решений с местными органами власти.

В результате этих мер новая форма городского регионализма в КНР создает горизонтальные связи между городами, а гибкие институты управления дополняют государственный контроль в региональном аспекте [209].

Существует и иной подход к территориальному экономическому развитию. Комплексный региональный подход к управлению в Европейском Союзе предусматривает адаптацию общих инструментов макроэкономического регулирования к каждому конкретному региону, учитывая его финансовое обеспечение, сырьевую базу и промышленный потенциал. Концептуальная основа формирования драйверов экономического роста стран Западной Европы основана на следующих положениях:

1) современные европейские концепции формирования драйверов регионального развития связаны с созданием «функциональных территорий» на различных уровнях. Новая парадигма региональной политики сочетает процессы территориальной автономии и локализации, что может приводить к дисбалансу между передачей ответственности и ресурсов на микроуровень. Европейский подход включает несколько направлений [196]:

- использование регионального потенциала вместо общенациональной конвергенции для устранения диспропорций и создания полицентрической модели развития;
- комплексный пространственный подход через адаптированные пакеты мер в различных секторах, обеспечивающий горизонтальную координацию;
- признание региональных диспропорций как необходимого элемента развития с акцентом на глобальную конкурентоспособность;
- программа «Чистая и зеленая Европа», ориентированная на устойчивое развитие энергетики и охрану окружающей среды.

Когезионная политика ЕС направлена на сокращение различий между развитыми и отстающими регионами через перераспределение ресурсов. Финансирование осуществляется государствами-членами пропорционально их ВНД, что создает противоречивую ситуацию с постоянными донорами и

бенефициарами, но в долгосрочной перспективе приносит положительный эффект [208].

Деятельность Европейского фонда регионального развития и Фонда сплочения сосредоточена на устойчивом городском развитии. Европейская городская инициатива охватывает все городские территории и предполагает межправительственное сотрудничество для достижения целей ООН. Особое значение приобретают проблемы декарбонизации и перехода к низкоуглеродной экономике. Ключевыми драйверами устойчивого развития выступают функциональные городские территории [199];

2) инициатива «Новый европейский Bauhaus» разрабатывает концепцию инклюзивного и эстетичного проживания. Она трансформирует строительный сектор и землепользование для сокращения отходов и повышения биоразнообразия. Подход интегрирует архитектурные, технологические и социальные преобразования, сочетая традиционные навыки с цифровыми технологиями для создания циркулярной и климатически нейтральной экономики [191]. Проблема выбросов парниковых газов требует междисциплинарного подхода;

3) европейская концепция «умной специализации», основанная на научно-технических инновациях и региональном росте, развивает кластерный подход и проект «Индустриализация 4.0». Она влияет на пространственную организацию регионов, обеспечивая согласованное формирование структуры населенных пунктов и территориальную организацию инфраструктуры с учетом климатических особенностей.

Суть концепции заключается в том, что каждый регион, учитывая общенациональные приоритеты, определяет группу отраслевых приоритетов на среднесрочную перспективу исходя из своих уникальных конкурентных преимуществ. Выбор осуществляется через диалог с органами власти, бизнесом и научным сообществом для разработки дорожных карт и целевых показателей. Основным драйвером становится экономика знаний и эффективное использование территориальных ресурсов.

Важным аспектом является экономическая диверсификация. Применение принципов «умной специализации» позволяет региональной экономике создавать новые производственные возможности, опираясь на уникальные компетенции и ресурсы. Это приводит не только к разнообразию в производстве, но и к повышению общей конкурентоспособности и устойчивости экономики региона [59];

4) концепция приграничного сотрудничества институционализировала территориальные связи и сформировала политику сплочения ЕС. Программа «Интеррег» обеспечила финансирование проблемных регионов для сокращения неравенства в развитии и повышения качества жизни [207]. Её продолжением стало Европейское территориальное сотрудничество (2007-2013 гг.), включающее три компонента:

- приграничное сотрудничество: поддержка предпринимательства, совместное управление ресурсами, развитие инфраструктуры в сфере культуры, туризма и образования;
- транснациональное сотрудничество: финансирование сетевого взаимодействия и комплексное территориальное развитие;
- межрегиональное сотрудничество: акцент на инновации и экономику знаний как драйверы технологического прогресса.

Инструменты поддержки периферийных территорий основаны на значительных финансовых и административных ресурсах, формируя планомерную реализацию европейской политики выравнивания [141];

5) заслуживает внимания проводимая European Union фондом стратегических исследований и European Innovation Council советом, согласованная инновационная политика на основе концепции «три «O»» («открытая инновация», «открытая наука», «открытость миру»). Концепция «открытой инновации» рассматривает инновационное развитие как комплексный созидательный процесс, основанный на потоках знаний в экономико-социальной среде. Внедрение принципа «открытой науки» в экономику региона служит активным драйвером территориального развития, соответствующим ожиданиям

общества. Значительную роль в поддержке регионов ЕС играют государственные и надгосударственные органы управления, формирующие законодательное обеспечение функционирования предприятий и процесс оборота знаний между участниками инновационного процесса [160].

Рассмотренная проблематика формирования драйверов региональной экономики свидетельствует о том, что существуют различия между европейскими и азиатскими концепциями пространственного развития (таблица 3.1).

Таблица 3.1 – Систематизация концептуальных основ мирового опыта формирования драйверов территориального развития

Характеристика концепций	Представители научной школы	Значение
Китайский подход		
- Применяется индивидуальный подход к привлечению инвесторов. - Сформулирована концепция «Один пояс, один путь». Позволяющая экспортствовать не только товары по сухопутному и морскому пути за рубеж, но и технологии и культуру - Внедрен план комплексной промышленной политики «Сделано в Китае 2025». Определены приоритеты стратегических отраслей экономики.	Л. Ижу, Д. Бао, Ю. Ли, Л. Чжан, К. Сюн, С. Гао, И. Ян, Ф. Ву, Юн. Чжан, М. Дай.	Особую важность китайского подхода к выявлению драйверов экономического роста имеет сделанный акцент на промышленных отраслях экономики, агломерациях, создании особых экономических зон и выход на мировой рынок путем строительства «сообщества единой судьбы человечества».
Европейских подход		
- Формирование «функциональных территорий» и пространств на макро- и микроуровне, способствует локализации и автономии. - Разработана инициатива «Новый европейский Bauhaus», предусматривающая новый подход к землепользованию и строительной отрасли. Концепция приграничного сотрудничества, включающая в себя программу «Интеррег», предполагает политику сплочения и сетевое сотрудничество регионов. - Согласована руководством ЕС инновационная политика три «О».	Ф. О'Брайен, Д. Шоу, О. Сайкс, Б. Видера, Ф. Кручитти, Ф. Монфор, Я. Эдлер, А. Кутнар, С. Салотти, Г. И. Шелльнхубер.	Современный региональных подход европейцев совершенствует территориальную инфраструктуру, устраняет диспропорции в экономическом развитии и способствует укреплению инновационной политики ЕС.

Продолжение таблицы 3.1

Характеристика концепций	Представители научной школы	Значение
Североамериканский подход (США)		
- Изучение влияние промышленных кластеров и капитала на региональную политику (например, Кремниевая долина). - Выявление особенностей человеческого фактора на современное территориальное строительство. - Использование рыночного и планового подхода в управлении экономикой.	Дж. Чен, У. Б. Бонвиллиан, Дж. С. Энгель, М. Драбенстотт, У. Р. Рид, Б. С. Глейзер, К. Чатфилд, Д. Мерриман, М. Бухолс, Х. Бателт.	США можно назвать мировым лидером в использовании кластерного подхода в региональном аспекте. Результатом проводимой политики является множество различных технопарков, высокая автоматизация труда и формирование ТНК, поглощающих экономики других стран.
Российский подход		
- Основан на мощнейшей научной советской экономико-географической школе экономического районирования и планирования. - Разработана модель межрегиональной связности экономического пространства, предусматривающая адресные меры помощи регионам. - Опирается на промышленную кооперацию и специализации регионов. Выявляются агломерационные процессы, образующие точки роста экономики. - Дано характеристика влиянию институтов образования в модернизации экономики на фундаменте инвестиционно-инновационных технологий.	Н. Н. Колосовский, Н. Н. Баранский, Е. Е. Лейзерович, С. Г. Пьянкова, П. В. Строев, М. Г. Никитина, Г. М. Кржижановский.	Российский научный подход отличается от других тем, что имеет опыт советского планирования и районирования, не имеющего аналогов в мире. Распад СССР спровоцировал пересмотрение региональной политики с учетом мировых тенденций, результатом стало пространственное стратегическое управление территориями в условиях рыночной экономики, включающее в себя такие драйвера экономического роста как ОЭЗ, агломерации и геобрендинг.

Источник: составлено автором по материалам [13; 55; 61; 69; 88; 112; 140; 163; 174; 175; 176; 179; 180; 181; 183; 187; 191; 193; 196; 203; 204; 207; 208]

Для КНР характерен индивидуальный подход к инвесторам и создание промышленных кластеров в урбанизированных территориях. В ЕС региональная экономика основывается на концепции «функциональных территорий», фрагментации пространства и приграничном сотрудничестве. Исследование

«умной специализации» по примеру ЕС позволило составить «Атлас экономической специализации регионов России» [9].

Опыт США в пространственном развитии концентрируется на двух направлениях: влияние промышленной структуры и капитала, а также особенности человеческих ресурсов [176], а также включает концепции инноваций, смешанного использования земель, экономики разнообразия и развития креативных кластеров. «Инновационный прорыв» 1980-х годов при администрации Р. Рейгана сделал ставку на высокотехнологичные отрасли и сотрудничество частных компаний с государственными учебными заведениями [38].

Исследования подтверждают, что диверсифицированная специализация, измеряемая индексом Херфиндаля-Хиршмана, способствует не только стабильности, но и экономическому росту регионов [163].

Научно-технологические кластеры играют ключевую роль в использовании интеграционного и ресурсного потенциала. Они формируют новые кооперационные сети, сокращают трансакционные издержки и повышают эффективность применения знаний. Технопарки в современных условиях становятся локомотивами регионального развития.

Первый американский технопарк был создан в 1951 году на базе Стэнфордского университета, который сдавал в аренду земли и помещения малым предприятиям и промышленным компаниям, выполнявшим государственные заказы. Стэнфорд также разработал концепцию Кремниевой долины, основанную на коммерциализации научных исследований. Сегодня Долина производит суперсовременные компьютеры, чипы, программное обеспечение и биотехнологии, лидируя во многих отраслях. Её успех обусловлен сотрудничеством с университетами, привлечением инвестиций и финансированием стартапов при минимальной бюрократии [115, с. 87-88].

В США существуют два типа технопарков: точечные (спонтанно возникшие) и региональные (созданные властями штатов). Яркий пример - исследовательский «Парк-треугольник Северной Каролины» с крупными работодателями IBM, GlaxoSmithKline и Агентством по охране окружающей среды.

Данный опыт применяется в инновационном центре Сколково, где выручка резидентов за 2023 год выросла вдвое, а количество рабочих мест достигло 95 тысяч. Однако для закрепления на мировом рынке микроэлектроники одного технологического центра недостаточно, что требует системного подхода к формированию драйверов экономического развития.

Российская научная школа изучает драйверы регионального развития с разных сторон. Наиболее широко известен и глубоко исследован концептуальный подход к сетке экономического районирования.

На основании изучения различий экономико-географического положения территорий, железнодорожных магистралей и крупных речных путей, географических рубежей-границ, плотности населения, различия системы расселения, природных условий, природных богатств, особенностей специализации населения, характеристики смежных экономических районов составляется сетка районирования, позволяющая управлять хозяйственными процессами взаимодействия субъектов РФ [69]. А. Г. Гранберг подчеркивает важность развития инноваций, особых экономических зон и международных транспортных коридоров, способствующих формированию сети опорных регионов, концентрирующих интеллектуальный потенциал и технологии [32; 33].

Концептуальная основа геобрендинга состоит в повышении туристической и инвестиционной привлекательности региона, актуализации данных о территории в средствах массовой информации, наличием и реализацией программы дальнейшего инфраструктурного развития, повышения уровня осведомленности жителей о проблемах региона и участие в решение их. Креативный менеджмент способен сформировать основу бренда территории и дать возможность предприятиям и институтам участвовать в получении грантов [39]. Исследователи С. Г. Пьянкова, И. В. Митрофанова, О. Т. Ергунова отмечают, что для эффективного использования инструментов маркетинга важно сформировать модель территориального бренда, включающего многогранные аспекты хозяйственной жизни региона, в т.ч. культурно-бытовые, политические и исторические. В таком случае, высокий уровень управления технологиями

продвижения привлекательности региона поможет привязать бренд к географической территории и получить экономический эффект [112].

Российский ученый П. В. Строев разработал концептуальную модель повышения межрегиональной связанности экономического пространства, позволяющей с помощью мер государственной поддержки (территориально-нейтральные, территориально-адресные, территориально-связующие), придать необходимый импульс регионам. Адресные меры помощи территориям стимулируют процессы экономической взаимосвязанности и способствуют макрорегиональному взаимодействию. Эффект синергии указанной модели способствует получению следующих эффектов: снижение уровня безработицы, формирование кластеров и агломераций, повышение уровня конкурентоспособности территорий и инвестиционной привлекательности [140].

Важно отметить существенное значение институтов образования в региональной привлекательности трудовых и инвестиционных ресурсов. Исследователи М. Г. Никитина, А. А. Сухоборов, Д. Б. Мираньков указывают на значительную роль высшей школы в повышении обеспечения и конкурентоспособности территорий. Выявлено, что взаимодействие высшей школы, промышленности и государственного сектора способствует модернизации экономики на базе инвестиционно-инновационных технологий [145]. Постановлением Правительства РФ от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» [96] принята программа предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на обеспечение учебных заведений в достижении национальных целей и повышения научного потенциала образовательных организаций.

Стимулирование экономики региона существенно зависит от отраслевого фактора, определяемого природными ресурсами, климатом, географическим положением и трудовыми ресурсами. Промышленные градообразующие предприятия выступают драйвером социально-экономического развития. Экономисты Г. А. Морозова, Д. А. Корнилов, Н. Ф. Поляков рассматривают

промышленность как главный катализатор экономического роста, а кластерный подход и кооперацию – как источник синергетического эффекта и повышения конкурентоспособности [79].

В современных условиях актуальными формами размещения производительных сил являются индустриальные парки, кластеры, ОЭЗ и технополисы, выполняющие производственные, научно-исследовательские и перераспределительные функции [8].

Регулирование развития регионов должно сохранять баланс между иностранными инвестициями и внутренними ресурсами. Массовое привлечение мигрантов для работы в ТОР [63] и передача управляющим компаниям недвижимого имущества в собственность [98] создают риски для национальной безопасности и социальной стабильности.

Современные вызовы требуют перехода от статичных моделей к динамичным системам, где фрагментация становится ресурсом развития, а не барьером, через кросс-региональное взаимодействие.

3.2 Роль драйверов развития в трансформации экономического пространства

Анализ выявил шесть типов драйверов территориального развития, чья роль варьируется в зависимости от национальной модели:

- государственные институции – ключевой драйвер в Китае и России (например, Шэньчжэнь, Сколково, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, стратегия «Сделано в Китае 2025»);

- инновационно-производственные кластеры – универсальный драйвер, создающий самоорганизующиеся экосистемы;

- транснациональные корпорации (далее – ТНК) – основа рыночных моделей (IBM в Исследовательском треугольнике США, резиденты Кремниевой долины), формирующие глобальные цепочки добавленной стоимости;
- инфраструктурные проекты – интегрируют территории через транспортные коридоры, энергомосты и цифровые хабы;
- городские агломерации – ядра пространственной трансформации за счет эффекта масштаба (Шэньчжэнь) и сетевой кооперации;
- финансовые институты развития – катализаторы инвестиций (Европейский фонд регионального развития, Инфраструктурный фонд Шелкового пути).

Исследование выявило парадокс: драйверы не устраниют фрагментацию экономического пространства, а преобразуют ее в ресурс развития. Критически важной является самоорганизация: около 70 % успеха драйвера определяются активностью локальных акторов, а не прямым госрегулированием.

К основным акторам, чья активность формирует этот эффект самоорганизации, относятся: бизнес (от стартапов до крупных корпораций); научно-образовательные кластеры; местные сообщества.

Механизм достижения успеха заключается в синергии кооперации между этими группами. Их взаимодействие создает мощную динамику развития, которую сложно воспроизвести исключительно административными методами.

Таким образом, исследование подчеркивает, что государственные инициативы выступают скорее рамочными условиями, тогда как реальный драйв развития генерируется «снизу» – через самоорганизующееся взаимодействие бизнеса, науки и местных сообществ.

Исследование идентифицировало ряд скрытых угроз, связанных с реализацией драйверов территориального развития:

- активное развитие драйверов может не сгладить, а усилить существующие или создать новые территориальные неравенства. Наиболее остро это проявляется в увеличении разрыва между динамичным «центром» драйвера (ядром развития) и отстающей периферией. Ярким примером служит контраст

между высокоразвитыми прибрежными регионами Китая и отсталыми внутренними территориями, несмотря на общенациональный рост;

- развитие, инициируемое драйверами (особенно крупными инфраструктурными или интеграционными проектами), способно привести к новому типу разделения пространства. Оно возникает между территориями, включенными в орбиту проекта и пользующимися его преимуществами, и территориями, оказавшимися исключенными из него. Это создает иерархию доступа к ресурсам и возможностям. Иллюстрацией служит разница в перспективах стран-участниц инициативы «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП) и их соседей, оставшихся вне этого проекта;
- внутри успешных кластеров или зон интенсивного развития возникает проблема конкуренции за ограниченные ресурсы (финансирование, высококвалифицированные кадры, инфраструктура). Эта внутренняя конкуренция может стать ловушкой, тормозящей дальнейший рост и инновации, так как ресурсы перераспределяются в рамках уже сложившейся структуры, а не направляются на освоение новых направлений или включение новых участников.

Таким образом, выявленные особенности позволяют не только систематизировать подходы к формированию драйверов, но и предложить принципиально новую интерпретацию их роли в контексте предлагаемого динамического понимания макрорегиона. Этот новый взгляд можно обосновать через общее понимание, что драйверы территориального развития (такие как особая экономическая зона Шэньчжэнь, кластеры Кремниевой долины, транспортные коридоры инициативы ОПОП или программы «Умной специализации» ЕС) выполняют роль фундаментальных «точек роста» для макрорегионов, выступая инициаторами системообразования.

Обобщая результаты исследования, мы обосновываем принципиально новую концептуальную модель драйвера территориального развития макрорегиона. Ключевой вывод заключается в том, что драйвер представляет собой не просто инструмент стимулирования роста или изолированную «точку роста», а выступает

активным ядром зарождающегося или трансформирующегося макрорегиона. Указанная роль реализуется через четыре взаимосвязанные функции:

- инициатора, через которую драйвер запускает процесс пространственной самоорганизации, служа отправной точкой для формирования новой пространственной системы (макрорегиона) из состояния фрагментации;
- архитектора, когда драйвер сознательно проектирует и формирует каркас интенсивных функциональных связей (экономических, инновационных, логистических). Такие связи составляют основу целостности макрорегиона и являются главным инструментом преодоления территориальной разобщенности;
- катализатора, когда драйвер активирует и направляет самоорганизующуюся деятельность множества акторов (бизнеса, науки, сообществ). Именно их взаимодействия «наполняют систему жизнью», определяя ее внутреннюю динамику и траекторию развития;
- двигателя, благодаря собственной непрерывной эволюции (расширению, диверсификации, адаптации) драйвер обеспечивает динамику и адаптивность всей системы макрорегиона, гарантируя ее долгосрочную устойчивость.

Основной смысл предлагаемой интерпретации макрорегиона заключается в переосмыслении роли драйвера в контексте пространственной фрагментации и формирования связей:

- преодоление фрагментации как создание новой целостности. Драйвер борется с фрагментацией не механическим «сшиванием» разрозненных территорий, а путем генерации принципиально новой, органичной пространственной целостности – макрорегиона. Эта целостность возникает на основе интенсивных функциональных связей и процессов самоорганизации, инициируемых драйвером. Таким образом, драйвер не столько ремонтирует старое, неэффективное пространство, сколько активно «выращивает» новую пространственную реальность, обладающую внутренней связностью и потенциалом развития;

- драйвер как главный агент трансформации хозяйственных связей.

Драйвер выступает основным агентом качественной трансформации пространственных взаимодействий. Он системно заменяет слабые, разорванные или искусственно ограниченные административными барьерами связи, характерные для фрагментированного пространства, на интенсивные, экономически обоснованные, сетевые и трансграничные взаимодействия. Именно эти новые, мощные связи, создаваемые и поддерживаемые драйвером, непосредственно формируют ткань пространства макрорегиона. В данной модели хозяйственные связи перестают быть лишь элементами развития; они становятся конституирующими элементом (основой) новой пространственной реальности, определяя ее границы, структуру и динамику (рисунок 3.1).

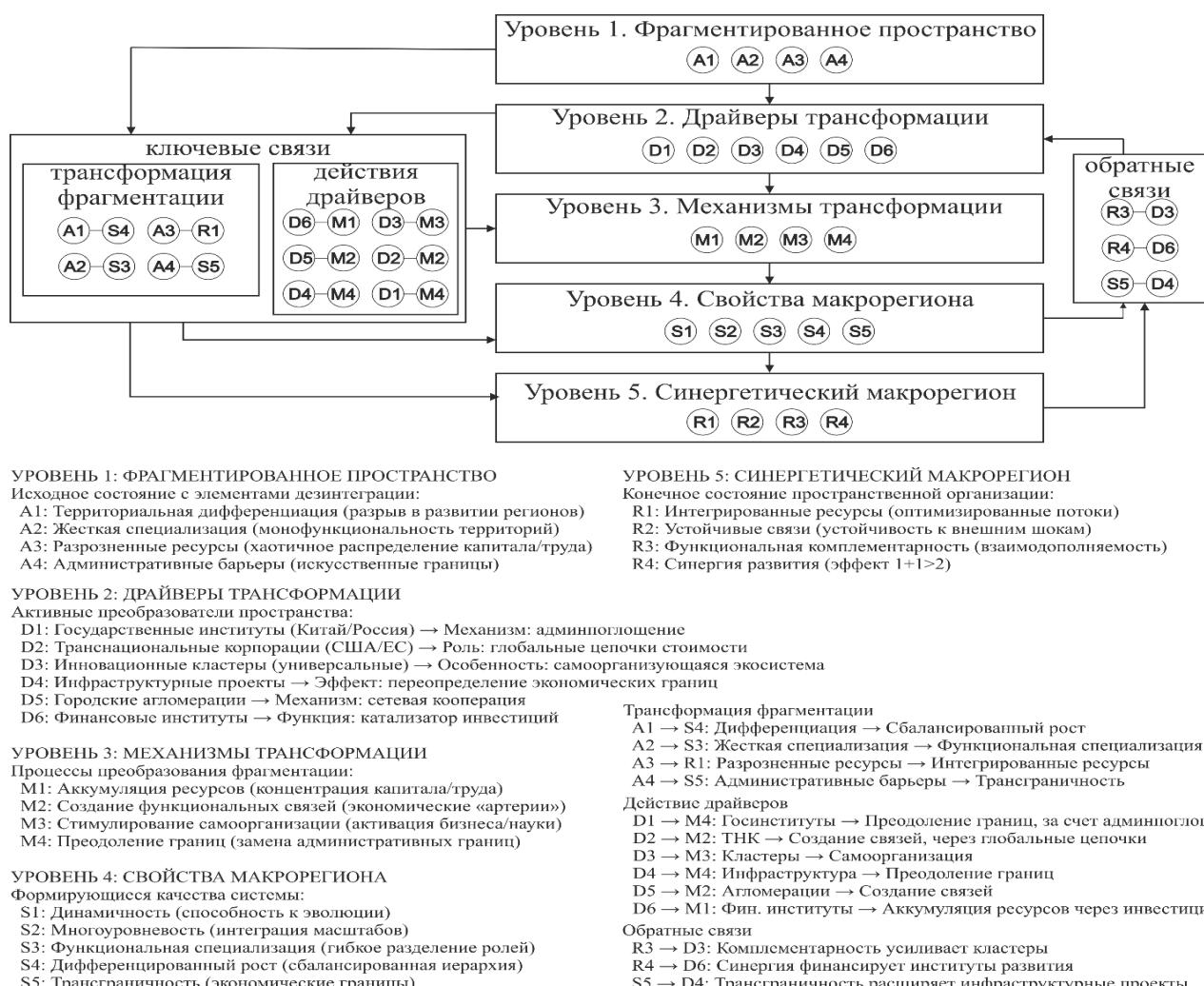

Рисунок 3.1 – Трансформация фрагментации на основе драйверов территориального развития в макрорегионе

Источник: составлено автором

Схема визуализирует принципиально новую парадигму: драйвер – не внешний инструмент развития, а внутреннее ядро формирующегося макрорегиона. Его деятельность создает «эффект кристаллизации» пространства, поскольку он: преодолевает фрагментацию не механическим «сшиванием», а выращиванием новой целостности; заменяет административные границы экономически обусловленными контурами; трансформирует разрозненные ресурсы в синергетическую систему; превращает пассивные территории в самоорганизующиеся пространственные организмы.

Такой подход объясняет, почему традиционные методы управления часто терпят неудачу в преодолении региональных диспропорций – они борются со следствиями, а не создают условия для органичного формирования новых пространственных систем.

Рассмотрим, как представленные теоретические модели реализуются в условиях Южного макрорегиона России, где различные типы драйверов формируют сложный ландшафт территориального развития.

Наиболее выраженным проявлением роли государственных институтов как драйвера в Южном макрорегионе является создание территорий с особым экономическим статусом. Такие институциональные формы призваны преодолеть ограничения трансформации экономического пространства через льготное налогообложение и целевую поддержку. В Южном макрорегионе 7 видов таких территорий: промышленные кластеры, индустриальные парки, технопарки, территории опережающего развития, моногорода, свободные и особые экономические зоны (таблица 3.2).

Опыт функционирования зон с особым экономико-правовым статусом показывает, что, несмотря на развитый инструментарий, его результативность в контексте управления циклической эволюцией макрорегиона требует критического переосмысления.

Таблица 3.2 – Авторская характеристика территорий Южного макрорегиона с особым статусом

Наименование	Критерий создания	Инициатор создания	Управление	Форма поддержки
Промышленные кластеры	Производственная кооперация	Взаимосвязанные промышленные предприятия	Управляющая компания	Субсидии
Индустриальные парки	Подготовленная территория, объекты капитального строительства и промышленная инфраструктура	Государство, региональные правительства и частные девелоперы	Управляющая компания	Компенсация государством части затрат на создание и развитие инфраструктуры парка и на обслуживание процентов по кредитам, налоговые льготы, субсидии
Технопарки	Территория и научная база	Государство	Управляющая компания	Инвестиции и налоговые льготы
Территории опережающего развития (ТОР)	Часть территории субъекта РФ, созданная в соответствии требованиям ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ	Уполномоченный федеральный орган	Управляющая компания	Налоговые льготы (по налогу на прибыль, налогу на имущество и земельному налогу), субсидии
Моногорода	Монопрофильные муниципальные образования, зависимые от работы градообразующих предприятий	Государство	Органы государственной власти	Льготное кредитование и софинансирование инфраструктурных объектов со стороны ВЭБ.РФ На территории моногородов создаются ТОРы
Свободные экономические зоны (СЭЗ)	Территория Республики Крым и г. Севастополя	Государство	Органы исполнительной власти, экспертные советы по вопросам СЭЗ	Субсидии, налоговые льготы
Особые экономические зоны (ОЭЗ)	Территория с экономико-географическим конкурентным преимуществом	Государство	Органы исполнительной власти, управляющая компания	Налоговые льготы и таможенные преференции, сниженные цены на аренду и выкуп земли

Источник: разработано автором [126]

Исследование функционирования СЭЗ в Крыму и Севастополе в 2023 г. выявило около 1500 участников, в основном сконцентрированных в торговле, строительстве и сельском хозяйстве. Это указывает на необходимость функциональной адаптации этих механизмов для стимулирования более сложных. Классификация отражает инструментарий, но его эффективность для управления эволюцией макрорегиона и трансформации фрагментации в ресурс требует переосмыслиния.

Особые зоны как институциональный каркас имеют материальную основу – инфраструктурные проекты, формирующие функциональные связи. Ключевую роль играют транспортные коридоры. Так, Международный транспортный коридор «Север-Юг» [107], связывающий Санкт-Петербург с Мумбаем через макрорегион, способствует росту экспорта нефти, зерна и металлов.

Новороссийский транспортный узел [103] с международным портом обеспечивает взаимодействие железнодорожного, морского и трубопроводного транспорта в Черноморско-Азовском бассейне.

Высокий уровень транспортной взаимосвязанности территорий (рисунок 3.2) макрорегиона позволяет достичь высоких экономических показателей и развивать логистические маршруты, формируя транспортный каркас (рисунок 3.3).

Рисунок 3.2 – География Южного макрорегиона с указанием времени на преодоление расстояния автотранспортом между городами (час)

Источник: разработано автором в программном обеспечении QGIS 3.16.0

Существующая сеть (11 аэропортов, 13 речных и 21 морской порт, автодороги) представляет мощный материальный каркас [149]. Однако его потенциал для управляемой пересборки функциональных связей реализован частично, что требует перехода от создания инфраструктуры к управлению сетевыми эффектами.

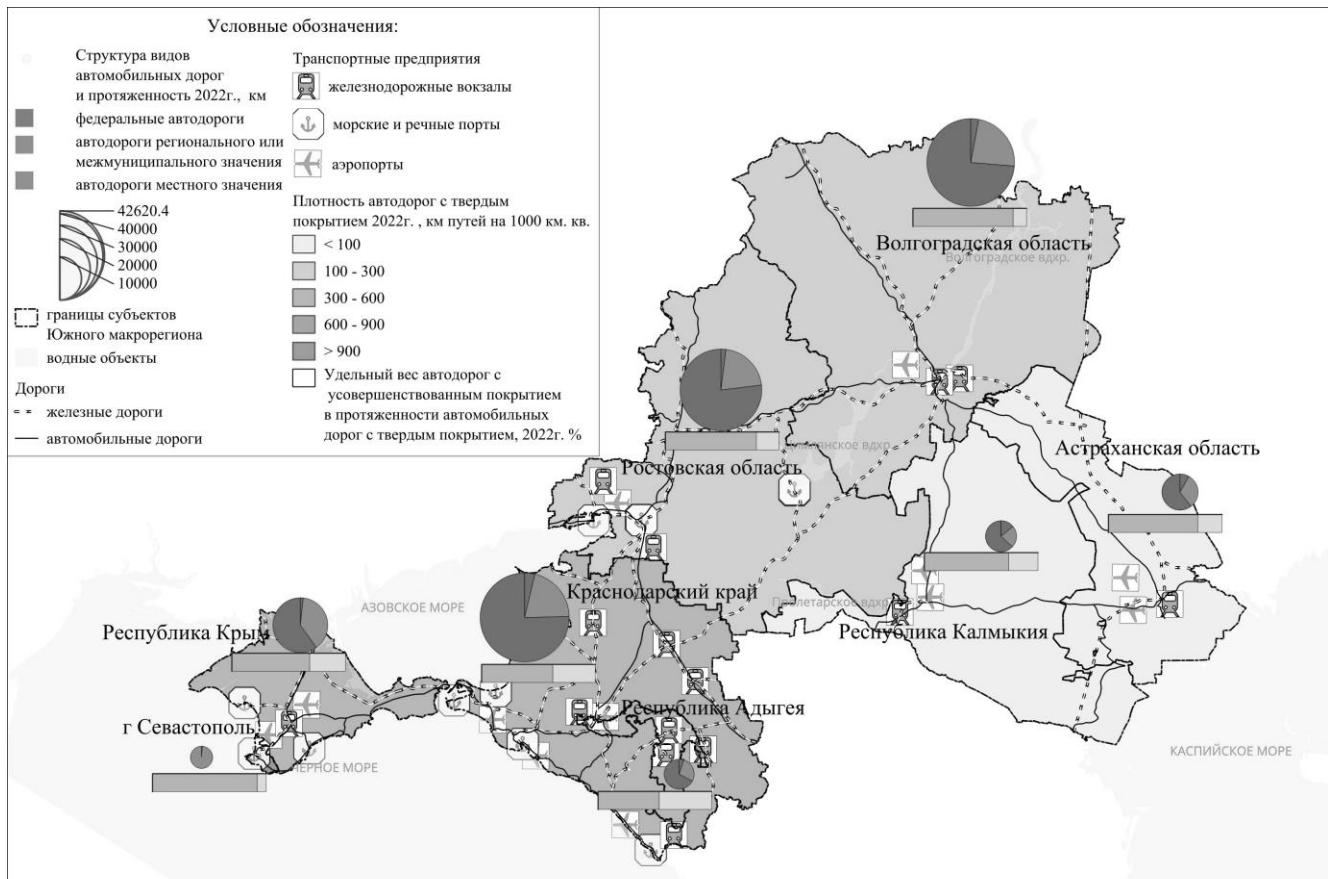

Рисунок 3.3 – Транспортный каркас Южного макрорегиона

Источник: построено автором с помощью программы QGIS 3.16.0

Транспортная инфраструктура служит опорой агломерациям, способствуя строительству перерабатывающих предприятий и элеваторов. Концентрация сельхозпроизводства выше у потребителя, что формирует агломерации [151]. Широкая сеть путей развивает приграничное сотрудничество с Ираном, странами Персидского залива, Индией.

Энергетическая инфраструктура может сдерживать развитие. Проблему недостатка электроэнергии призван решить проект ТЭС «Ударная» [43].

Устранение энергетических ограничений — критическое условие для перехода макрорегиона на новую эволюционную ступень.

На этом инфраструктурном каркасе формируются городские агломерации — ключевые драйверы, концентрирующие экономическую жизнь.

В Южном макрорегионе выделяются шесть основных агломераций, каждая со своей спецификой (таблица 3.3).

Формирование агломераций в Южном макрорегионе происходит через поглощение городом-ядром пригородных и сельских территорий, где создаются производства и садоводческие хозяйства. Управление агломерациями направлено на интенсификацию экономического развития, формирование инфраструктурного каркаса и привлечение инвестиций, являясь способом регулирования развития отстающих районов [68].

Южный макрорегион обладает уникальным геоэкономическим положением благодаря выходу к Азово-Черноморскому бассейну и пересечению транспортных коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад». Агломерации формируются поmonoцентрической (например, Астраханская агломерация с ядром в г. Астрахань) или поликентрической модели (Республика Крым с 8 городскими подсистемами: Симферополь, Севастополь, Керчь и др.). Ключевую роль в развитии инфраструктуры играют автодороги «Таврида», «Ялта - Симферополь - Джанкой» и железнодорожные магистрали.

Агломерации Краснодара и Адыгеи формируют мощный научно-финансовый центр, уступая только Ростову-на-Дону. Город-ядро соединяется с городами-спутниками транспортной инфраструктурой в единую систему [11, с. 75]. Приток инвестиций обеспечивается развитой инфраструктурой и налоговыми льготами для бизнеса.

Агломерации не только демонстрируют положительную динамику, но и сталкиваются с типичными проблемами: маятниковой миграцией, транспортными заторами, ограниченной градостроительной политикой и высокой стоимостью парковки.

Таблица 3.3 – Характеристика агломераций Южного макрорегиона

Наименование	Нормативно-правовой акт	Характеристика
Ростовская агломерация	Законодательное Собрание Ростовской области Областной закон от 29.06.2022 г. № 704-ЗС «О развитии агломераций в Ростовской области»	Моноцентрическая Ростовская агломерация образована в центре пересечения федеральных и магистралей, с выходом к Азовскому, Балтийскому, Черному, Белому и Каспийскому морям. Здесь находятся Усть — Донецкий, Азовский, Ростовский, Таганрогский, Волгодонский порты. Особенность Ростовской агломерации – это высокая доля городской периферии (Таганрог, Новочеркасск, Азов) с сосредоточением около 70 % промышленных мощностей региона, выпускается около 66 % всей продукции.
Краснодарская агломерация	Закон Краснодарского края «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» от 11.12.2018 г.	Ядром Краснодарской агломерации является город Краснодар. В состав агломерации входят Северский и Динской районы края, г. Горячий Ключ, Тахтамукайский район Республики Адыгея. Особенностью является большое количество частного домостроения. Большую долю в экономике Краснодара и пригорода занимает сельское хозяйство.
Сочинская агломерация	Закон Краснодарского края «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» от 11.12.2018 г.	Ядра развития 1-го порядка – г.Сочи, Ядра развития 2-го порядка – Адлер, потенциальное ядро развития – Красная Поляна. Это международный курорт-экополис высшим уровнем сервиса и досуга, а также региональный научно-исследовательский центр. Групповая форма расселения формирует условия эффективного размещения коммунальных и промышленных площадок и решения экологических проблем.
Симферопольская городская агломерация	Закон Республики Крым «О Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» от 26.12.2016 г.	В состав входят: городской округ Симферополь, Симферопольский и Бахчисарайский районы. Конкурентными преимуществами агломерации являются наличие в ее пределах емких рынков сбыта продукции и недвижимости Республики Крым, работа крупнейших научно-инновационных и важнейших транспортных узлов.
Ялтинская городская агломерация	Закон Республики Крым «О Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» от 26.12.2016 г.	Ялтинскую городскую агломерацию формируют городские округа Ялта и Алушта. Особенностью агломерации является маятниковая трудовая миграция в летний период, в связи с курортным сезоном.

Продолжение таблицы 3.3

Наименование	Нормативно-правовой акт	Характеристика
Волгоградская агломерация	Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 г. (Утверждена решением Волгоградской городской Думы от 25.01.2017 г. №53/1539	В состав Волгоградской агломерации входят: Волгоград, Волжский, Красносльбодск, Городище, Светлый Яр, Средняя Ахтуба.

Источник: составлено автором [88]

Согласно исследованию И. В. Манаевой распределения городов в федеральных округах по тесту Ципфа, только в Южном макрорегионе наблюдается равномерное распределение населения по городам, что снижает риски появления социально-экономических кризисов [72]. В 20-х годах XXI в. вследствие возникновения интернета вещей и удаленного способа работы дальнейшая миграция населения в большие города и приток финансовых средств замедляется [182]. Эти вызовы указывают на необходимость принципиально новых управленческих решений, способных трансформировать институциональную среду макрорегиона.

Социально-экономические показатели наглядно демонстрируют значительную внутреннюю неоднородность. Например, для производственных предприятий Краснодарского края коэффициент вариации составляет 1,7 [106]. Социально-экономическая дифференциация регионов приводит к формирования «типовых» и «нетипичных» регионов по обеспеченности ресурсами здравоохранения. Жители субъектов Южного макрорегиона несмотря на ограниченные расходы бюджета на социальную сферу, имеют высокий уровень продолжительности жизни благодаря благоприятному климату [52]. Анализ социально-экономического положения Южного макрорегиона в разрезе субъектов федерации и административных центров показывает, что самая большая плотность населения в г. о. Симферополе и Ростове-на-Дону (таблица 3.4).

Таблица 3.4 – Социально-экономические показатели Южного макрорегиона в разрезе городского округа (г.о.) и региона в 2021 г.

Город/Регион	Численность населения, тыс. человек	Площадь территории, тыс. км ²	Плотность населения, человек на 1 км ²	Площадь жилых помещений на одного городского жителя, м ²	Среднемесячная номинальная начисленная заработка работников организаций, руб.	Число предприятий и организаций	Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	Численность незанятых граждан, состоящих на учете в службе занятости, тыс. ч.
Республика Адыгея	468,3	7,8	60,04	27,59	36001	5967	307,1	1,8
г.о. Майкоп	161,8	0,3	539,33	30,1	38470,2	2931	70,7	0,59
Республика Калмыкия	267,7	74,7	3,58	26,24	33030	3857	122	2,2
г.о. Элиста	108,1	0,2	540,5	31,8	37148,2	2304	109,4	0,52
Республика Крым	1896,4	26,1	72,66	20,6	38158	30904	742,7	10,2
г.о. Симферополь	354,2	0,11	3310,28	16,9	47429,7	12683	195,3	1,36
Астраханская область	989,4	49	20,19	25,05	42096	12525	543,4	8,7
г. Астрахань	518,7	0,2	2593,5	25,5	45697	8854	242,2	4,08
Волгоградская область	2449,8	112,9	21,7	25,86	39031	32110	796,8	7,3
г. Волгоград	1001,2	0,86	1164,19	25,7	44800,7	18899	450,1	2,26
Ростовская область	4153,8	101	41,13	27,19	39291	66538	2686,1	17,3
г. Ростов-на-Дону	1134,7	0,35	3251,29	29,8	55628,1	35833	1437,7	4,43
Краснодарский край	5687,4	75,5	75,33	28,91	43510	105233	6283,1	16,9
г. о. Краснодар	1062,6	0,8	1328,25	39,8	57588,2	45136	2 617,0	7,66
г. Севастополь	522,1	0,9	580,11	23,2	40145	11225	518	0,8
ВСЕГО	1 6434,9	447,9		204,64	268359	11999,2	65,2	

Источник: составлено автором по материалам [116]

Плотность населения и среднемесячная начисленная зарплата в административных центрах значительно выше, чем по регионам. Например, заработка плата в Симферополе на 20 % выше, чем средняя по Республике Крым, в Краснодаре на 25 % выше, чем в Краснодарском крае, в Ростове-на-Дону на 30 % выше, чем в Ростовской области. Всего численность незанятых граждан в 2021 году в Южном макрорегионе составила 65 тыс. чел, наибольший показатель был в Краснодарском крае, поскольку этот субъект федерации самый большой по площади в Южном макрорегионе. Самым экономически активным регионом является Краснодарский край, здесь начитывается 40 % всех предприятий и организаций.

Плотность населения и уровень заработной платы в административных центрах (Симферополь, Краснодар, Ростов-на-Дону) значительно выше, чем в среднем по регионам, а такие территории, как Республика Калмыкия и Астраханская область, заметно отстают по ключевым показателям. Локомотивами роста выступают Краснодарский край и Ростовская область.

Согласно данным статистики в 2022 г. в составе Волгоградской области самый высокий показатель городского населения – 78 %, а сельского – 22 %. В Краснодарском крае городского населения – 43 %, сельского – 57 % [116]. Расчеты коэффициента развитости городской агломераций, коэффициента агломеративности и других индексов показывают, что лидерами Южного макрорегиона являются Краснодарская, Ростовская и Волгоградская агломерации [7].

Концентрация населения в агломерациях формирует четкую отраслевую специализацию, где драйверы выступают катализатором бизнес-активности. В экономическом пространстве Южного макрорегиона возникают ключевые специализации:

- судостроение и водный транспорт (Севастополь, Краснодарский край, Астраханская и Ростовская области) как перспектива выхода на зарубежные рынки;

- добывающая промышленность (Севастополь, Краснодарский край, Ростовская область) с развитием перерабатывающих отраслей;
- строительный комплекс (Краснодарский край, Волгоградская и Ростовская области), стимулируемый миграцией;
- логистика и транспортный хаб, требующие расширения складских мощностей;
- медицина и финансовые услуги, нуждающиеся в стимулировании самоорганизующихся связей.

Таким образом, успешная реализация отраслевой специализации зависит от преодоления пространственной разобщенности и выстраивания эффективных кооперационных связей между территориями.

Статистические показатели свидетельствуют о том, что Южный макрорегион неоднороден по уровню экономического развития, соответственно по численности и плотности населения также показатели разнятся. В г. Элисте проживает в 10 раз меньше людей, чем в Краснодаре. Отчетливо видно, что вследствие климатических особенностей и слаборазвитой инфраструктуры отстает по экономическим показателям Республика Калмыкия (плотность населения 4 чел. на 1 кв. км., численность организаций менее 4 тыс.) и Астраханская область (плотность населения 20 чел. на 1 кв. км., численность организаций около 12 тыс.). Локомотивами роста являются Краснодарский край и Ростовская область. Однако, преодоление этой неоднородности и трансформация структурных диспропорций требуют выхода за рамки традиционных подходов к региональному развитию.

Южный макрорегион в исходном состоянии представляется как набор разрозненных элементов (Фрагментация):

- административные субъекты (Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область и др.) разделены условными границами;
- изолированные ресурсы: сельскохозяйственные угодья, портовые мощности, научные центры, производственные площадки не связаны в единую систему;

– слабые, разорванные связи, обусловленные историческими и административными барьерами.

Далее в эту фрагментированную среду внедряются драйверы развития, выступающие активными ядрами кристаллизации. В контексте Южного макрорегиона это:

1) транспортный коридор «Север-Юг» и Новороссийский хаб (как драйвер-«Архитектор»). Представляется в виде канала связности, пронизывающий макрорегион с севера на юг. Он не просто прокладывает путь для грузов, а заменяет административные границы экономически обусловленными контурами. Территории, через которые он проходит (Астрахань, Волгоград, Ростов-на-Дону), начинают восприниматься не как отдельные области, а как звенья единой международной логистической цепочки, формируя новый экономический ландшафт, притягивая к коридору логистические центры, производства и сервисы;

2) Ростовская и Краснодарская агломерации как драйверы – «Инициаторы» и «Катализаторы». Представляются как интенсивные зоны (точки кристаллизации), от которых распространяются волны связей. Эти города-ядра не просто растут сами, а активируют самоорганизующуюся деятельность на прилегающих территориях. Например, Ростов-на-Дону как научно-промышленный центр формирует кооперационные цепочки с предприятиями-смежниками в радиусе 100-200 км, трансформируя пассивные территории в активных участников единого производственного процесса. Их развитие инициирует процессы пространственной самоорганизации;

3) особые экономические зоны и промышленные кластеры как драйверы – «Двигатели». Могут представлять собой узлы новой сетевой структуры. Например, судостроительный кластер в Астрахани или портовая ОЭЗ в Тамани трансформируют разрозненные ресурсы в синергетическую систему. Они притягивают к себе не только инвестиции, но и кадры, технологии, сопутствующий бизнес, создавая вокруг себя новую, функционально интегрированную среду. Их непрерывная эволюция обеспечивает динамику всей системы.

В результате воздействия драйверов на трансформацию экономического пространства возникает новая целостная конфигурация Южного макрорегиона, где:

- старые административные границы размыты и заменены интенсивными функциональными связями (логистическими, производственными, инновационными);
- разрозненные ресурсы объединены в единую систему, где сельхозпродукция Кубанщины эффективно доставляется через порты Новороссийска, а ростовские ИТ-решения используются на предприятиях Крыма;
- территории превращены в самоорганизующиеся организмы, где города и сельские районы не конкурируют, а кооперируются, находя свою нишу в общей системе.

Схема на рисунке 3.4 демонстрирует систему управления агломерациями в условиях Южного макрорегиона. Она указывает на то, как ключевые драйверы преодолевают традиционную фрагментацию (административную, экономическую, инфраструктурную), не «сшивая» разрозненные территории механически, а выращивая новую, органичную пространственную целостность.

Применение схемы системы управления агломерациями в региональной политике возможно, как инструмент:

а) диагностики, так как схема помогает идентифицировать «белые пятна» – территории, остающиеся вне зоны влияния драйверов (например, части Республики Калмыкия), и целенаправленно подключать их через инфраструктурные ответвления или создание новых точек роста;

б) планирования, так как позволяет планировать новые проекты не изолированно, а как элементы, усиливающие сетевые связи (например, строительство новой дороги не как самоцель, а как канал для интеграции периферии в орбиту ближайшего драйвера);

в) оценки эффективности, так как успех политики развития оценивается не по росту ВРП отдельного субъекта, а по плотности и интенсивности новых функциональных связей, возникающих между ними.

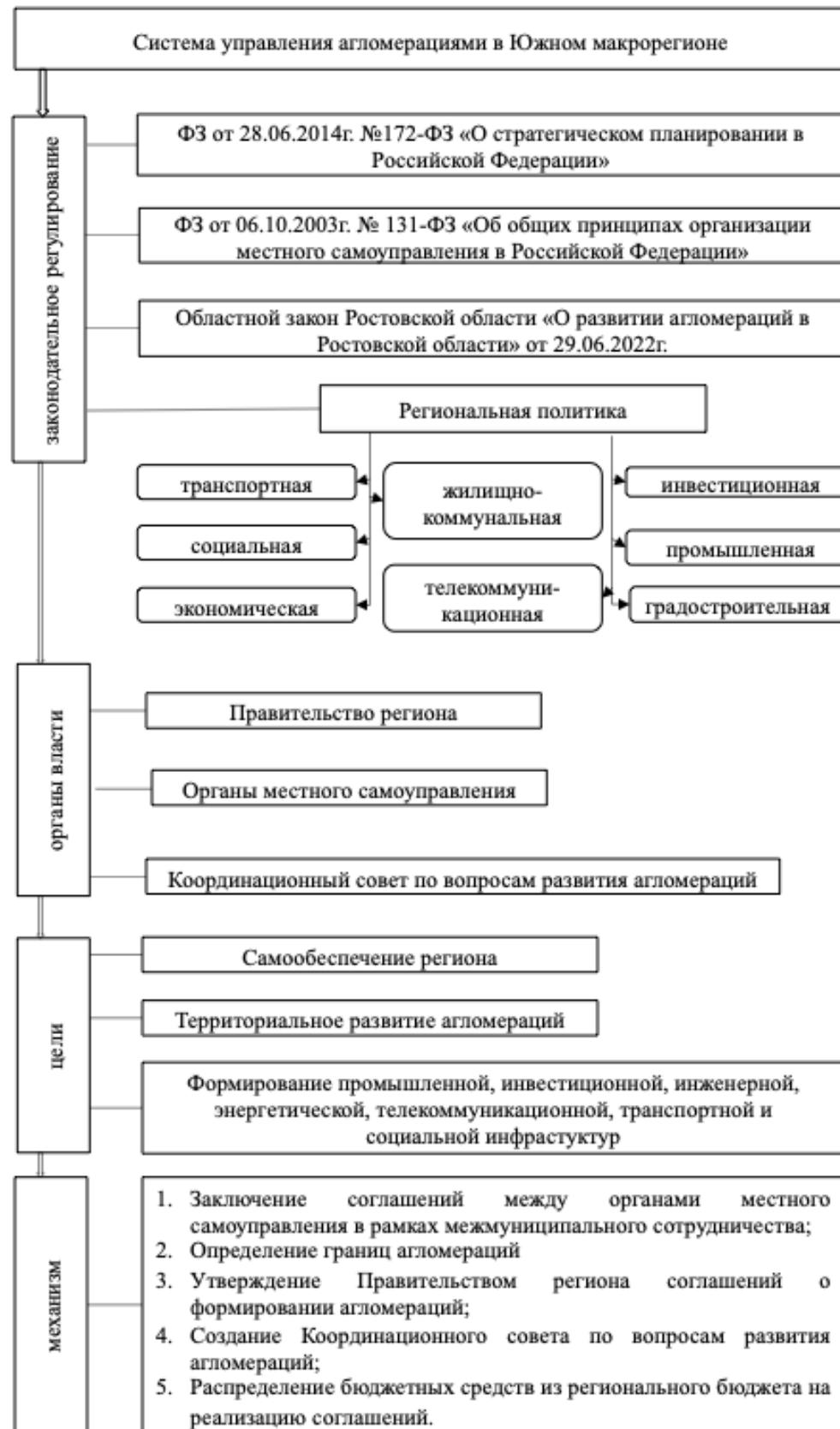

Рисунок 3.4 – Авторская схема системы управления агломерациями в Южном макрорегионе

Источник: разработано автором

Агломерации являются способом регулирования экономического развития отстающих районов, вовлекая их в общий многофункциональный хозяйственный процесс, одновременно оставаясь основой освоения пригородных территорий [68].

Таким образом, схема системы управления агломерациями в Южном макрорегионе – это не просто иллюстрация, а стратегическая карта для перехода от управления административными единицами к управлению процессами формирования единого, динамичного и конкурентоспособного экономического пространства Юга России.

Проведенный анализ драйверов Южного макрорегиона выявляет не только точки роста, но и системные ограничения, преодоление которых требует перехода от точечного регулирования к комплексному стратегическому планированию, направленному на трансформацию самой природы хозяйственных связей предприятий. Ключевыми вызовами являются территориальные диспропорции и ресурсные ловушки, которые выступают не как самостоятельные проблемы, а как явления фундаментального разрыва между сформированным потенциалом драйверов и их способностью генерировать самоорганизацию, самообеспечение, саморегулирование и самоподдерживающееся развитие целого макрорегиона, а не только отдельных субъектов Российской Федерации (таблица 3.5).

Системные вызовы как барьеры на пути синергии в Южном макрорегионе сдерживают эффективность существующих драйверов развития:

1) территориальные диспропорции и эффект «двойного фрагментирования». Развитие драйверов усугубляет контраст между «центрами» (Краснодарская и Ростовская агломерации) и «периферией» (Республика Калмыкия, сельские территории Астраханской области). Возникает новая, функциональная фрагментация между территориями,ключенными в орбиту драйверов и исключенными из нее, блокирующая формирование единого пространства;

2) ресурсные ловушки внутри успешных драйверов. Кластеры, агломерации и ОЭЗ сталкиваются с внутренними ограничениями. Обостряется конкуренция за финансирование, кадры и инфраструктуру, что тормозит

инновации и рост. Перенасыщение агломераций ведет к росту издержек и снижению их инвестиционной привлекательности.

Таблица 3.5 – Проблемы агломераций Южного макрорегиона

Тип проблемы	Сущность проблемы
Маятниковая миграция населения	Граждане не могут найти высокооплачиваемую работу по месту жительства либо отсутствует рядом школа/сад для ребенка, поэтому каждый день необходимо ездить в центр агломерации на работу или отвозить и привозить детей.
Транспортная инфраструктура	Неотъемлемой проблемой каждой агломерации вследствие перенаселения, застройки многоэтажными домами, развитие сектора частного транспорта являются транспортные заторы на дорогах внутри города-ядра и при въезде/выезде с центра.
Ограничение населения в выборе при приобретении товаров и получении услуг в отдаленных от агломераций территориях	В связи с большим спросом товаров и услуг в агломерациях, появляется широкий выбор приобретения товаров и услуг (предложение), зачастую жители небольших поселков ездят в города, чтобы совершить не только дорогостоящую покупку (автомобиль, инструменты, строительные материалы), но еду и одежду.
Недостаточное количество пригородных электричек	Неразвитость общественного пригородного транспорта создает дополнительные проблемы и затраты с целью перемещению между городом-ядром и городами -спутниками агломераций.
Низкая скорость общественного транспорта	Перемещение по городу занимает у жителей много часов каждый день, из-за большого количества светофоров и частного транспорта, а также недостатка широких и качественных дорог.
Высокая стоимость парковочных мест в агломерациях	Запрещенная парковка на дорогах города создала необходимость ввода высоких штрафов за оставление машин в местах , запрещенных для парковки либо граждане обязаны оплачивать дорогостоящее паркоместо по часам.
Ограниченнная градостроительная политика регионов	Более 60 % в Российской Федерации строительство ИЖС, около 40 %-многоэтажные дома. Из-за нехватки земельных ресурсов на территории города и ограниченном государственном финансировании транспортной и социальной инфраструктуры формируется недостаточно верная градостроительная политика, а в некоторых регионах она вообще отсутствует. В густонаселенном ядре-центре агломерации выстраивают многоэтажные жилые комплексы, где возникает множество социальных проблем (недостаток мест в школы/сады, недостаток света в квартирах, маленькая жилая площадь), что и приводит к снижению рождаемости.

Источник: разработано автором

Традиционные методы управления (отраслевое и точечное программирование) неэффективны против этих вызовов. В качестве ответа предлагается программно-сетевой механизм трансформации хозяйственных связей. Такой подход представляет собой синтез двух парадигм: программный подход обеспечивает целеполагание и создание рамочных условий через комплексную «Программу пространственного развития Южного макрорегиона». Она определяет специализацию территорий, координирует инфраструктурные проекты (ТЭС «Ударная», МТК «Север-Юг») и создает стимулы для кооперационных цепочек, пересекающих границы субъектов РФ; сетевое развитие активизирует самоорганизацию «снизу». Оно предполагает стимулирование межрегиональных технологических цепочек и развитие «умной» логистики.

Важная перспектива состоит не в создании точечных драйверов, а в их функциональной интеграции. Управление должно эволюционировать от администрирования проектами к курированию целостной программно-сетевой системы, где драйверы работают как взаимодополняющие элементы, преобразуя фрагментацию в ресурс для эволюционного рывка.

3.3 Программно-сетевой механизм трансформации ОЭЗ в активные ядра пространственной кристаллизации

Современная модель особых экономических зон (ОЭЗ) в России демонстрирует системную неэффективность, что особенно ярко проявляется на примере макрорегионов. Анализ функционирования СЭЗ в Республике Крым и г. Севастополе раскрывает фундаментальные проблемы существующего подхода. Сумма уплаченных налогов резидентами СЭЗ за 2023 год составила 40,46 млрд. руб., что эквивалентно 11 % от всего дохода этих регионов. Однако при общем

количестве около 170 тыс. предприятий, ИП и самозанятых в Крыму, лишь 1 % предприятий платит более 10 % всех налогов [87]. Детальный анализ структуры резидентов СЭЗ выявляет причину такой диспропорции. Среди ключевых бенефициаров налоговых льгот оказываются: банки РНКБ с прибылью 12 млрд. руб. в 2023 г. [19] и Генбанк – 1,4 млрд. руб. [4], сеть автозаправочных комплексов ООО «Кедр» с выручкой 26,52 млрд. руб. за 2022 г. [28], а также оптовые игроки на рынке топлива (ООО «Орион»). Сложившаяся практика предоставления налоговых льгот в СЭЗ не стимулирует производственной и инновационной деятельности. Бюджет региона недополучает средства, освобождая от налогов крупные компании, чья деятельность не соответствует целям импортозамещения и экспортной ориентации.

Требуется переход от традиционного «сглаживания дисбалансов» к механизму «кросс-региональной пересборки» пространственных структур. Этот подход предполагает приоритет функциональных связей над административными границами и признание циклической эволюции экономического пространства.

Существующая модель ОЭЗ несостоительна как инструмент фазозависимого развития и синергетической интеграции. Необходима разработка новых моделей управления, синхронизированных с эволюционным циклом макрорегиона и направленных на генерацию кооперативных связей.

В свете реализации «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года» назрела потребность в пересмотре подходов к функционированию ОЭЗ. Их следует трансформировать из инструментов точечной поддержки в драйверы пространственного развития, обеспечивающие переход от поляризации к сбалансированной полицентричности.

Разработка программно-сетевого механизма трансформации хозяйственных связей основывается на синтезе современных подходов к региональному развитию, учитывающих циклическую эволюцию экономического пространства макрорегиона. Теоретической основой предлагаемого механизма является признание парадокса Гранберга, когда максимальная фрагментация

экономического пространства при определенных условиях может стимулировать максимальную интеграцию, ведущую к новому качеству развития.

В основе предлагаемого подхода лежит переосмысление традиционных парадигм регионального развития. Как отмечается в исследованиях региональной экономики, законы регионального развития формируют пространственные закономерности, где субъектами выступают на микроуровне предприятия и домохозяйства, на мезоуровне – крупные фирмы производственной кооперации и кластеризации, а в макрорегионе – региональные экономические системы. Для экономических районов характерна оптимизация экономической деятельности в форме районирования, для регионов – комплексное развитие территорий, а для макрорегионов выявлены закономерности не только регионализации, но и фрагментации экономического пространства.

Институциональную основу регионального управления составляют институты в форме организаций, осуществляющих на федеральном уровне регулирование, контроль и планирование экономической деятельности, на региональном – формирование параметров функционирования региональных систем, на муниципальном – ввод дополнительных возможностей развития регионов. Однако, как показывает анализ государственных программ развития Республики Крым и г. Севастополя, существующие институциональные механизмы недостаточно эффективно решают проблему пространственной фрагментации.

Ядро предлагаемого механизма составляет динамическое единство трех взаимодополняющих элементов, образующих целостную систему трансформации хозяйственных связей:

- механизмы «кросс-региональной пересборки» (межрегиональные консорциумы, программы кооперационного выравнивания) создают организационный каркас для кооперации «фрагментов» экономического пространства. Они реализуются через создание динамических структур, таких как экспертные платформы кросс-регионального развития макрорегиона, программы кооперационного финансирования МАЭВ, и гибкие регуляторные платформы

(«песочницы»), временно снимающие барьеры для пилотных проектов. Основной принцип здесь – институты создаются под конкретную задачу, имеют ограниченный срок действия и систематически пересматриваются при смене фаз цикла развития макрорегиона;

- цифровые платформы выполняют функцию интеграции разрозненных «информационных островов» в единый контур данных. В рамках предлагаемого подхода предполагается создание единой цифровой платформы «Макрорегион» на базе ФГИС «Электронный бюджет» с автоматической проверкой противоречий в KPI различных государственных программ. Кроме того, важным элементом являются цифровые двойники макрорегионов для моделирования парадокса Гранберга и виртуальные промышленные полигоны для совместного проектирования цепочек добавленной стоимости;
- точки роста (ТОР/ОЭЗ) выступают катализаторами синергии через поликентрические узлы. В предлагаемой концепции ОЭЗ трансформируются из изолированных анклавов для инвесторов в «активные ядра пространственной кристаллизации», т.е. выступают ядрами развития, выполняющие три ключевые функции: как инициаторы они запускают процессы пространственной самоорганизации; как архитекторы формируют каркас функциональных связей; как катализаторы активируют коопération акторов. При этом до 70 % успеха обеспечивается самоорганизацией «снизу».

Главной целью программно-сетевого механизма является трансформация региональной фрагментации экономического пространства в синергию через управляемую «пересборку» хозяйственных связей. Это достигается за счет реализации следующих принципов:

- 1) принцип цикличной эволюции, когда механизмы пересборки активируют самоорганизацию акторов, цифровые платформы обеспечивают коллаборацию, а точки роста генерируют ресурсы для новой специализации. Как отмечается в авторской концепции, вместе они реализуют непрерывный цикл развития, адаптирующийся к меняющимся условиям;

2) принцип адаптивной резильентности, когда вместо поддержания статичного равновесия система ориентируется на способность к реконфигурации связей. Ключевые параметры оценки включают скорость перестройки связей при шоках (санкции, кризисы), уровень сетевой избыточности (дублирование критических функций) и способность генерировать новые кооперационные формы из фрагментов. Для количественной оценки используется Индекс резильентности, где значение ниже 0.4 сигнализирует о необходимости активации механизмов пересборки;

3) принцип функциональной комплементарности, когда вместо борьбы с дисбалансами используется стратегия «управляемой сборки» синергетических связей между фрагментами. Это происходит потому, что административные границы искусственно создают различия (например, в налоговых режимах или ресурсной базе), формируя условия взаимодополняемости. Ярким примером служит ситуация, когда изолированный производственный «фрагмент» в регионе А оказывается комплементарен логистическому хабу в регионе Б, создавая объективную основу для кооперации.

Таким образом, предлагаемая теоретическая основа создает фундамент для практической реализации механизмов трансформации хозяйственных связей экономического пространства макрорегиона, обеспечивая достижение национальных целей развития через механизмы «зеленой» трансформации и технологического суверенитета.

Конкретные механизмы трансформации ОЭЗ нами представляются в виде сценарно-функционального подхода. В рамках авторской концепции предлагается принципиально новая модель управления особыми экономическими зонами, основанная на сценарно-функциональном подходе, выступающем в роли «архитектора связей» (3-уровневый сценарий как инструмент фазозависимого управления, адаптированных фазам экономического цикла макрорегиона).

Главное отличие от существующей практики заключается в привязке предоставляемых льгот к функциональным KPI, а не к сумме инвестиций. Это означает, что освобождение от налогов на срок от 3 до 7 лет предоставляется

резидентам ОЭЗ только при достижении установленных целевых показателей по доле экспорта или уровню импортозамещения. При этом универсальные преференции для таких секторов, как банковский и торговые сети, отменяются, фокусируя поддержку на реальном производственном секторе. Трехуровневая система сценариев включает:

первый уровень – консервативный сценарий соответствует фазе устойчивости экономического цикла и устанавливает целевые показатели: рост импортозамещающей продукции более 5 % годовых и достижение 30 % доли экспорта в общей выручке предприятий ОЭЗ. Ежегодное увеличение заработной платы сотрудников резидентов должно составлять более 5 %, а платежей в бюджет и внебюджетные фонды – 10 %;

второй уровень – инновационный сценарий адаптирован к фазе интеграции и предполагает более амбициозные цели: рост импортозамещения более 7 % годовых и достижение 35 % экспортной доли. Заработка плата должна увеличиваться ежегодно более чем на 10 %, а бюджетные платежи – на 12 %;

третий уровень – форсированный сценарий соответствует фазе фрагментации и мобилизации ресурсов, устанавливая максимальные целевые показатели: рост импортозамещения более 10 % годовых и достижение 40 % доли экспорта. При этом заработка плата должна расти более чем на 15 % в год, а бюджетные платежи – на 15 %.

Эмпирическое обоснование эффективности данного подхода подтверждается расчетами автора, которые показывают, что внедрение предложенных сценариев приведет к значительным позитивным изменениям: доля производственных предприятий в структуре ОЭЗ вырастет с нынешних 17 % до 40-55 %, а платежи в бюджет увеличатся на 10-15 % за счет роста генерируемой добавленной стоимости.

Механизм револьверного кредитования в авторской концепции служит катализатором самоорганизации. Это кредитная линия с возобновляемым лимитом, где доступ к каждому следующему траншу обусловлен двумя требованиями: коопeração с малыми предприятиями на уровне не менее 30 % субподряда, что преодолевает изоляцию крупных резидентов ОЭЗ и создает интегрированные

производственные цепочки; вовлечение научных организаций (НИИ, вузов) в R&D проекты компаний, обеспечивая трансфер технологий и создание инновационной экосистемы вокруг ОЭЗ.

Доступ к финансированию изначально фильтруется через требование обязательной разработки детализированных бизнес-планов, которые должны фокусироваться на развитии конкретных импортозамещающих производств и их привязке к ведущим кластерам макрорегиона, таким как агропромышленный, ИТ или логистический.

Механизм револьверного кредитования реализуется через создание специализированного фонда развития ОЭЗ, который предоставляет кредиты по ставке 3-5 % годовых при выполнении установленных условий. При этом предусмотрена возможность рефинансирования ранее взятых кредитов по более высоким ставкам, что особенно актуально в условиях высокой ключевой ставки ЦБ (около 20 % в 2025 году), когда коммерческие банки выдают кредиты бизнесу под 25-30 % годовых (рисунок 3.5).

Синхронизация с циклом развития.

Механизмом обеспечения адаптивности системы управления ОЭЗ являются «Институциональные часы» – автоматический пересмотр действующего сценария развития зоны каждые 3 года, обеспечивающий адаптацию к меняющимся условиям экономического цикла макрорегиона.

Основа для пересмотра служит комплексная оценка по двум основным направлениям:

Во-первых, переход от статичных показателей вроде ВРП к динамичной оценке по принципам адаптивной резильентности (устойчивости). Основным инструментом такой оценки становится расчет индекса резильентности, который не просто диагностирует состояние, а напрямую запускает корректирующие меры при достижении критических порогов.

Во-вторых, мониторинг динамики функциональных связей, где ключевым критерием является рост числа кросс-кластерных проектов более чем на 15 % за отчетный период.

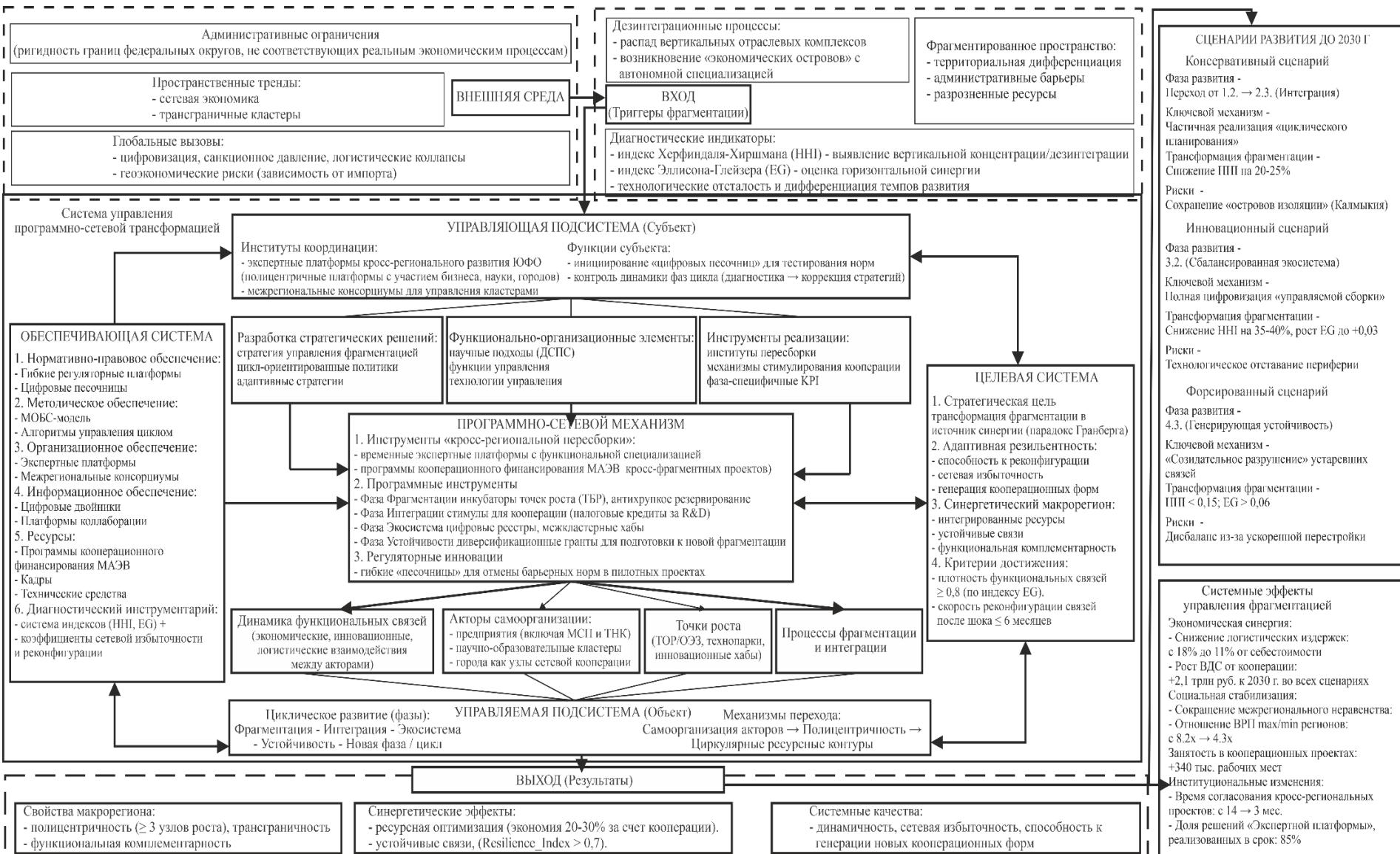

Рисунок 3.5 – Модель программно-сетевого механизма трансформации экономического пространства Южного макрорегиона на основе динамико-сетевого подхода структуризации хозяйственных связей

Источник: разработано автором

Целевые индикаторы автоматической корректировки политики ОЭЗ:

- если индекс резильентности падает ниже 0.4, система автоматически инициирует пересмотр льготной политики для резидентов для стимулирования необходимых изменений. Индекс рассчитывается на основе комплексной оценки способности экономической системы ОЭЗ к реконфигурации связей после шоков, уровня сетевой избыточности и способности генерировать новые кооперационные формы;
- если доля экспорта в выручке резидентов снижается менее 30 %, автоматически активируется программа «экспортный акселератор» при поддержке ВЭБ.РФ, направленная на восстановление внешнеторговой активности. Программа включает меры по выходу на новые рынки, участию в международных выставках и получению экспортного финансирования.

Механизм перехода между фазами развития предусматривает целенаправленную подготовку к смене экономического цикла. Например, переход из фазы Устойчивости к подготовке новой фазы Фрагментации осуществляется за счет целевого финансирования стратегической диверсификации экономики ОЭЗ и макрорегиона, что может включать поддержку агростартапов в депрессивных районах, таких как отдельные территории Калмыкии, Адыгеи или Республики Крым.

Важным элементом системы является создание «регуляторных песочниц» – специальных правовых режимов, позволяющих тестировать новые подходы к регулированию ОЭЗ в ограниченном масштабе. Это особенно актуально для кросс-региональных проектов, требующих согласования нормативных требований разных субъектов федерации.

Таким образом, предложенная система мониторинга через комплексный индекс резильентности и четкие триггеры действий создает непрерывный цикл адаптации управления ОЭЗ к меняющимся условиям, фокусируясь на ее долгосрочной устойчивости и интеграционной роли в экономическом пространстве макрорегиона.

Реализация этих механизмов позволяет трансформировать ОЭЗ из изолированных анклавов для инвесторов в «активные ядра пространственной кристаллизации», трансформирующие фрагментацию (дисбалансы, разрывы) в ресурс развития через принудительную коопérationю акторов, адаптивные институты и синхронизацию с эволюционным циклом макрорегиона.

Реализация программно-сетевого механизма трансформации хозяйственных связей требует создания современной цифровой инфраструктуры, обеспечивающей интеграцию разрозненных «информационных островов» в единое цифровое пространство макрорегиона. Основу этой инфраструктуры составляют два ключевых элемента: цифровые двойники макрорегиона и единая платформа координации.

Цифровые двойники макрорегиона представляют собой комплексные компьютерные модели, воспроизводящие основные экономические, производственные и логистические процессы на территории макрорегиона.

Разработка цифровых двойников осуществляется научными центрами (КФУ, ЮФУ, СевГУ) с использованием данных Росстата, которые публикуют открытые API для НHI/EG-индексов в режиме реального времени. Это позволяет бизнесу создавать приложения для прогнозирования оптимальных связей, например, сервис «Синергия Юга» для поиска партнеров по EG-комплементарности.

Платформа «Макрорегион» создается на базе ФГИС «Электронный бюджет» и выполняет функцию координатора межведомственного взаимодействия.

Особенностью платформы является реализация механизма «регуляторных песочниц» – специальных условий для тестирования кросс-ведомственных решений, например, упрощенных норм для агроЛогистических кластеров. Предприятия и НИИ через Экспертную платформу инициируют создание таких «песочниц», что позволяет находить оптимальные решения без изменения общего законодательства.

Совершенствование финансовой поддержки субъектов хозяйствования макрорегиона является критически важным элементом предлагаемого механизма. В условиях высокой учетной ставки ЦБ (около 20 % в 2025 году), когда

коммерческие банки выдают кредиты бизнесу под 25-30 % годовых, необходимо создание системы льготного финансирования производственных и кооперационных проектов.

Льготное финансирование может осуществляться через существующие институты развития с расширением их функционала:

Фонд развития промышленности (ФРП) предлагает займы под 3-5 % годовых при условии получения банковской гарантии, гарантии ВЭБ.РФ, Корпорации МСП или РГО [156]. Уменьшение процентных ставок по займам даст своевременной толчок увеличению денежных средств в обороте предприятий, возможности обновить материально-техническую базу и форсировать пространственное развитие макрорегиона [121]. Особенностью является привязка финансирования к кооперационным требованиям – обязательное участие в проекте предприятий из разных «фрагментов» экономического пространства.

Фонд микрофинансирования предпринимательства (ФМП) предоставляет займы под 5-10 % годовых в сумме до 500 000 без залога и 5 000 000 руб. под залог имущества [155]. При этом вводится отраслевой принцип формирования портфеля займов, основанный на данных EG-индекса.

Инновационным финансовым инструментом выступают программы кооперационного финансирования МАЭВ, источником которых являются отчисления от ОЭЗ/ТОР. Особенностью этого финансирования является его исключительная направленность на кросс-региональные проекты, соответствующие критериям $HNI \geq 0.2 + EG \leq -0.05$. Это обеспечивает поддержку именно тех инициатив, которые способствуют преодолению пространственной фрагментации.

Государственный заказ также становится активным участником формирования новых хозяйственных связей и стимулирования кооперации между предприятиями макрорегиона. В отличие от традиционного подхода, ориентированного на минимизацию цены, предлагаемая модель использует госзаказ как катализатор формирования синергетических цепочек между предприятиями из разных «фрагментов» пространства.

Приоритет инновационной продукции реализуется через целевые заказы на определенные виды продукции, особенно стратегически важные товары, такие как БПЛА (для применения в сельском хозяйстве [53]) и роботы специального назначения, что позволяет предприятиям макрорегиона занять новую нишу в высокотехнологичном производстве и заблаговременно планировать свою деятельность. Заявка на инновационные товары формируется на основе анализа импортозависимости и потенциала локализации производства в макрорегионе.

Механизм объединенных тендеров предполагает, что 30 % госзакупок ЮФО проводится через «инновационные пулы» – объединенные тендеры для консорциумов, включающих предприятия не менее, чем из 2 регионов. Это создает финансовые стимулы для преодоления «ресурсных ловушек» и формирования кросс-региональных кооперационных связей.

Предприятия самостоятельно формируют пулы на цифровой платформе «Макрорегион», предлагая типовые решения (например, БПЛА для мониторинга сельхозземель). Это позволяет малым и средним предприятиям участвовать в выполнении крупных государственных заказов, объединяя компетенции.

Структура государственного заказа включает:

- 40 % грантового финансирования исключительно для консорциумов предприятий, демонстрирующих снижение индекса локализации Эллисона-Глейзера ($\Delta EG > 0.03$);
- квотирование заказов для проектов, создающих «адаптивные зоны синергии» – территории, где 3+ предприятия из разных регионов создают замкнутый ресурсный цикл;
- приоритет закупок продукции, соответствующей критериям импортозамещения и экспортной ориентации, установленным в сценарно-функциональном подходе.

Реализация предлагаемых инструментов позволяет создать целостную систему управления пространственным развитием, где цифровая инфраструктура обеспечивает информационную прозрачность, финансовая поддержка создает экономические стимулы для кооперации, а государственный заказ формирует

гарантированный спрос на продукцию интегрированных производственных цепочек. В совокупности это обеспечивает переход от реактивного управления кризисами к проактивному формированию траекторий пространственного развития макрорегиона.

Реализация программно-сетевого механизма трансформации хозяйственных связей макрорегиона на основе ОЭЗ позволит достичь системных изменений. Прогноз основан на комплексном моделировании и анализе тенденций.

Внедрение окажет существенное влияние на структурные преобразования экономики. Согласно авторским расчетам на основе анализа СЭЗ Крыма и Севастополя, ожидаются изменения:

- доля производственных предприятий в ОЭЗ вырастет с 17 % до 40-55 %. Рост станет возможен благодаря функциональному подходу, при котором налоговые льготы предоставляются предприятиям, достигающим показателей по импортозамещению и экспортной ориентации [127]. Также для экономической безопасности региона возможно предоставление промышленной ипотеки, способствующей увеличению количества рабочих мест [78]. Это преодолеет диспропорцию, когда основные бенефициары льгот – банки и торговые сети;
- бюджетная эффективность возрастет на 10-15 % несмотря на целевые льготы производственным предприятиям. Эффект объясняется ростом добавленной стоимости и расширением налогооблагаемой базы. Даже при льготном периоде 3-7 лет, вклад предприятий в бюджет превысит текущие поступления от непроизводственных резидентов;
- формируются высокотехнологичные экспортные цепочки с добавленной стоимостью свыше 40 % в агротехнике, робототехнике и логистических решениях. Доля экспорта в выручке предприятий ОЭЗ достигнет 30-40 % благодаря механизмам револьверного кредитования и системе государственного заказа;
- повышение эффективности бизнеса будет иметь дифференцированный характер в зависимости от размера предприятий. Расчеты показывают рост результативности финансово-хозяйственной деятельности: для микро- и средних предприятий – до 6 %, средних – до 2,8 %, крупных – до 1,1 %. Такой эффект

станет возможным благодаря созданию условий для кооперации и специализации, что особенно важно для малого и среднего бизнеса.

Между тем, трансформация ОЭЗ в «активные ядра пространственной кристаллизации» окажет существенное влияние на преодоление пространственных диспропорций и формирование сбалансированной системы расселения в макрорегионе.

Интеграция депрессивных регионов (Калмыкия, Адыгея) будет осуществлена через создание институциональных «мостов» и механизмов принудительной кооперации. Квотирование 40 % грантового финансирования исключительно для консорциумов предприятий, демонстрирующих снижение индекса локализации Эллисона-Глейзера ($\Delta EG > 0.03$), позволит преодолеть изоляцию «экономических островов». На практике это будет означать поддержку кооперативов, объединяющих, например, аграриев Калмыкии с переработчиками Ростовской области или рыболовецкие хозяйства Астрахани с логистическими операторами Волгограда.

Формирование поликентричной системы расселения соответствует Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года. В Южном макрорегионе «опорные зоны» (Краснодар, Ростов-на-Дону, Волгоград) трансформируются в поликентрические узлы. Развитие Аксая как узла-интегратора в Ростовской области создаст платформу для кооперации с соседними территориями, перераспределяя экономические импульсы и снижая асимметрию.

Создание транспортно-логистического хаба будет основано на целенаправленном развитии инфраструктуры. Важное отличие – развитие транспортных коридоров с четким пониманием «какой груз, в каком объеме и какими предприятиями будет производиться и транспортироваться», что позволит избежать рисков непродуманной региональной политики, ухудшающей условия отечественного производителя.

Также реализация предложенного подхода приведет к качественным изменениям в системе управления пространственным развитием макрорегиона.

Переход от реактивного к проактивному управлению станет возможным благодаря внедрению «Институциональных часов» и системы мониторинга на основе индекса резильентности. Закладывает основы для перехода от управления кризисами к проактивному формированию траекторий пространственного развития. Механизм автоматического пересмотра сценариев развития каждые 3 года обеспечит адаптацию к меняющимся условиям, а четкие триггеры действий (при падении индекса резильентности ниже 0.4 или доли экспорта ниже 30 %) позволяют своевременно корректировать политику.

Повышение адаптивной устойчивости (резильентности) проявится в способности экономической системы макрорегиона к реконфигурации связей после шоков. Ожидается сокращение времени восстановления после шоков на 25-30 %, снижение амплитуды падения рентабельности на 15-20 % и формирование межрегиональных буферных механизмов.

Синхронизация отраслевых и территориальных программ будет достигнута через внедрение единой цифровой платформы «Макрорегион» и создание механизмов координации. Формирование самообучающейся экосистемы станет итоговым результатом реализации предложенного подхода.

В целом, реализация предложенных мер позволит трансформировать фрагментацию из системной угрозы в источник синергии, обеспечив достижение национальных целей развития через механизмы технологического суверенитета и импортозамещения. Прогнозируемый экономический эффект для макрорегиона оценивается в увеличении ВРП на 5-7 % в течение 5 лет после внедрения предложенных механизмов.

Однако, в настоящее время наблюдается системный пробел в макрорегиональном программировании – отсутствие единой государственной программы социально-экономического развития Южного федерального округа. Для устранения этого дисбаланса предлагается разработка рамочной программы «Самоорганизующийся Юг», которая должна стать основным инструментом координации пространственного развития макрорегиона.

Архитектура программы предполагает двухуровневую структуру управления. «Сверху»: Минэкономразвития РФ утверждает рамочную программу с параметрами цикличности (фазы фрагментации/интеграции) и КПИ адаптивной резильентности, включая скорость реконфигурации связей после шоков. «Снизу»: Экспертная платформа кросс-регионального развития макрорегиона с участием бизнес-ассоциаций, научно-образовательных центров и муниципалитетов ежеквартально корректирует приоритеты на основе данных ННІ/ЕГ-мониторинга.

Главные инновационные элементы программы включают:

- введение параметра «фаза цикла макрорегиона», определяемого по динамике индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННІ), в Стратегию пространственного развития РФ до 2030 г.;
- установление КПИ адаптивной резильентности, измеряемой через скорость восстановления хозяйственных связей после внешних шоков;
- установление КПИ адаптивной резильентности, измеряемой через скорость восстановления хозяйственных связей после внешних шоков;
- создание механизма «функциональных зон», где границы поддержки определяются не административными границами, а радиусом связей кластера, рассчитываемым по индексу Эллисона-Глейзера (ЕГ) (Приложение К).

Реализация программы позволит преодолеть фрагментацию экономического пространства через синхронизацию более 50 действующих государственных программ, направления которых условно разделены на социальные, оборонные, управленические, экономические, отраслевые, территориальные и региональные.

В дополнение к этому анализ государственных программ, действующих на территории Южного макрорегиона, выявил существенные межведомственные нестыковки. Например, в программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя» указана реализация 41 объекта в рамках туристско-рекреационных кластеров, тогда как в программе «Развитие туризма» говорится о создании 30 кластеров на этих же территориях. Подобные противоречия требуют системного решения

Единая цифровая платформа «Макрорегион» может создаваться на базе ФГИС «Электронный бюджет» и будет обеспечивать автоматическую проверку противоречий в КПІ различных государственных программ. Функционал платформы включает: синхронизацию показателей программ развития Крыма и Севастополя с отраслевыми программами развития туризма, транспорта и сельского хозяйства; мониторинг дублирования и противоречий в целевых показателях и методах их расчета; обеспечение прозрачности бюджетных расходов через интеграцию с системами «Электронный бюджет» и «Бюджет для граждан».

Механизм «регуляторных песочниц» позволяет тестировать кросс-ведомственные решения в ограниченном масштабе. Предприятия и научно-исследовательские институты через Экспертную платформу инициируют создание специальных правовых режимов для: апробации упрощенных норм для агрологистических кластеров, объединяющих предприятия разных субъектов Федерации; тестирования новых механизмов координации между программами развития отдельных территорий (Крым, Севастополь, новые территории) и отраслевыми программами; отработки моделей межбюджетного регулирования для кросс-региональных проектов.

Особое внимание уделяется устранению противоречий между «Стратегией социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» и Государственной программой «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя», которые существенно различаются по целям и задачам (таблица 3.6).

Исследования влияния диверсификации на экономическую эффективность предприятий Южного макрорегиона доказали преимущества специализации. В этой связи предлагается система мер по углублению специализации и стимулированию кооперации в приоритетных отраслях: машиностроение, АПК, туризм, транспорт и логистика, химическая промышленность, добыча и переработка сырья.

Таблица 3.6 – Соответствие главных целей и задач государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя»

Цели	Задачи
Устойчивый рост экономики, исключение диспропорций регионального развития, обеспечение транспортной, социальной и пр. инфраструктурой, устойчивый рост численности населения – к 2027 г. 2573,5 тыс. человек	Развитие энергетической, социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры; организация международного согласия.
Комфортная и доступная туристическая инфраструктура, прием 12150 тыс. туристов в 2027 году	Реализация туристско-рекреационного потенциала
Формирование благоприятного инвестиционного климата, привлечение инвестиций в основной капитал размером 146,97 тыс. рублей на душу населения, привлечение средств участников СЭЗ в основной капитал в размере 105,9 млн. рублей на одного участника СЭЗ к 2027 году	Применение и развитие механизма свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя.

Источник: составлено автором по материалам [30]

Поддержка кросс-региональных проектов осуществляется через создание Программы кооперационного финансирования МАЭВ, источником которого являются отчисления от ОЭЗ/TOP.

Критерии отбора проектов включают:

- обязательное участие предприятий из разных субъектов федерации ($HHI \geq 0.2$);
- демонстрацию положительной динамики индекса EG ($\Delta EG > 0.03$);
- наличие бизнес-плана, доказывающего трансформацию фрагментации в синергию.

Консорциумы предприятий самостоятельно подают заявки на конкурс «Парадокс Гранберга», представляя проекты совместного производства компонентов для сельхозтехники, создания агроЛогистических кластеров или развития туристских маршрутов, объединяющих несколько регионов.

Развитие специализации основывается на принципе «функциональных зон», где границы поддержки определяются не административными границами, а радиусом связей кластера. Бизнес-ассоциации формируют «карты

комплементарности», например, связь виноделия Крыма с туристическими кластерами Кубани, что служит основанием для определения границ функциональных зон.

Инструменты специализации включают:

- создание «адаптивных зон синергии» – территорий, где 3+ предприятия из разных регионов создают замкнутый ресурсный цикл;
- введение квот в нацпроекте «Малое и среднее предпринимательство» (40 % грантового финансирования) для консорциумов предприятий, демонстрирующих снижение индекса EG;
- разработку отраслевых программ развития с привязкой к конкретным территориям специализации.

Реализация этих рекомендаций создаст условия для усиления рациональной специализации регионов и формирования перспектив региональной кооперации предприятий для создания высокотехнологической продукции, позволяющей конкурировать на международных рынках. Синхронизация государственных программ, национальных проектов и стратегии пространственного развития на основе углубления специализации окажет положительное влияние на результативность финансово-хозяйственной деятельности предприятий всех размеров.

Предложенный программно-сетевой механизм трансформации хозяйственных связей макрорегиона на основе ОЭЗ представляет собой принципиально новую парадигму регионального развития, основанную на диалектическом единстве фрагментации и интеграции экономического пространства.

Интеграция авторского подхода в «Стратегию пространственного развития РФ до 2030 года» уточняет принципы региональной политики для Южного федерального округа. Это соответствует национальному проекту «Эффективная и конкурентная экономика», способствуя технологическому суверенитету и импортозамещению.

Реализация концепции трансформирует макрорегион в динамичную систему, где устойчивость достигается через формирование сетевой экосистемы. «Опорные зоны» становятся центрами перераспределения связности, а квоты в нацпроекте МСП – инструментом кооперации, разрушающим институциональные ловушки фрагментации.

Таким образом, интеграция программно-сетевого механизма в региональную политику переводит теорию самоорганизующихся систем в плоскость управляемых процессов, обеспечивая переход от реактивного управления кризисами к проактивному формированию траекторий пространственного развития макрорегиона.

Анализ формирования драйверов развития показывает разнообразие национальных подходов. Китай делает ставку на масштабные государственные инициативы («Один пояс – один путь», «Сделано в Китае 2025»), создание ОЭЗ и высокотехнологичных кластеров. Европейский подход базируется на концепциях «умной специализации», сплочения регионов и устойчивого развития. США акцентируют инновационные кластеры и технопарки (Кремниевая долина). Россия сочетает наследие экономического районирования с современными инструментами (ОЭЗ, индустриальные парки, геобрендинг). Главная роль драйверов сегодня – не просто стимулировать рост, а трансформировать пространственные связи, обеспечивая кросс-региональное взаимодействие в условиях фрагментированной экономики.

Анализ выявил шесть типов драйверов (государственные институты, ТНК, кластеры, инфраструктура, агломерации, финансовые институты), которые не устраняют фрагментацию, а преобразуют ее в ресурс развития. Их ключевая роль – выступать ядром формирующегося макрорегиона, выполняя функции инициатора, архитектора, катализатора и двигателя. Успех на 70 % определяется самоорганизацией акторов «снизу», а не госрегулированием. Однако драйверы порождают риски: усиливают территориальные диспропорции и создают ресурсные ловушки. Таким образом, эффективное развитие требует перехода от точечного управления драйверами к управлению сетевыми связями между ними.

Анализ выявил системную неэффективность ОЭЗ, где льготы получают не трансформационные секторы (банки, торговля), а не производство. Для трансформации ОЭЗ в «активные ядра пространственной кристаллизации» предложен программно-сетевой механизм. Его ключевые элементы: сценарно-функциональный подход, привязывающий льготы к КРІ (импортозамещение, экспорт), револьверное кредитование, требующее кооперации с МСП и наукой, и синхронизация с циклом развития макрорегиона через «Институциональные часы». Это позволит увеличить долю производственных предприятий в ОЭЗ с 17 % до 40-55 % и повысить платежи в бюджет на 10-15 %, трансформируя фрагментацию в ресурс развития.

Заключение

В проведенном исследовании были получены теоретические, научно-методические и практические результаты, формирующие перспективные механизмы развития с учетом трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона, что позволило сформулировать следующие выводы.

1. Теоретическим ядром исследования является концептуальная модель трансформации хозяйственных связей, кардинально переосмысливающая подход к развитию макрорегиона через использование региональной фрагментации экономического пространства не как проблемы, а как инструмента трансформации. Ее ценность заключается в практической реализации парадокса Гранберга, преобразующего проблемы пространства в ресурс, генерирующий сетевую синергию. Главный механизм этой трансформации смещает фокус управления со статичных административных границ на динамику функциональных связей между акторами. Модель создает основу для «управляемой сборки» новых, более устойчивых поликентрических структур и позволяет представлять Южный макрорегион как самоорганизующуюся сетевую экосистему, открывая новые возможности для управления развитием через активное использование региональной фрагментации.

2. Сформулирован динамико-сетевой подход к структуризации экономического пространства Южного макрорегиона, который лёг в основу алгоритма «управляемой сборки» и направлен на переход от борьбы с дисбалансами к их стратегическому использованию. Основу подхода составляет механизм «кросс-региональной пересборки», который целенаправленно преобразует региональную фрагментацию в ресурсообразующий фактор, выступая ключевым инструментом трансформации. Подход обеспечивает переосмысление административных и отраслевых различий как основы взаимодополняемости и формирует новую методологическую основу региональной политики,

обеспечивающую переход от деструктивной раздробленности к конструктивной самоорганизующейся системе хозяйственных связей.

3. Обоснована четырехфазная циклическая модель развития региональной фрагментации экономического пространства макрорегиона (фрагментация → интеграция → экосистема → устойчивость). Модель характеризуется трехуровневой градацией зрелости каждой фазы, а переход между ними инициируется объективными технологическими и рыночными дифференциациями. Такая структура модели позволила создать диагностический инструментарий на основе индексов (ННІ, ЕG, разработанного индекса резильентности) для точной идентификации фазового состояния экономического пространства Южного макрорегиона. В рамках модели предложен отказ от трех устоявшихся парадигм: линейного прогресса – в пользу цикличности; статичной диагностики – в пользу динамичной оценки готовности к переходу; универсальной политики – в пользу фазозависимой. Данный подход позволяет подбирать адресные меры, строго соответствующие фазе цикла, и синхронизировать управление с логикой самоорганизации хозяйственных связей.

4. Создан инструментарий диагностики устойчивости – индекс резильентности – на основе индексов ННІ и ЕG для хозяйственных связей Южного макрорегиона. Его применение позволяет перейти от констатации статического состояния экономического пространства к управлению его адаптивностью. Индекс обеспечивает мониторинг способности системы к реконфигурации связей в условиях внешних вызовов, создавая основу для своевременного принятия решений в рамках фазозависимой региональной политики. Таким образом, он выступает важным элементом, открывающим возможность для практической реализации алгоритма «управляемой сборки» хозяйственных связей и перехода к устойчивому развитию через циклическую эволюцию пространства, где фрагментация становится инструментом трансформации.

5. Выявлена новая роль драйверов развития как активных ядер пространственной кристаллизации, формирующих целостность Южного макрорегиона. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего драйверы

как изолированные «точки роста», предлагаемая концепция определяет их как интеграционные хабы, чья ключевая функция заключается в создании сети кооперационных связей между территориями и секторами. При этом успех измеряется не ростом локальных показателей, а способностью генерировать кросс-региональные синергетические эффекты, трансформируя региональную фрагментацию в инструмент развития хозяйственных связей. Данный подход требует переориентации критериев оценки с объемных параметров на показатели сетевого взаимодействия.

6. Разработан программно-сетевой механизм трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона, направленный на повышение эффективности региональной экономической политики. Механизм преодолевает важные ограничения традиционных инструментов (таких как ОЭЗ) – их статичность, изолированность и рассогласование со сложной фрагментированной структурой экономического пространства. Реализация комплекса адаптивных инструментов обеспечивает переход от точечного стимулирования к сетевому взаимодействию. На основе механизма выполнено сценарное моделирование, представленное тремя траекториями развития (консервативный, инновационный, форсированный сценарии). Разработанный механизм создает условия для активизации кросс-региональных связей, формирования новых цепочек добавленной стоимости и достижения устойчивого синергетического эффекта в масштабах всего экономического пространства макрорегиона, что является практической реализацией концепции использования региональной фрагментации как инструмента трансформации.

Перспективы дальнейшей разработки темы заключаются в развитии системы фазозависимых индексов адаптивной резильентности и их интеграции в отраслевые и региональные стратегии планирования. Особый интерес представляет внедрение практического инструмента «кросс-региональной пересборки» для других макрорегионов России, а также адаптация предложенной циклической модели к условиям цифровой трансформации, что позволит создать универсальную платформу для управления пространственным развитием.

Список использованных источников

1. Абалаков, А. Д. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа России: современный этап развития / А. Д. Абалаков, Н. С. Панкеева. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. – 2010. – Т. 3, № 2. – С. 3-18.
2. Акбердина, В. В. Резильентность экономики: факторы устойчивости к шокам / В. В. Акбердина – Текст : электронный // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : сб. тр. VII Международной научно-практической конференции: в 2-х томах (Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 года) / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Том 1. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 8-15.
3. Андреева, Е. Л. Экспорт как драйвер преодоления импортозависимости в сфере машин, оборудования и транспортных средств / Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 891-908.
4. Акционерное общество «ГЕНБАНК» : официальный сайт. – Симферополь. – URL: https://www.genbank.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 17.08.2023). – Текст : электронный.
5. Алаев, Э. Б. Социально-экономическая география : Понятийно-терминол. слов. / Э. Б. Алаев. – Москва : Мысль, 1983. –290 с.: ил. – Текст : непосредственный.
6. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Республики Адыгея». – 17 (807). – 2022. – Текст :

электронный – Режим доступа: URL: http://www.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/137651/ (дата обращения: 14.01.2023).

7. Андреева, Ю. В. Территориально-градостроительная оценка развитости крупных агломераций Юга России / Ю. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8-9. – С. 160–162.

8. Анимица, Е. Г. Производительные силы как основы формирования территориальной структуры хозяйства / Е. Г. Анимица, О. Ю. Денисова. – Текст: электронный // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2013. – № 2 (46). – С. 24–27. – URL: <https://jne.usue.ru/download/46/3.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).

9. Атлас экономической специализации регионов России / В. Л. Абашкин, Л. М. Гохберг, Я. Ю. Еферин и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2021. – 264с. – ISBN 978-5-7598-2379-7. – Текст: электронный // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. – URL: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/460933626> (дата обращения: 02.09.2024).

10. Банк России. Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. – Москва. – URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 17.08.2023). – Текст : электронный.

11. Баранов, Д. Н. Современные тенденции развития экономики городских агломераций : монография / Д. Н. Баранов. – Саратов : Вузовское образование, 2015. – 188 с. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/33855.html> (дата обращения: 06.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

12. Баранский, Н. Н. Избранные труды. Научные принципы географии / Н. Н. Баранский; [Предисл. и comment. В. А. Анучина]. – Москва : Мысль, 1980. – 239 с. – Текст : непосредственный.

13. Баранский, Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии / Н. Н. Баранский. – Москва : Мысль, 1980. – 287 с. – Текст : непосредственный.

14. Баскунчакское месторождение соли. – Текст: электронный // Евразийская соляная компания : [сайт]. – URL: <https://www.esolk.ru/mestorozhdeniya-soli/baskunchakskoe/> (дата обращения: 06.02.2024).

15. Белоусова А. В. Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве: количественные методы анализа / А. В. Белоусова. – Текст: электронный // Карельский научный журнал. – 2016. – Т. 5, № 4. – С. 45–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-integratsii-i-fragmentatsii-v-ekonomicheskem-prostranstve-kolichestvennye-metody-analiza/viewer> (дата обращения: 09.08.2023).

16. Большой экономический словарь : 25000 терминов / [авт. и сост. : А. Н. Азрилиян и др.] ; под ред. А. Н. Азрилияна. – Текст : электронный. – Москва : Институт новой экономики, 1997. – URL: <https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 09.01.2023).

17. Бородин, А. И. Региональные экономические системы и их устойчивость / А. И. Бородин, Н. Н. Киселева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 4. – С. 67-73.

18. Бухвальд, Е. М. Пространственные аспекты новой системы национальных целей развития России / Е. М. Бухвальд, И. В. Митрофанова, О. Н. Валентик. – Текст : непосредственный // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 5-15.

19. Бухгалтерская (финансовая) отчётность по РСБУ банка РНКБ. – Текст : электронный // РНКБ Банк (ПАО) : [сайт]. – URL: <https://www.rncb.ru/aktsioneram-i-investoram/rsbu/> (дата обращения: 09.10.2024).

20. Валовой региональный продукт (в постоянных ценах 2016 года) и валовая добавленная стоимость по отраслям экономики (в постоянных ценах 2016 года) субъектов Российской Федерации за 2016-2022 гг.. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL:

http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s_2016.xlsx (дата обращения: 15.01.2024).

21. Васильчиков, А. В. Теоретико-методологические подходы к оценке социально-экономической системы региона: человекоцентричный аспект / А. В. Васильчиков, Г. И. Беляева. – Текст : непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 2. – С. 87-93.

22. Ведута, Е. Н. От цифровой экономики к экономической кибернетике (киберэкономике) / Е. Н. Ведута. – EDN: QMPNIU. – Текст : электронный // Будущее экономики России: роль цифросфера. Вызовы, угрозы, решения : монография / под науч. ред. И. М. Братищева. – 2-е издание. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. 185–203. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qmpniu> (дата обращения: 09.10.2024). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

23. Ведута, Н. И. Социально эффективная экономика / Ведута Е. Н. – Москва : РЭА, 1999. – 254 с. – Текст : непосредственный.

24. Ведута, Е. Н. Экономическая наука в обосновании национальной стратегии России / Е. Н. Ведута. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2005. – № 1. – С. 80–102. – URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/12195/> (дата обращения: 03.02.2024).

25. Владиславлева, Т. Б. Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия как инструмент укрепления позиции России в современном мировом хозяйстве / Т. Б. Владиславлева. – EDN: OMQMDD. – Текст : электронный // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–18 апреля 2019 г.) / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2019. – С. 303–308. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=omqmdd> (дата обращения: 09.10.2024). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

26. Гирбасова, Е. М. Особенности современного этапа развития системы национальных счетов в России / Е. М. Гирбасова. – Текст : электронный //

Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – № 2(2). – С. 12–22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennoego-etapa-razvitiya-sistemy-natsionalnyh-schetov-v-rossii/viewer> (дата обращения: 09.10.2024).

27. Гладкий, Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы / Ю. Н. Гладкий ; Ассоц. Юридический центр. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. – 844 с. : ил. – ISBN 5-94201-498-1. – Текст : непосредственный.

28. Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. – Текст : электронный // ФНС России : [сайт]. – URL: <https://bo.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).

29. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» : утверждена постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – 31.05.2019. – URL: <http://government.ru/docs/all/122219/> (дата обращения: 17.08.2023).

30. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя» : утверждена постановлением Правительства РФ от 30 января 2019 г. № 63 . – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – 04.02.2019. – URL: <http://static.government.ru/media/files/hL7WAqlAI9CNtXpmHRHqAEipclP4pW20.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

31. Государство проспонсирует поиски нефти и газа в Астраханской области. – Текст : электронный // Информационное агентство «Блокнот. Астрахань» : [сайт]. – 20.03.2024. – URL: <https://bloknot-astrakhan.ru/news/gosudarstvo-prosponsiruet-poiski-nefti-i-gaza-v-as-1713291> (дата обращения: 09.10.2024).

32. Гранберг, А. Г. Регионы в экономическом пространстве России / А. Г. Гранберг. – Текст : непосредственный // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 1999. – № 2. – С. 4-12.

33. Гранберг, А. Г. Экономическое пространство России / А. Г. Гранберг. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2006. – № 2(23). – С. 11-15
34. Деловое медиа «Эксперт Юг» : рейтинги : [сайт]. – URL: <https://expertsouth.ru/ratings> (дата обращения: 18.08.2023). – Текст : электронный.
35. Демьяненко, А. Н. Об экономическом районировании и районаообразовании / А. Н. Демьяненко. – Текст : электронный // Регионолистика. – 2018. – Т. 5, № 6. – С. 5–17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ekonomicheskem-rayonirovaniyu-i-rayonoobrazovanii/viewer> (дата обращения: 18.08.2023).
36. Дохолян, С. В. Региональное развитие и конкурентоспособность региона: теоретические аспекты / С. В. Дохолян, А. М. Садыкова. – Текст : электронный // Вопросы структуризации экономики. – 2008. – № 3-2. – С. 7–12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-razvitiye-i-konkurentosposobnost-regiona-teoreticheskie-aspekty/viewer> (дата обращения: 18.08.2023).
37. Дубянский, А. Н. Развитие теории размещения и ее применение в градостроительной политике / А. Н. Дубянский. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2011. – № 8(70). – С. 17–20.
38. Животовская, И. Г. Инновационная политика США в XXI в.: региональные инновационные кластеры как инструмент экономического развития / И. Г. Животовская. – Текст : электронный // Инновационная политика и региональное развитие в современном мире : сб озоров и рефератов / отв. ред. и сост. И. Г. Животовская , Т. В. Черноморова. – Москва : Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. глобал. probl., 2011. – С. 10–41. – (Сер. Социальные и экономические аспекты глобализации). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-politika-ssha-v-xxi-v-regionalnye-innovatsionnye-klastery-kak-instrument-ekonomicheskogo-razvitiya/viewer> (дата обращения: 21.01.2024).
39. Захаров, С. Е. К вопросу концепций туристского брендирования малых городов (на примере города Гвардейск Калининградской области) / С. Е. Захаров,

Е. Г. Кропинова. – DOI: 10.5281/zenodo.7425716. – Текст : электронный // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 137–148. – URL: <https://stcc.rgutspubl.org/index.php/1/article/view/48/49> (дата обращения: 28.01.2024).

40. Зобова, Л. Л. Кузбасская конурбация как пример пространственной структуры городской агломерации / Л. Л. Зобова, В. А. Шабашев. – Текст : электронный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1(61), Т. 4. – С. 209–212. – URL: <https://www.sibscript.ru/jour/article/viewFile/997/991> (дата обращения: 11.02.2024).

41. Зюзин, А. В. Локализация и диверсификация российской экономики: региональный и отраслевые особенности / А. В. Зюзин, О. А. Демидова, Т. Г. Долгопятова DOI: 10.14530/se.2020.2.039-069. – Текст : электронный // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 39–69. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/09/14/1680205466/Зюзин_статья%201.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

42. Иванова, Л. Н. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий / Л. Н. Иванова, Г. А. Терская. – Текст : непосредственный // Журнал институциональных исследований. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 120–133.

43. Игнатов, С. Обзор электроэнергетики Южного федерального округа / С. Игнатов. – Текст : электронный // Рынок электротехники : отраслевой электротехнический портал. – 28.09.2022. – URL: <https://marketelectro.ru/node/obzor-elektroenergetiki-yuzhnogo-federalnogo-okruga-re67> (дата обращения: 21.01.2024).

44. Игонина, Л. Л. Формирование макрорегиональных хозяйственных комплексов в российской экономике / Л. Л. Игонина. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 9. – С. 99–103.

45. Ижу, Л. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая / Л. Ижу, Е. Ф. Авдокушин. – DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76. – Текст : электронный // Мир новой

экономики, 2019. – Т. 13, № 1. – С. 67–76. – URL: <https://wne.fa.ru/jour/article/view/247/237> (дата обращения: 21.01.2024).

46. К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга : Ученый, Учитель, Человек / Российской акад. наук, Сибирское отд-ние, Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва Сибирского отд-ния Российской акад. наук ; под ред. В. И. Суслова, С. А. Суспицына. – Новосибирск : ИЭОПП, 2016. – 323 с. : ил. – ISBN 978-5-89665-306-6. – Текст : непосредственный.

47. Казанцев, А. К. Региональные транспортно-логистические комплексы России: оценка и сравнительный анализ в контексте социально-экономического развития регионов / А. К. Казанцев, Е. Г. Серова. – Текст : электронный // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – Вып.14, ч. 2. – С. 826–834. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/306263523> (дата обращения: 15.02.2024).

48. Кизиль, Е. В. Программно-целевой подход в стратегическом планировании региональных социально-экономических систем / Е. В. Кизиль. – DOI 10.17084/20764359-2021-52-111. – EDN: YQSUDC. – Текст : электронный // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2021. – № 4(52). – С. 111–114. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46324619> (дата обращения: 20.03.2025). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

49. Кирильчук, С. П. Теоретико-методологическая основа инновационно-инвестиционной направленности развития потенциала региона / С. П. Кирильчук, О. В. Колодяжная. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2023. – № 11(107). – С. 118-129. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60030146> – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 15.06.2024).

50. Климанов, В. В. Государственные программы развития макрорегионов России: Подходы к анализу. Монография / Под ред. В. В. Климанова. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 194 с.
51. Кожиева, Ф. А. Региональное развитие в контексте теории полюсов роста / Ф. А. Кожиева. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11-3. – С. 574–578.
52. Козлова, О. А. Оценка взаимосвязи ресурсообеспеченности здравоохранения и продолжительности жизни населения: региональный аспект / О. А. Козлова, Е. А. Трушкова, М. Н. Макарова. – Текст : электронный // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3(107). – С. 116-127. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42915459> – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 14.07.2022).
53. Козлова, О. А. Синергия подходов к техническому обеспечению в сельском хозяйстве / О. А. Козлова, А. Н. Ерошевич. – Текст : электронный // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 11. – С. 862-867. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=61598574> – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 21.07.2024).
54. Колсовский, Н. Н. Избранные труды / Н. Н. Колсовский ; [редкол.: Казанский Н. Н. и др.]. – Смоленск : Ойкумена, 2006. – 334 с. – ISBN 5-93520-015-5. – Текст : непосредственный.
55. Колсовский, Н. Н. К вопросу об экономическом районировании / Н. Н. Колсовский. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2009. – № 1. – С. 102–123.
56. Компания «Интеграция нефтесервис» : сайт. – Москва. – URL: <https://petro-group.ru/> (дата обращения: 20.03.2025). – Текст : электронный.
57. Компания «Магнит» : сайт. – URL: <https://www.magnit.com/ru/about-company/about-magnit/> (дата обращения: 20.03.2025). – Текст : электронный.
58. Компания «HeadHunter» : сайт. – URL <https://rostov.hh.ru/search/> (дата обращения: 20.09.2024). – Текст : электронный.

59. Котов, А. В. Концепция региональной «умной специализации»: опыт Германии : монография / А. В. Котов. – Москва : Ин-т Европы РАН, 2022. – 152 с. – (Доклады Института Европы № 392). – ISBN 978-5-98163-189-4. – Текст : непосредственный.
60. Краснодарский край вошел в число лидеров по качеству регуляторной политики. – Текст : электронный // Инвестиционный портал Краснодарского края. Новости : [сайт]. – 27.12.2024. – URL: <https://investkuban.ru/articles/news/krasnodarskiy-krai-voshel-v-chislo-liderov-po-kachestvu-regulyatornoy-politiki/> (дата обращения: 21.01.2024).
61. Кржижановский, Г. М. К 35-летию плана ГОЭЛРО / Г. М. Кржижановский. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 3(67). – С. 199–202.
62. Кузнецов, А. Л. Транспортный узел: к вопросу об организации деятельности / А. Л. Кузнецов, Я. Я. Эглит, А. В. Кириченко. – Текст : непосредственный // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2013. – №1. – С. 30–33.
63. Куликова, К. А. Внешняя трудовая миграция на территориях опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока: правовое регулирование, проблемы и пути решения / К. А. Куликова. – Текст : электронный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – №2. – С. 85–89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-trudovaya-migratsiya-na-territoriyah-operezhayuscheogo-sotsialno-ekonomiceskogo-razvitiya-dalnego-vostoka-pravovoe/viewer> (дата обращения: 14.07.2024).
64. Кулькова, В. Ю. Направления развития региональных теорий в контексте исследования различий социально-экономического развития территории / В. Ю. Кулькова. – Текст : непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2006. – № 11. – С. 61–72.
65. Лаврикова, Ю. Г. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1. – Текст : электронный //

Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 4. – С. 1017–1030. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/98159/1/2020_4_003.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

66. Лапаева, М. Г. Теоретические основы формирования региональных рынков / М. Г. Лапаева , А. А. Гущина. – Текст : электронный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 9. – С. 51–54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-formirovaniya-regionalnyh-rynkov/viewer> (дата обращения: 17.08.2023).

67. Лапо, В. Ф. Конкуренция регионов за инвестиции в проекты по освоению лесов / В. Ф. Лапо. – DOI: 10.14530/se.2014.2.075-092. – Текст : электронный // Пространственная экономика. – 2014. – № 2. – С. 75–92. – URL: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/2_2014/SE.2014.2.075-092.Lapo.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

68. Лаппо, Г. М. Города на пути в будущее / Г. М. Лапо. – Москва : Мысль, 1987. – 237 с. – Текст : непосредственный.

69. Лейзерович, Е. Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России / Е. Е. Лейзерович. – Текст : непосредственный // Региональные исследования. – 2014. – № 3(45). – С. 4–11.

70. Лексин, В. Н. Территориальная фрагментация единого правового пространства России / В. Н. Лексин, Б. Н. Порфириев. – Текст : непосредственный // Федерализм. – 2018. – № 1(89). – С. 173–190.

71. Манаева, И. В. Город: анализ категориального аппарата / И. В. Манаева. – Текст : непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 2(473). – С. 208-221.

72. Манаева, И. В. Распределение городов в федеральных округах России: тестирование закона Ципфа / И. В. Манаева. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 84-98.

73. Менделеев, Д. И. Заветные мысли Дмитрия Менделеева / Д. И. Менделеев. – Санкт-Петербург: типо-лит. М.П. Фроловой, 1903-1905. – 428 с. – Текст : непосредственный.

74. Минакир, П. А. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко, О. М. Прокапало, А. П. Горюнов. – Текст : непосредственный // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 4(47). – С. 43–54.
75. Министерство сельского хозяйства РФ : официальный сайт. – URL: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 17.08.2023). – Текст : электронный.
76. Миргородская, Е. О. Конкурентоспособность российских фирм: адекватность ее удержания / Е. О. Миргородская, Л. С. Медведева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 61-70.
77. Митрофанова, И. В. Проблемы и перспективы развития циркулярной экономики на основе повторного водопользования в регионах Южного федерального округа РФ / И. В. Митрофанова, О. А. Чернова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 4(170). – С. 55-61.
78. Митрофанова, И. В. Трансформация политики южнороссийских регионов в условиях внешних шоков / И. В. Митрофанова, О. А. Чернова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 197-209.
79. Морозова, Г. А. Особенности развития промышленности в регионе в современных условиях / Г. А. Морозова, Д. А. Корнилов, Н. Ф. Поляков. – Текст : электронный // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2012. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiye-promyshlennosti-v-regione-v-sovremennyh-usloviyah/viewer> (дата обращения: 30.01.2024).
80. Морозова, Е. Б. Промышленный узел – белорусское know-how 1960-х годов / Е. Б. Морозова. – Текст : электронный // Техническое нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. – 2012. – № 1, Ч. 1. – С. 93–95. –

URI: <https://rep.bntu.by/handle/data/2591> (дата обращения: 21.01.2024). перенесено с №71

81. Наумов, И. В. Моделирование пространственного развития территорий / И. В. Наумов, Н. Л. Никулина, Д. В. Сиротин, О. П. Смирнова, Л. М. Аверина, А. З. Барыбина, А. А. Бычкова, И. В. Иванов, С. С. Красных, А. О. Пономарева, В. М. Седельников; Российская академия наук, Уральское отделение, Институт экономики. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. – 243 с. – Текст : непосредственный.

82. Национальная система маркировки Честный знак : сайт. – Москва. – URL: <https://честныизнак.рф/> (дата обращения: 21.01.2024). – Текст : электронный.

83. Невьянцева, Л. С. Концепции межрегиональных экономических взаимодействий и полюсов роста в формировании механизма реализации региональной инвестиционной политики: теоретические основания / Л. С. Невьянцева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. – № 2. – С. 293–304.

84. Некрасов, Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы / Н. Н. Некрасов. – 2-е изд. – Москва : Экономика, 1978. – 343 с. – Текст : непосредственный.

85. Никитина, М. Г. Дифференциация хозяйственной деятельности Южного макрорегиона в условиях фрагментации экономического пространства макрорегиона / М. Г. Никитина, М. А. Солдатов, О. И. Ровенчак // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2025. – Т. 22, № 5. – С. 100-119

86. Никитина, М. Г. Евразийский регионализм: идея и реальность / М. Г. Никитина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 151-157.

87. Никитина, М. Г. К вопросу об эффективности функционирования СЭЗ в Республике Крым и г. Севастополе / М. Г. Никитина, О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации,

культура и вызовы современности : Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.) – Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. – С. 223-225.

88. Никитина, М. Г. Особенности агломерационной политики Южного макрорегиона / М. Г. Никитина, О. И. Ровенчак. – Текст : электронный // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях : материалы XV Всероссийской науч.-практ. конф., (Симферополь, 17 мая 2023 г.) / отв. ред. М. Г. Никитина. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. – С. 211–214. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54294477&pff=1> – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 06.02.2024).

89. Никитина, М. Г. Терминирование и классификация макрорегионов / М. Г. Никитина, О. И. Ровенчак. – Текст : электронный // Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве : материалы науч.-практ. конф. (Симферополь, 25 ноября 2022 г.) / ред. М. Г. Никитина [и др.]. – Симферополь: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2022. – С. 296–298. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=otrqqb> – Режим доступа : для авторизир. пользователей (дата обращения: 06.02.2024).

90. Никитина, М. Г. Приоритетные задачи региональной экономической политики Южного макрорегиона и инструменты их реализации / М. Г. Никитина, О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 1(89). – С. 151-155.

91. Никитина, М. Г. Локализация крупных предприятий как инструмент трансформации Южного макрорегиона / М. Г. Никитина, М. А. Солдатов, О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 74-80.

92. Новиков, А. И. Актуальные вопросы земельной собственности в России / А. И. Новиков, Е. А. Андрекус, А. А. Сабурова. – Текст : непосредственный // Теоретическая экономика. – 2012. – № 6(12). – С. 80–92.
93. Новости в России и мире – ТАСС : сайт. – Москва. – URL: <https://tass.ru/>(дата обращения: 15.02.2024). – Текст : электронный.
94. Носонов, А. М. Теории пространственного развития в социально-экономической географии / А. М. Носонов. – Текст : непосредственный // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 11. – С. 3–16.
95. Носонов, А. М. Теория диффузии инноваций и инновационное развитие регионов России / А. М. Носонов. – Текст : непосредственный // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 23. – С. 3–16.
96. О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» : Постановление Правительства РФ от 13 мая 2021 г. № 729 – Текст : электронный // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. – 13.05.2021. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2300201812260013> (дата обращения: 20.03.2023).
97. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ : принят Государственной Думой 20 июня 2014 г. : одобрен Светом Федерации 25 июня 2014 г. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 21.07.2024).
98. О территориях опережающего развития в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ : принят Государственной Думой 23 декабря 2014 г. : одобрен Светом Федерации 25 декабря 2014 г. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения: 21.07.2024).
99. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ : принят Государственной Думой 26 июня 2002 г. : одобрен Светом Федерации 10 июля 2002 г. – Текст : электронный //

Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18935> (дата обращения: 21.07.2024).

100. Об особых экономических зонах в Российской Федерации : Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ : принят Государственной Думой 8 июля 2005 г. : одобрен Светом Федерации 13 июля 2005 г. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22673> (дата обращения: 21.07.2024).

101. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред.2) : утвержден приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст. – Текст : электронный // Консультант Плюс : справочная правовая система : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 28.01.2024).

102. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 – Текст : электронный // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» : [сайт]. – 16.01.2017. – URL: <https://base.garant.ru/71587690/> (дата обращения: 10.02.2023).

103. Официальный сайт администрации и городской Думы муниципального образования город-героя Новороссийска. – URL: <https://admnrsk.ru/> (дата обращения: 28.01.2024). – Текст : электронный.

104. Очур, Ю. С. Территориально-производственные комплексы: история и развитие / Ю. С. Очур. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2011. – Т. 1, № 11. – С. 142–144.

105. Патракеева, О. Ю. Инфраструктурные ограничения комплексной модернизации и определение путей формирования экономического пространства Южного макрорегиона / О. Ю. Патракеева, И. В. Митрофанова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 57-67.

106. Патракеева, О. Ю. Оценка значимых факторов экономического развития муниципальных образований региона: пространственный анализ (на

примере Ростовской области и Краснодарского края) / О. Ю. Патракеева, И. В. Митрофанова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 12(200). – С. 203-212.

107. Портал РЖД : сайт. – URL: <https://cargo.rzd.ru/ru/9789> (дата обращения: 28.01.2024). – Текст : электронный.

108. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / Ф. Перру. – Текст : непосредственный // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – С. 77–93.

109. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке: пер. с франц. / Т. Пикетти. – 2-е изд. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 592 с. – Текст : непосредственный.

110. Портер, М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран / М. Портер. – Москва : Альпина Паблишер, 2016. – 947 с. – ISBN 978-5-9614-4835-1. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/87869> (дата обращения: 11.04.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

111. Промышленность Волгоградской области. – Текст : электронный // Инвестиционный портал Волгоградской области : [сайт]. – URL: <https://investvolga.volgograd.ru/gos-support/promyshlennaya-deyatelnost/> (дата обращения: 21.01.2024).

112. Пьянкова, С. Г. Геобрендинг как драйвер развития региона в условиях нестабильности / С. Г. Пьянкова, И. В. Митрофанова, О. Т. Ергунова. – DOI:10.52575/2687-0932-2022-49-4-645-660. – Текст : электронный // Экономика. Информатика. – 2022. – Т. 49, № 4. – С. 645–660. – URL: <https://econom-inform-journal.ru/index.php/journal/article/view/233/240> (дата обращения: 21.01.2024).

113. Развитие территориальных кластеров: институциональный подход : монография / Н. Н. Киселева, И. В. Митрофанова, Д. А. Шейкин, Н. Г. Глазкова. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 122 с. : табл., ил. – ISBN 978-5-4499-2034-8. – DOI 10.23681/614081. – Текст : электронный // Университетская библиотека ONLINE : электронная библиотечная система. – URL: <https://biblioclub.ru/>

index.php?page=book&id=614081 (дата обращения: 15.04.2025). – Режим доступа: по подписке.

114. Разумова, Ю. В. Промышленные кластеры и полюса экономического роста: сравнительный анализ теорий / Ю. В. Разумова, Д. В. Ширяков. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 20 (258). – С. 242–244.

115. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии : монография / А. В. Кузнецов, О. В. Кузнецова, К. В. Слесарева [и др.]. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 2015. – 137 с. – ISBN: 978-5-9535-0427-0. – Текст : непосредственный.

116. Регионы России. Социально-экономические показатели – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL:<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10.04.2025).

117. Реутов, В. Е. К вопросу об устойчивости развития территориально-пространственного образования / В. Е. Реутов, Н. З. Вельгош – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 81-87.

118. Ровенчак О.И. Инновации как фактор развития Южного макрорегиона в условиях санкционной войны / О. И. Ровенчак. – Текст : электронный // Инновационные тенденции развития современной экономики предприятий и организаций: сб. тр. I Международной науч.-практ. конф. (Симферополь, 11 ноября 2024 г.) / науч. ред. С. П. Кирильчук. – Электрон. дан. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2024. – 950 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=79448610>. – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 20.02.2025).

119. Ровенчак, О. И. Макрорегионы в контексте пространственного развития Российской Федерации / О. И. Ровенчак, Д. Б. Мираньков. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 77–89.

120. Ровенчак, О. И. Научные взгляды на процесс фрагментации экономического пространства и методы его исследования / О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2025. – № 3.
121. Ровенчак, О. И. Проблемы и перспективы развития малого бизнеса в Южном макрорегионе / О. И. Ровенчак. – Текст : электронный // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях : сб. тр. XVII Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 10 апреля 2025 года). – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. – С. 63. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82446678>. – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 15.09.2025).
122. Ровенчак, О. И. Программно-стратегический подход к структурированию экономического пространства региона в условиях трансформации хозяйственных связей / О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Экономика и управление: теория и практика. – 2025. – Т.11. – № 2. – С. 47-53.
123. Ровенчак, О. И. Роль агломерационного каркаса в инфраструктуре Южного макрорегиона / О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 97–110.
124. Ровенчак, О. И. Сбалансированность территориальной организации экономики ДНР как элемент системы социально-экономической безопасности РФ / О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы интеграции Донецкой Народной Республики в экономико-правовое пространство Российской Федерации: Сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции (23 мая 2025 г. ФГБОУ ВО «МГУ имени А.И. Куинджи») – Мариуполь, 2025. – С. 179-184.
125. Ровенчак, О. И. Социальная политика государства как главный фактор сбалансированного формирования агломераций Южного макрорегиона / О. И. Ровенчак. – Текст : непосредственный // Организационно-экономические

проблемы регионального развития в современных условиях : материалы XV всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 17 мая 2023 г.) – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. – С. 255-256.

126. Ровенчак, О. И. Специальные правовые режимы осуществления хозяйственной деятельности в Южном макрорегионе / О. И. Ровенчак. – Текст : электронный // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях : сб. тр. XVI Всероссийской науч.-практ. конф. (Симферополь, 12 апреля 2024 года) / отв. ред. М. Г. Никитина. – Симферополь : Ариал, 2024. – С. 170–172. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68497683&pff=1> – Режим доступа: для авторизир. пользователей (дата обращения: 21.12.2024).

127. Ровенчак, О. И. Экспортный потенциал Южного макрорегиона: приоритеты и тренды развития / О. И. Ровенчак . – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 81-88.

128. Как провести анализ бухгалтерской отчетности. – Текст : электронный // БСС «Система Главбух»: – URL: <https://1gl.ru/#/document/16/134058/dfas94e7d2/?of=copy-3c432479f8> (дата обращения: 15.12.2024).

129. Саушкин, Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика: монография / Ю. Г. Саушкин – Москва : Мысль, 1973. - 559 с. – Текст : непосредственный.

130. Семенов-Тян-Шанский, В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами / В. П. Семенов-Тян-Шанский. – Санкт-Петербург : Лань, 2014. – 215 с. – ISBN 978-5-507-40862-7.– Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/52706> (дата обращения: 05.10.2023). – Режим доступа : для авториз. пользователей.

131. Сервис проверки контрагентов. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: <https://www.list-org.com/> (дата обращения: 12.09.2024).

132. Симонов, А. Н. Обзор концепций региональных рынков / А. Н. Симонов – Текст : электронный // Известия ОГАУ. – 2015. – №5 (55). – С. 247-250. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-kontseptsiy-regionalnyh-rynkov> (дата обращения: 17.08.2023) -
133. Система национальных счетов. – Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (дата обращения: 04.04.2025).
134. Смерницакая, Е. В. Оптимизация механизма стратегического управления земельными ресурсами в регионе / Е. В. Смерницакая. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 142-148.
135. Смерницакая, Е. В. Практика реализации проектов инициативного бюджетирования в Республике Крым / Е. В. Смерницакая, В. В. Кудревич. – Текст : непосредственный // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2024. – № 2(67). – С. 107-117.
136. Статистика компаний РФ. Краснодарский край . – Текст : электронный // Информационный ресурс «СПАРК» : сетевое издание / учредитель АО «Информационное агентство Интерфакс» ; гл. ред. В. В. Герасимов. – URL: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/03000000000> (дата обращения: 15.08.2023).
137. Совершаева, Л. П. СЗФО как территория макрорегиона / Л. П. Совершаева . – DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-129-138. – Текст : электронный // Региональная экономика и развитие территорий : сб. науч. ст. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [и др.] ; под ред. Л. П. Совершаевой. – Санкт-Петербург : ГУАП. – Т. 1(15), 2021. – С. 129 – 138. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47396622> (дата обращения: 06.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.
138. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 . –

Текст : электронный // Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.01.2024).

139. Стратегия модернизации экономики России : теория, политика, практика реализации / под ред. О. В. Иншакова, Г. Б. Клейнера, В. В. Сорокожердьева. – Москва : Современная экономика и право, 2011. – 363 с. : ил. – ISBN 978-5-8411-0281-6. – Текст : непосредственный.

140. Строев, П. В. Концептуальные аспекты повышения межрегиональной связанности экономического пространства России / П. В. Строев. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 3(83). – С. 152–157.

141. Студжиницки, Т. Появление и развитие инструмента европейского территориального сотрудничества / Т. Студжиницки, И. С. Гуменюк. – Текст : непосредственный // Псковский регионалогический журнал. – 2019. – № 1(37). – С. 3–18.

142. Суворова, А. В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов / А. В. Суворова. – Текст : непосредственный // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 629–642.

143. Сухарев, О. С. Элементы теории саморазвития экономических систем : институты, агенты, секторы, регионы : монография / О. С. Сухарев. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 360 с. – ISBN 978-5-396-00889-2. – Текст : непосредственный.

144. Сухарев, О. С. Анализ развития региональных систем: теоретические подходы и практические рекомендации / О. С. Сухарев. – Текст : непосредственный // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 23(230). – С. 2–9.

145. Сухоборов, А. А. Высшая школа как драйвер экономического развития / А. А. Сухоборов, М. Г. Никитина, Д. Б. Мираньков. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2017. – Т. 3, №1. – С. 85–91.

146. Татаркин, А. И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов / А. И. Татаркин. – Текст :

непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3. – С. 28–36.

147. Татаркин, А. И. Рыночная модель управления пространственным развитием Российской Федерации / А. И. Татаркин. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 55 - 75.

148. Толстогузов, О. В. Программно-целевой подход в управлении развитием региональной экономики / О. В. Толстогузов. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2009. – № 1 S4. – С. 35–38.

149. Транспорт России. Южный федеральный округ. – Текст : электронный // Министерство транспорта Российской Федерации : [сайт]. – URL : https://mintrans.gov.ru/transport_of_russian/2 (дата обращения: 15.08.2023).

150. Тюнен, И. Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике : пер. с нем. Т. 1. / И. Г. Тюнен. – Москва : Экономическая жизнь, 1926. – 219 с.

151. Усенко, Л. Н. Создание агломераций как фактор социально-экономического инклюзивного развития экономики сельских территорий / Л. Н. Усенко. – Текст : непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 216, № 2. – С. 350–362.

152. Файзуллин, Ф. С. Институциональный подход как метод исследования региона / Ф. С. Файзуллин, Т. Ф. Файзуллин. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 28–33.

153. Фасенко, Т. Е. Инновационное развитие региональных экономических систем : монография / Т. Е. Фасенко, О. М. Князева, Н. М. Сурай ; под редакцией Т. Е. Фасенко. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2014. – 146 с. – ISBN 978-5-905916-05-2. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/27151.html> (дата обращения: 09.01.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

154. Фейгин, Я. Г. Размещение производительных сил СССР / Я. Г. Фейгин; Акад. наук СССР, Ин-т экономики. – Москва : Политиздат, 1941. – 136 с. – Текст : непосредственный.
155. Фонд микрофинансирования предпринимательства Республики Крым статистики – Текст : электронный. – Режим доступа: URL: <https://mikrofinrk.ru/loans> (дата обращения: 02.04.2025).
156. Фонд развития промышленности – Текст : электронный. – Режим доступа: URL: <https://frprf.ru/zaymy> (дата обращения: 02.04.2025).
157. Фролов, Д. П. Теоретические основы устойчивого пространственного развития регионов Южного федерального округа / Д. П. Фролов, В. С. Трубина, Р. С. Мирзоев. – Текст : электронный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – Т. 6, № 31(88). – С. 27–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-ustoychivogo-prostranstvennogo-razvitiya-regionov-yuzhnogo-federalnogo-okruga/viewer> (дата обращения: 09.01.2025).
158. Хасанов, И. Ш. Трансакционно-секторная методология исследования структуры региональной экономики России: топливно-энергетические, трудовые и финансовые ресурсы Республики Татарстан / И. Ш. Хасанов. – Текст : электронный // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16, вып. 24. – С. 233–239. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transaktsionno-sektornaya-metodologiya-issledovaniya-struktury-regionalnoy-ekonomiki-rossii-toplivno-energeticheskie-trudovye-i/viewer> (дата обращения: 16.08.2023).
159. Хекшер, Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода / Э. Хекшер. – Текст : электронный // Файловый архив студентов : [сайт]. – URL: <https://studfile.net/preview/4341554/> (дата доступа: 12.10.2023).
160. Циренников, В. С. Стратегия инновационного развития Евросоюза: новые цели и инициативы / В. С. Циренников. – Текст : электронный // Современная Европа. – 2019. – № 6(92). – С. 138–149. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-innovatsionnogo-razvitiya-evrosoyuza-novye-tseli-i-initsiativy/viewer> (дата обращения: 16.08.2023).

161. Чаянов, А. В. Организация сельскохозяйственного производства на местах (Публикация статьи А.В. Чаянова на русском языке) / А. В. Чаянов. – Текст : непосредственный // Крестьяноведение. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 6-20.
162. Челинцев, А. Н. История аграрно-экономической мысли России (XVII-XX вв.): Серия : (избр. тр.) / А. Н. Челинцев. – Москва : ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2006. – 345 с. – Текст : непосредственный.
163. Чен, Д. Влияние кластерного разнообразия на экономические показатели в столичных статистических районах США / Чен Д. // Ежеквартальный журнал экономического развития, 2020. – №34 (1). – С. 46-63.
<https://doi.org/10.1177/0891242419892338>
164. Чепурной, А. Г. Конституционные основы социальной политики государства: современные концепции / А. Г. Чепурной. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 45–48.
165. Чернова, О. А. Структурные изменения как фактор повышения экономической резилиентности регионов Крайнего Севера / О. А. Чернова, И. В. Митрофанова, М. В. Плешакова. – Текст : непосредственный // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2024. – Т. 27, № 1(83). – С. 24-38.
166. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года : статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2022. – 443 л. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 17.08.2023).
167. Чичканов, В. П. Возможности науки в инновационном развитии: «измерении технологий» / В. П. Чичканов, О. С. Сухарев. – Текст : электронный // Экономика науки. – 2023. – Т. 8, №1. – С. 36–44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-nauki-v-innovatsionnom-razvitiu-izmerenie-tehnologiy> (дата обращения: 17.08.2023).
168. Шамшин, В. Н. Таблицы В. В. Леонтьева: «затраты-выпуск» и их применение к рыночной экономике / В. Н. Шамшин. – DOI: 10.29013/EJEMS-22-1-

44-51. – Текст : электронный // European journal of economics and management sciences. – 2022. – №1. – С. 44–51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tablitsy-v-v-leontieva-zatraty-vypusk-i-ih-primenenie-k-rynochnoy-ekonomike> (дата обращения: 28.01.2024).

169. Шилькова, В. В. Учение о разделении труда как базовый концепт экономического развития в теории Адама Смита и современность / В. В. Шилькова. – Текст : электронный // Экономика. Общество. Человек : материалы Международной науч.-практ. конф. (Белгород, 13–17 января 2014 года) / Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. – Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2014. – Т. XXI. – С. 347–352. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22605721> (дата обращения: 06.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

170. Шишкин, М. Г. Федеральные округа в России: опыт совершенствования государственного управления / М. Г. Шишкин. – Текст : электронный // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 33–40. – URL: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/Tom%2021%20N4/Shishkin.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

171. Электронный сервис «Прозрачный бизнес» . – Текст : электронный // ФНС России : [сайт]. – URL: <https://pb.nalog.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).

172. Юшин, И. В. «Кольца и градиенты» :к теории пространственной организации сельскохозяйственного производства / И. В. Юшин. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2016. – № 1. – С. 58–65.

173. Alonso, W. Location and Land Use = [Местоположение и землепользование] / W. Alonso. – Cambridge: Alonso W. Harvard University Press, 1964. – 204 р. – Текст : непосредственный.

174. Bao, J. Has high-tech cluster improved regional innovation capacity? evidence from Wuhan metropolitan area in China = [Улучшил ли кластер высоких технологий региональный инновационный потенциал? Данные из столичного

региона Ухань в Китае] / J. Bao, Y. Li. – DOI: 10.3389/fenvs.2023.1180781. – Текст : электронный // Frontiers in Environmental Science. – 2023. – Vol. 11. – 14 p. – URL : <https://colab.ws/articles/10.3389%2Ffenvs.2023.1180781> (дата обращения: 06.02.2024).

175. Bonvillian, W. B. Industrial Innovation Policy in the United States = [Политика промышленных инноваций в США] / W. B. Bonvillian. – DOI: 10.1561/110.00000026. – Текст : электронный // Annals of Science and Technology Policy. – 2022. – Vol. 6, No. 4. – pp. 315–411. – URL : <https://www.nowpublishers.com/article/Details/ASTP-026> (дата обращения: 06.02.2024). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

176. Buchholz, M. Models of Regional Economic Development: Illustrations Using U.S. Data = [Модели регионального экономического развития: иллюстрации с использованием данных США] / M. Buchholz, H. Bathelt. – DOI: 10.1515/zfw-2020-0040. – Текст : электронный // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. – 2021. – Vol. 65, Iss.1. – pp. 28–42. – URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/zfw-2020-0040/html> (дата обращения: 06.02.2024).

177. Can Kuznets curve hypothesis explain the mission drift of microfinance institutions? Evidence from developing countries = [Может ли гипотеза кривой Кузнецца объяснить дрейф миссии микрофинансовых организаций? Данные из развивающихся стран] / M. A. Mia, A. Jibir, A. Sharma, M. Abdu. – DOI: 10.1016/j.aglobe.2023.100062. – Текст : электронный // Asia and the Global Economy. – 2023. – Vol. 3, Iss. 2. – Article 100062, 17 p. – URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667111523000099> (дата обращения: 06.02.2024).

178. Cristaller, W. The Central Places of Southern Germany = [Центральные места Южной Германии] / W. Cristaller. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hill, 1966. – 119 p. – Текст : непосредственный.

179. Drabenstott, M. Rethinking federal policy for regional economic development = [Переосмысление федеральной политики регионального экономического развития] / M. Drabenstott. – Текст : электронный // Economic

Review, Federal Reserve Bank of Kansas City. – 2006. – Vol. 91(Q I). – pp. 115–142. – URL : <https://www.kansascityfed.org/documents/50/2006-Rethinking%20Federal%20Policy%20for%20Regional%20Economic%20Development.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

180. Engel, J. S. Global Clusters of Innovation = [Глобальные кластеры инноваций] / J. S. Engel. – DOI: 10.1525/cmr.2015.57.2.36. – Текст : электронный // California Management Review. – 2015. – Vol. 57, No. 2. – pp. 36–65. – URL : <https://www.sci-hub.ru/10.1525/cmr.2015.57.2.36> (дата обращения: 06.02.2024).

181. Factors influencing innovation performance of China's high-end manufacturing clusters: Dual-perspective from the digital economy and the innovation networks = [Факторы, влияющие на инновационную деятельность высокотехнологичных производственных кластеров Китая: двойной взгляд с точки зрения цифровой экономики и инновационных сетей] / L. Zhang, K. Xiong, X. Gao, Y. Yang. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1012228. – Текст : электронный // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – 18 р. – URL : <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9552817/pdf/fpsyg-13-1012228.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

182. Giuliano, G. Agglomeration economies and evolving urban form = [Агломерационная экономика и развивающаяся городская форма] / G. Giuliano, S. Kang, Q. Yuan. – DOI: 10.1007/s00168-019-00957-4. – Текст : электронный // The Annals of Regional Science. – 2019 . – Vol. 63, Iss. 3. – pp. 377–398. – URL : <https://link.springer.com/article/10.1007/s00168-019-00957-4> (дата обращения: 06.02.2024).

183. Glaser, B. S. Made in China 2025 and the Future of American Industry : Prepared statement / B. S. Glaser. – Текст : электронный // Made in China 2025 and the Future of American Industry : Hearing before the Committee on Small Business and Entrepreneurship United States Senate 116 Congress, 1-st session February 27, 2019 = [Сделано в Китае 2025 и будущее американской промышленности: слушания в Комитете по малому бизнесу и предпринимательству Сената США 116 Конгресса, 1-я сессия 27 февраля 2019 г.] / Chairman Marco Rubio. – Washington : U. S. Government

Publishing Office, 2019. – pp. 53–91. – URL : <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116shrg35699/pdf/CHRG-116shrg35699.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

184. Godłów-Legiedź, J. The Coase theorem and idea of transaction costs - their significance for the development of economics = [Теорема Коуза и идея трансакционных издержек – их значение для развития экономики] / J. Godłów-Legiedź. – DOI: 10.2478/v10103-009-0022-7. – Текст : электронный // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. – 2009. – Vol. 12, Iss. 4. – pp. 61–76. – URL : <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/259029/1/v10103-009-0022-7.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

185. Hägerstrand, T. Diffusion of Innovation as The Arial Process = [Распространение инноваций как космический процесс] / T. Hägerstrand ; postscript and translation A. Pred, G. Haag. – Chicago : University of Chicago Press, 1953. – 334 p. – Текст : непосредственный.

186. Haggett, P. The Spatial Economy = [Пространственная экономика] / P. Haggett. – Текст : непосредственный. – American Behavioral Scientist, 1978. – No. 22 (1). – pp. 151–167.

187. Handbook of Innovation Policy Impact = [Справочник по влиянию инновационной политики] / eds. J. Edler [et al.]. – Cheltenham, UK ; Northampton, Ma, USA : Edward Elgar Publishing, 2016. – 608 p. – Текст : непосредственный.

188. Hecksher, E. F. The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income = [Влияние внешней торговли на распределение доходов] / E. F. Hecksher. – Текст : непосредственный // Heckscher-Ohlin trade theory / Eli F. Hecksher, Bertil Ohlin ; edited, translation, introduced H. Flam, M. J. Flanders. – Cambridge, Mass., USA : MIT Press, 1991. – pp. 39–70.

189. Hoover, E. M. The location of economic activity = [Место осуществления экономической деятельности] / E. M. Hoover. – New York [et al.] : McGraw Hill Book Company, Inc., 1948. – 336 p. – Текст : непосредственный.

190. Isard, W. Location and Space-Economy = [Расположение и экономия пространства] / W. Isard. – The technologe Press of Massachusetts Institute of

Technology and John Wiley & Sons, Inc., New York, 1956. – 380 p. – Текст : непосредственный.

191. Horizon Europe-New European Bauhaus Nexus Report : Conclusions of the High-Level Workshop on ‘Research and Innovation for the New European Bauhaus jointly organised by DG Research and Innovation and the Joint Research Centre = [Отчет Horizon Europe-New European Bauhaus Nexus: Выводы семинара высокого уровня на тему «Исследования и инновации для нового европейского Баухауса», организованного совместно Генеральным директоратом по исследованиям и инновациям и Объединенным исследовательским центром] / H. Schellnhuber, B. Widera, A. Kutnar [et al.]. – Текст : электронный // DG Research and Innovation and the Joint Research Centre. Publications Office of the European Union : [сайт]. – 2022. – URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2777/49925> (date of access 20.10.2023).

192. Lösch, A. The Economics of Location / A. Lösch ; translated W. H. Woglom, W. F. Stolper. – 2-nd revised ed. – New Haven, Ct., USA : Yale University Press, 1954. – 520 p. – Текст : непосредственный.

193. Ma, Sh. Growth effects of economic integration: New evidence from the Belt and Road Initiative = [Влияние экономической интеграции на рост: новые данные инициативы «Один пояс, один путь»] / Sh. Ma. – DOI: 10.1016/j.eap.2022.01.004. – Текст : электронный // Economic Analysis and Policy. – 2022. – Vol. 73. – pp. 753 – 767. – URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0313592622000042?via%3Dihub> (дата обращения: 06.02.2024).

194. Markusen, A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts = [Липкие места в скользком пространстве: типология промышленных районов] / A. Markusen. – DOI: 10.2307/144402. – Текст : электронный // Economic Geography. – 1996. – Vol. 72, No. 3. – pp. 293–313. – URL : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2625332/> (дата обращения: 06.02.2024).

195. Myrdal, G. Economic Theory and Under-Developed Regions = [Экономическая теория и слаборазвитые регионы] / G. Myrdal. – London : Gerald Duckworth & Co LTD, 1957. – 174 p. – Текст : непосредственный.

196. O'Brien, P. The evolving context for territorial development policy and governance in Europe – from shifting paradigms to new policy approaches = [Меняющийся контекст политики территориального развития и управления в Европе – от смены парадигм к новым политическим подходам] / P. O'Brien, O. Sykes, D. Shaw. – DOI: 10.3917/lig.791.0072. – Текст : электронный // L'Information géographique. – 2015. – Vol. 79(1) – pp. 72–97. – URL : <https://shs.cairn.info/revue-l-information-geographique-2015-1-page-72?lang=en> (дата обращения: 06.02.2024).
197. Ohlin, B. Interregional and International Trade = [Межрегиональная и международная торговля] / B. Ohlin. – Cambridge (Mass.), USA : Harvard University Press, 1933. – 617 p. – Текст : непосредственный.
198. Pottier, P. Axes de Communication et Développement Economique = [Оси развития коммуникаций и экономики] / P. Pottier. – DOI: 10.3406/reco.1963.407543. – Текст : электронный // Revue économique. – 1963. – Vol. 14, Iss. 1. – pp. 58–132. – URL : https://www.persee.fr/doc/reco_0035-2764_1963_num_14_1_407543 (дата обращения: 06.02.2024).
199. Regulation of the European Parliament and of the Council on specific provisions for the European territorial cooperation goal (Interreg) supported by the European Regional Development Fund and external financing instruments = [Регламент Европейского парламента и Совета о конкретных положениях для цели европейского территориального сотрудничества (Interreg), поддерживаемого Европейским фондом регионального развития и внешними инструментами финансирования]. – Текст : электронный // EUR-Lex [Официальная онлайн- база данных по законодательству EC] : [сайт]. – 2021. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1059> (дата обращения: 20.10.2023).
200. Richardson, H. W. Regional Economics. Location Theory. Urban Structure. Regional Change = [Региональная экономика. Теория размещения. Городская структура. Региональные изменения] / H. W. Richardson. – New York : Praeger, 1969 – 457 p. – Текст : непосредственный.

201. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations = [Исследование природы и причин богатства народов] / A. Smith. – London : Strahan, 1776. – 538 p. – Текст : непосредственный.
202. Storper, M. Worlds of Production: the Action Frameworks of the Economy = [Мирь производства: рамки действий экономики] / M. Storper, R. Salais. – Cambridge, MA, USA : Harvard University Press, 1997. – 370 p. – Текст : непосредственный.
203. The determinants of US state economic growth: A search for control variables = [Факторы, определяющие экономический рост в США: поиск контрольных переменных] / W. Reed, C. Chatfield, D. Merriman [et al.]. – Текст : электронный // ResearchGate : [открытая научная социальная сеть]. – 2005. – URL : https://www.researchgate.net/publication/228668754_The_determinants_of_US_state_economic_growth_A_search_for_control_variables (дата обращения: 06.02.2024).
204. The Heterogeneity of the Drivers of Urban Form in China: Perspectives from Regional Disparities and Development Stage Variations = [Неоднородность движущих сил городской формы в Китае: перспективы региональных различий и различий в стадиях развития] / R. Wu, Y. Zhang , M. Dai [et al.]. – DOI: 10.3390/land12071436. – Текст : электронный // Land. – 2023. – Vol. 12(7). – Article 1436. – URL : <https://www.mdpi.com/2073-445X/12/7/1436> (дата обращения: 06.02.2024).
205. The Technology Factor in International Trade = [Фактор технологий в международной торговле] / ed. R. Vernon. – New York : National Bureau of Economic Research, 1970. – 493 p. – Текст : непосредственный.
206. Wallis, J. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970 = [Измерение сектора транзакций в американской экономике, 1870-1970 гг.] / J. Wallis, N. Douglass. – Текст : непосредственный // Long-Term Factors in American Economic Growth / eds. S. L. Engerman, R. E. Gallman ; National Bureau of Economic Research. – Chicago : University of Chicago Press, 1986. – pp. 95–162.
207. What is Interreg Europe? = [Что такое Европейский Интеррег]. – Текст : электронный // Interreg Europe. Interregional cooperation programme co-funded by the

European Union : [сайт]. – URL : <https://www.interregeurope.eu/what-is-interreg-europe> (date of access 05.11.2023).

208. Where does the EU cohesion policy produce its benefits? A model analysis of the international spillovers generated by the policy = [Где политика сплочения ЕС приносит свои выгоды? Модельный анализ международных побочных эффектов, вызванных политикой] / F. Crucitti, N.-J. Lazarou, P. Monfort, S. Salotti. – DOI: 10.1016/j.ecosys.2023.101076. – Текст : электронный // Economic Systems. – 2023. – Vol. 47, Iss.3. – Article 101076, 16 p. – URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0939362523000055> (дата обращения: 06.02.2024).

209. Wu, F. China's Emergent City-Region Governance: A New Form of State Spatial Selectivity through State-orchestrated Rescaling = [Новое управление городом и регионом в Китае: новая форма пространственной избирательности государства посредством масштабирования, организованного государством] / F. Wu. – DOI: 10.1111/1468-2427.12437. – Текст : электронный // International Journal Urban Regional. – 2016. – Vol. 40. – pp. 1134-1151 . – URL : https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1542956/1/Wu-2017-International_Journal_of_Urban_and_Regional_Research.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

Приложение А

Формы пространственной структурной организации территорий в Российской Федерации

Таблица А.1 – Основные формы пространственной структурной организации территорий в Российской Федерации

Понятие	Определение	Автор
Городская агломерация	Соединение населенных пунктов в урбанизированные территории, которые имеют общие экономические, трудовые, культурно-бытовые связи, а также социальную и техническую инфраструктуру	Д. Н. Баранов
Конурбация	Агломерация полисентрического типа, имеющая несколько ядер или городов	Л. Л. Зобова, В. А. Шабашев
Особые экономические зоны	Часть территории, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности и может являться свободной таможенной зоной	ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ
Экономический район	Целостная территориально-хозяйственная часть территории страны со своей производственной специализацией и внутренними экономическими связями	Л. П. Совершаева
Кластеры	Совокупность особых экономических зон, управляемых одной управляющей компанией	ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ
Территориально-промышленные комплексы	Пространственная организация производительных сил, в состав которой входят взаимосвязанные промышленные и сельскохозяйственные предприятия	Ю. С. Очур
Промышленный узел	Расположенные на определенной территории производственные предприятия в различных организационных формах, связанных кооперацией	Е. Б. Морозова
Транспортный узел	Пункт, состоящий из начала, трансформации и окончания различных грузопотоков, обладающий обеспечивающей инфраструктурой и необходимыми средствами.	А. Л. Кузнецов, Я. Я. Эглит, А. В. Кириченко
Региональная экономическая система	Подсистема национальной системы, состоящая из различных видов ресурсов, производительных сил, имеющая взаимосвязанные экономические отношения между ее субъектами	А. И. Бородин, Н. Н. Киселева
Территория опережающего развития	Территориальная часть субъекта РФ, на которой установлен особый правовой режим для осуществления коммерческой и прочей деятельности с целью привлечения инвестиций, повышения уровня социально-экономического развития региона	ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ
Туристско-рекреационные зоны	Вид особой экономической зоны, созданной с целью формирования санаторно-курортной инфраструктуры, развития туризма и смежных отраслей хозяйствования,	А. Д. Абалаков, Н. С. Панкеева

Продолжение таблицы А.1

Понятие	Определение	Автор
	функционирующая на основе государственно-частного партнерства	
Транспортно-логистические комплексы	Динамическая система, расположенная на территории определенного региона, обеспечивающая транспортный процесс материальных, информационных и финансовых потоков	А. К. Казанцев, Е. Г. Серова
Территориальные кластеры	Совокупность территориально и функционально взаимосвязанных предприятий, занимающихся поставкой оборудования, комплектующих изделий, оказанием услуг, научно-исследовательской и образовательной деятельностью	Т. Е. Фасенко, О. М. Князева, Н. М. Сурай
Макрорегион	Самоорганизующаяся полицентрическая система, формируемая динамикой функциональных связей между акторами, трансформирующая объективно существующую пространственную фрагментацию в источник синергии через «кросс-региональную пересборку» и циклическую эволюцию, где границы определяются интенсивностью хозяйственных связей	Авторская разработка

Источник: составлено автором по материалам [1; 11, с.75; 17; 40; 47; 62; 80; 98; 100; 104; 137; 153, с.10]

Приложение Б

Четырехфазная циклическая модель развития фрагментации хозяйственных связей макрорегиона

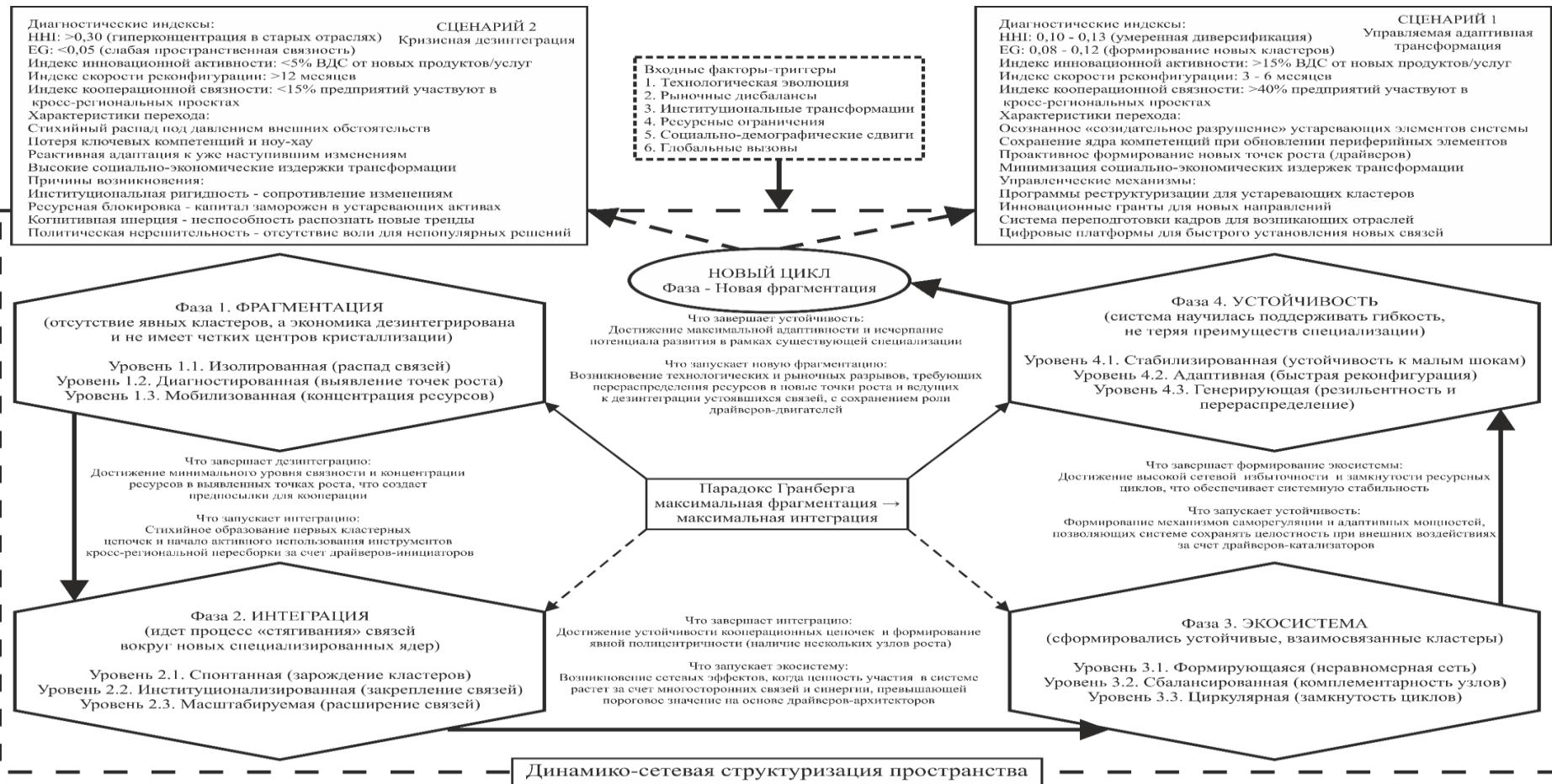

Рисунок Б.1. – Четырехфазная циклическая модель развития фрагментации хозяйственных связей макрорегиона

Источник: разработано автором

Приложение В

Методика анализа показателей фрагментации хозяйственных связей экономического пространства

**Таблица В.1 – Этапы расчета показателей фрагментации хозяйственных связей
экономического пространства**

Этапы	Обоснование
Этап 1. Сбор данных	В совокупности были исследованы данные о финансово-хозяйственной деятельности 283941 предприятий: за 2018 год – 47225, за 2019 год – 47579, за 2020 год – 47569, за 2021 год – 47194, за 2022 год – 47326, за 2023 год – 47048. Статистическую базу исследования составили ежегодные сборники Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» [116], электронный сервис «Прозрачный бизнес» с комплексной информацией о налогоплательщиках [171] и данные Государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности Федеральной налоговой службы о деятельности предприятий за 2018-2023 гг. [28]. С помощью сервиса сайтов «Эксперт» [34], «Интерфакс» [136], «HeadHunter» [58], «List-org» [131] была дополнена информация о хозяйствующих субъектах Южного макрорегиона.
Этап 2. Выборка данных	Предприятия Южного макрорегиона были отсортированы по видам хозяйственной деятельности, согласно «Общероссийского классификатора видов экономической деятельности» [101], для целей исследования, при этом государственные учреждения, в том числе детские школы, сады, министерства, ведомства, администрации в работе не рассматриваются. В связи с тем, что расчеты производятся в отношении регионов и видов экономической деятельности (отраслей хозяйствования), то записи с данными, в которых пропущены эти поля, необходимо было удалить из выборки. Из 84556 предприятий осталось 83542, следовательно, выборка изменена незначительно. Было проведено сравнение моделей в зависимости от категории компании (микро-, средние, макро- и крупные). Вследствие удаления записей, для которых не указан размер компании, в выборке осталось 60710 записей, то есть 72 % от исходной выборки. В качестве зависимой переменной использованы показатели: рентабельность основной деятельности, коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам, индекс постоянного актива, коэффициент общей платежеспособности, операционная рентабельность продаж, коэффициент маневренности, валовая рентабельность, рентабельность продаж, т.е. влияющие на финансовую устойчивость предприятий (таблица В.2). Рентабельность хозяйственной деятельности предприятия является ключевым показателем анализа эффективности, конкурентоспособности и доходности, показывает сколько финансовых средств получит компания на 1 рубль затрат. Базой для расчета являются показатели баланса и отчета о финансовых результатах.
Этап 3. Выбор	На данном этапе исследования взяты следующие входные переменные: коэффициент оборачиваемости совокупных активов (%), коэффициент соотношения заемных и собственных средств, коэффициент покрытия

Продолжение таблицы В.1

Этапы	Обоснование
входных переменных	процентов по ЕБИТ (%), коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств (%), коэффициент концентрации собственного капитала (автономии) (%), коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (%), доля краткосрочной в общем объеме задолженности (%), которые отображают финансово-хозяйственную деятельность и способны влиять на эффективность, способность покрывать и обслуживать долги. Переменные макрофакторов взяты из региональной статистики Южного макрорегиона по социальному (logZP), инновационному (InnovationWage, logRND) и предпринимательскому (FirmBirth) развитию.
Этап 4. Сортировка данных по видам деятельности	Все записи в зависимости от поля «Вид деятельности/отрасль» были отнесены к одному из видов «Укрупненного вида деятельности» (согласно «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности») (таблица В.6) В дальнейшем, в связи с незначительным количеством компаний, осуществляющих эти виды деятельности и невысокими показателями финансово-хозяйственной деятельности, к «Другие виды деятельности» (OtherGroups) были отнесены следующие группы видов хозяйственной деятельности: К, М, Н, О, Р, С, Т, У.
Этап 5. Обработка данных	Индексы Херфиндаля-Хиршмана и Эллисона-Глейзера рассчитываются на основе показателя среднесписочной численности сотрудников исследуемых организаций, поскольку это помогает более объективно отразить концентрацию и диверсификацию хозяйственной деятельности в регионе, чем иные показатели баланса и отчёта о финансовых результатах, рассчитанные в рублях (таблица В.3). Записи с пропусками поля «Среднесписочная численность работников» были удалены из выборки, а также произведена очистка выборки от выбросов, в результате чего осталось лишь 28504 записей, то есть 34 % от исходной выборки. Данные индексы служат не только статичными метриками, но и маркерами динамики перехода между фазами пространственного развития. С целью устранения переобучения и мультиколлинеарности из модели были удалены следующие факторы: рентабельность основной деятельности, рентабельность продаж, отношение коммерческих и управленических расходов к выручке, коэффициент маневренности собственных средств, коэффициент концентрации заемного капитала, коэффициент соотношения заемных и собственных средств. Такая селекция переменных обеспечивает фокус на ключевых драйверах пространственной реконфигурации экономических акторов. Для учета влияния региональных социально-экономических показателей региона, где осуществляет деятельность предприятие, в модель были введены следующие факторы: FirmBirth, InnovationWage, logZP, logRND (таблица В.5).
Этап 6. Расчет диверсификации и локализации и построение моделей МНК	Произведен расчет диверсификации и локализации отраслей хозяйствования и значения добавлены к предприятиям, согласно «Укрупненного вида деятельности» и региону [85]. Построенные регрессионные модели показали оценку влияния микро, макрофакторов и индексов локализации и диверсификации на показатели финансово-хозяйственной деятельности предприятий (таблица В.4). Результаты приведены в таблицах Приложения Е.
Этап 7. Доработка выборки данных	Для следующих переменных связь с входными переменными оказалась слишком слабой, чтобы делать статистические выводы: индекс постоянного актива, операционная рентабельность продаж, коэффициент маневренности, валовая рентабельность. В связи с этим, была произведена доработка выборки

Продолжение таблицы В.1

Этапы	Обоснование
	данных. С целью увеличения выборки записи с пропусками поля «Среднесписочная численность работников» были не удалены, а восстановлены оценками значений, полученными исходя из другой доступной информации о предприятии. Заполнение пропусков проводилось на основании регрессии по следующим полям: выручка, капитал и резервы, запасы, заёмные средства (долгосрочные), заёмные средства (краткосрочные), основные средства. Были выявлены выбросы и исключены из выборки для построения регрессионных уравнений по всем входным полям. Для построения уравнений были отобраны записи о предприятиях, для которых имелись данные о среднесписочной численности занятых (доля таких фирм составила 86 %). Затем эти предприятия были разбиты на группы по укрупненным видам экономической деятельности, а также по размерам предприятий. Для каждой из этих групп предприятий по отдельности было построено регрессионное уравнение (таблица В.7).
Этап 8. Построение регрессионных моделей МНК	Исследование отбора признаков производится на основании метода прямое включение (Forward selection). В модель, не содержащей ни одной переменной поочередно включаются одна за другой переменные, затем выбирается переменная, показывающая лучший результат. После этого в модель, с одной переменной поочерёдно вводятся оставшиеся переменные и остается та, которая дает наилучшим образом улучшение качества модели. Оценка значимости регрессионной модели проведена с помощью критерия Фишера (F-критерия). В результате расчётов лучшие модели были получены для следующих показателей: коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам, мес.; операционная рентабельность продаж, %; валовая рентабельность, %; коэффициент автономии. При этом входные факторы были выделены следующие: чистая норма прибыли, %; коммерческие и управленические расходы к выручке, %; чистые активы / дебиторская задолженность; оплата труда / выручка; совокупный долг / выручка; выручка / среднесписочная численность работников. Дальнейшие расчёты были произведены для следующих результирующих показателей: операционная рентабельность продаж, %; валовая рентабельность, % (Приложение Ж)

Источник: составлено автором по результатам исследования

Расчеты зависимых переменных произведены по следующим формулам:

Таблица В.2 – Формулы расчета зависимых переменных

Зависимая переменная и формула расчета	Характеристика	№
Рентабельность основной деятельности ($R_{од}$), %	где P_n – прибыль до налогообложения, руб.; $C_{пр}$ – себестоимость продаж, руб.; $C_{ком}$ – коммерческие расходы, руб.; $C_{упр}$ – управленические расходы, руб.; $I_{упл}$ – проценты к уплате, руб.; $C_{пр}$ – прочие расходы, руб.	(B.1)
$R_{од} = \frac{P_n}{C_{np} + C_{ком} + C_{упр} + I_{упл} + C_{пр}} \times 100\%$		

Продолжение таблицы В.2

Зависимая переменная и формула расчета	Характеристика	№
Коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам ($K_{пл}$) мес. $K_{пл} = \frac{O_{kp}}{R_{cp}}$	где O_{kp} – краткосрочные обязательства, руб.; R_{cp} – среднемесячная выручка, руб./мес.	(B.2)
Индекс постоянного актива $I_{на}$ $I_{на} = \frac{A_{вн}}{K_{соб}}$	где $A_{вн}$ – внеоборотные активы; $K_{соб}$ – собственный капитал.	(B.3)
Коэффициент общей платежеспособности ($K_{оп}$), ед. $K_{он} = \frac{K_{соб}}{D_{kp} + BF_{kp} + L_{kp} + O_{dc}}$	где $K_{соб}$ – собственный капитал, руб.; D_{kp} – кредиторская задолженность, руб.; BF_{kp} – краткосрочные заемные средства, руб.; L_{kp} – прочие краткосрочные обязательства, руб.; O_{dc} – долгосрочные обязательства, руб.	(B.4)
Операционная рентабельность продаж $R_{оп}$, % $R_{он} = \frac{P_{np}}{REV_{реал}}$	где P_{np} – прибыль от продаж за отчетный период, руб.; $REV_{реал}$ – выручка от реализации за отчетный период, руб.	(B.5)
Валовая рентабельность $R_{вал}$, %; $R_{вал} = \frac{P_{вал}}{REV_{реал}} \times 100\%$	где $P_{вал}$ – валовая прибыль, руб.; $REV_{реал}$ – выручка от реализации, руб.	(B.6)
Коэффициент маневренности $K_{маневр}$, ед. $K_{маневр} = (KR + O_{долг} + A_{вн}) : KR$	где KR – капитал и резервы, руб.; $O_{долг}$ – долгосрочные обязательства, руб.; $A_{вн}$ – внеоборотные активы, руб.	(B.7)
Рентабельность продаж $R_{прод}$, %; $R_{прод} = \frac{P_{прод}}{REV_{реал}} \times 100\%$	где $P_{прод}$ – прибыль от продаж, руб., $REV_{реал}$ – выручка от реализации, руб.	(B.8)

Источник: составлено автором по материалам [128]

Для расчета и анализа отраслевой локализации Южного макрорегиона применены индексы Эллисона-Глейзера:

Таблица В.3 – Формулы расчета зависимых переменных

Переменная и формула расчета	Характеристика	№
Индекс Эллисона-Глейзера ((Y_j) $\gamma_j = \frac{\sum_i (s_{ij} - x_i)^2 - (1 - \sum_i x_i^2) \sum_j z_j^2}{(1 - \sum_i x_i^2)(1 - \sum_j z_j^2)}$	где $j = 1 \dots 13$ – вид хозяйственной деятельности; $i = 1 \dots 8$ субъекты Южного макрорегиона; s_{ij} – доля занятого населения в j виде деятельности от полной занятости в субъекте i ; x_i – доля занятых в субъекте i от полной занятости в стране; z_j – доля занятых в деятельности j от полной занятости в стране.	(B.9)

Продолжение таблицы В.3

Переменная и формула расчета	Характеристика	№
	Высокие показатели отражают отраслевую локализацию предприятий, осуществляющих j вид деятельности, низкие свидетельствуют о равномерном отраслевом распределении предприятий.	
Индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI_i) $HHI_i = \sum_j (s_{ij})^2$	где $j = 1 \dots 13$ – отрасли хозяйствования предприятий Южного макрорегиона; $i = 1 \dots 8$ регионы; s_{ij} – доля занятого населения в виде деятельности j от полной занятости в регионе i . Диапазон индекса - $HHI_i \in [\frac{1}{J}; 1]$. Низкое значение показателя отражает диверсифицированность, а высокое – специализацию региона в какой-либо одной отрасли. Оба показателя не взаимосвязаны между собой, не оказывают влияния один на другого, но взаимодополняют друг друга.	(B.10)

Источник: составлено автором по материалам [41]

С помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана рассчитывается диверсификация региона по видам деятельности [41].

Построение множественной линейной регрессионной модели с применением языка Python с помощью метода наименьших квадратов (далее – МНК), предложенным К. Гаусом в 1794 г., позволило восстановить пропуски финансовых показателей в отчетности предприятий, среднесписочной численности и произвести оценку влияния микро- и макрофакторов на показатели эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятий. Результат рассчитан по формуле уравнения регрессии [41]:

Таблица В.4 – Формула уравнения регрессии

Показатель и формула расчета	Характеристика	№
Уравнение регрессии $y = \beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \beta_3 x_3 + a_0 + \varepsilon$	где $\beta_1, \beta_2, \beta_3$ – коэффициенты регрессии; a_0 – константа; x_1 – матрица показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятий; x_2 – матрица социально-экономических показателей Южного макрорегиона; x_3 – матрица индексов Эллисона – Глейзера и Херфиндаля–Хиршмана; ε – вектор ошибок. Абсолютная величина β – коэффициента позволяет судить о степени влияния независимой переменной на зависимую: чем выше значение коэффициента, тем сильнее влияние переменной на значение результирующего признака.	(B.11)

Источник: составлено автором по материалам [41]

Переменные индексов Эллисона-Глейзера и Херфиндаля-Хиршмана введены в модель для оценки их влияния на параметры финансово-хозяйственной деятельности предприятий. В зависимости от рассчитанной степени влияния изменяются показатели эффективности предпринимательской деятельности (таблица В.5).

Таблица В.5 – Описание переменных регрессионной модели МНК в расчетах влияния микро- и макрофакторов на результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятий Южного макрорегиона

Наименование переменной	Характеристика переменной
Зависимая переменная (Y)	
$R_{од}$	рентабельность основной деятельности
$K_{пл}$	коэффициент платежеспособности
$I_{па}$	индекс постоянного актива
$K_{оп}$	коэффициент общей платежеспособности
$R_{оп}$	операционная рентабельность продаж
$K_{маневр}$	коэффициент маневренности
$R_{вал}$	валовая рентабельность
$R_{прод}$	рентабельность продаж
Переменные показателей предприятий (микрофакторы) (x_1)	
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов (%)	Показывает эффективно ли происходит использование активов предприятия (какую сумму выручки дает каждый рубль стоимости совокупных активов)
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	Демонстрирует долю собственного капитала к величине обязательств
Коэффициент покрытия процентов по ЕБИТ (%)	Показывает способность компании обслуживать долговые обязательства
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств (%)	Характеризует часть деятельности предприятия, финансируемую за счет долгосрочных заемных средств вместе с собственными средствами
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии) (%)	Показывает долю активов, покрываемых с помощью собственного капитала
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (%)	Показывает достаточно ли у компании собственных средств для осуществления деятельности
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности (%)	Дополнительная мера описания финансовой независимости предприятия
Переменный показателей экономической деятельности субъектов Южного макрорегиона (макрофакторы) (x_2)	
FirmBirth	Коэффициент рождаемости организаций на 1000 организаций по субъектам Российской Федерации
InnovationWage	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %

Продолжение таблицы В.5

Наименование переменной	Характеристика переменной
logZP	Логарифм среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций
logRND	Логарифм внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки
Переменные, описывающие степень диверсификации и локализации макрорегиона (x_3)	
logSpecificGravity	Логарифм частного от отношения количества работников, в зависимости от вида деятельности компании, на общее количество работников региона
HHI	Индекс Херфиндаля-Хиршмана
EG	Индекс Эллисона-Глейзера

Источник: составлено автором по материалам [41; 116; 128].

Таблица В.6 – Виды экономической деятельности предприятий Южного макрорегиона по группам

Код группы ОКВЭД	Наименование вида деятельности
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, и рыбоводство
B	Добыча полезных ископаемых
C	Обрабатывающие производства
D	Обеспечение электрическое энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
F	Строительство
G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
H	Транспортировка и хранение
I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
J	Деятельность в области информации и связи
K	Деятельность финансовая и страховая
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
M	Деятельность профессиональная, научная и техническая
N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение
P	Образование
Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
R	Деятельность в области культуры, спорта, организаций досуга и развлечений,
S	Предоставление прочих видов услуг,
T	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления
U	Деятельность экстерриториальных организаций и органов

Источник: составлено автором по материалам [101]

Таблица В.7 – Формулы уравнений регрессий для расчета среднесписочной численности работников организаций и расчета пропущенной информации о среднесписочной численности

Показатель и формула расчета	Характеристика	№
Среднесписочная численность работников организаций, наблюдаемая в j сфере в году t $Y_{jt}^{\text{набл}}$	где $X_{jt}^{\text{набл}}$ – часть матрицы, содержащей поясняющие численность работников переменные (выручка, капитал и резервы, запасы, заёмные средства (долгосрочные), заёмные средства (краткосрочные), основные средства, дамми по размеру фирмы), соотносящаяся с $Y_{jt}^{\text{набл}}$ и применяемая для получения оценок β_{jt} .	(B.12)
$Y_{jt}^{\text{набл}} = X_{jt}^{\text{набл}} \beta_{jt} + \varepsilon_{jt}$		
Пропущенная информация о среднесписочной численности $Y_{jt}^{\text{проп}}$	где $X_{jt}^{\text{проп}}$ – часть матрицы, содержащей переменные: выручка, капитал и резервы, запасы, заёмные средства (долгосрочные), заёмные средства (краткосрочные), основные средства, дамми по размеру фирмы, соотносящаяся с $Y_{jt}^{\text{проп}}$; β_{jt} – коэффициенты регрессии; ε – вектор ошибок регрессионной модели.	(B.13)
$Y_{jt}^{\text{проп}} = X_{ji}^{\text{проп}} \beta_{jt}$		

Источник: составлено автором по материалам [41]

На основании полученных регрессионных коэффициентов были рассчитаны прогнозные значения среднесписочной численности персонала для компаний, у которых эта информация пропущена, в зависимости от укрупненного вида экономической деятельности и размера предприятия. Описанная схема восстановления значений позволила увеличить выборку для дальнейших расчётов от 28504 записей (34 % от исходной выборки) до 60710 записей (73 % от исходной выборки). При этом качество результирующих моделей оценки влияния степени локализации отрасли и диверсификации экономики региона существенно не изменились. Был сделан вывод, что не все существенные входные переменные, которые влияют на результативность деятельности фирмы, включены в модель. Такой подход закладывает основу для выявления нелинейных эффектов институциональной пересборки хозяйственных связей (этап 7).

Построенные модели оценки влияния микро- и макрофакторов на эффективность деятельности предприятий Южного макрорегиона (этап 8) в динамике подтвердили проведенные расчеты за 2022 год и показали, что специализация является наиболее эффективной формой разделения общественного труда, особенно для микро- и малых предприятий, что является основанием предполагать получение государством, населением и бизнесом экономической выгоды от развития региональной специализации (приложение К). Анализ диверсификации и локализации крупных предприятий показал, что наблюдается высокая степень локализации крупных предприятий в тех сферах, где формируется региональная специализация [91].

Приложение Г

Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона

Таблица Г.1 – Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, 2018 г.

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Менее диверсифицирована экономика:	
Республика Калмыкия	0,5334
Республика Адыгея	0,3974
Астраханская область	0,3591
Волгоградская область	0,2696
Республика Крым	0,2441
Ростовская область	0,2334
Более диверсифицирована экономика:	
Краснодарский край	0,1881
г. Севастополь	0,1323

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Г.2 – Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, 2019 г.

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Менее диверсифицирована экономика:	
Республика Калмыкия	0,3312
Республика Крым	0,3050
Республика Адыгея	0,2338
Астраханская область	0,2081
Более диверсифицирована экономика:	
Волгоградская область	0,1667
Ростовская область	0,1555
г. Севастополь	0,1536
Краснодарский край	0,1268

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Г.3 – Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, 2020 г.

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Менее диверсифицирована экономика:	
Республика Калмыкия	0,5944
Республика Адыгея	0,4707
Астраханская область	0,4151
Волгоградская область	0,3107
Республика Крым	0,2798
Ростовская область	0,2562
Более диверсифицирована экономика	
Краснодарский край	0,1990
г. Севастополь	0,1397

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Г.4 – Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, 2021 г.

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Менее диверсифицирована экономика:	
Республика Калмыкия	0,8268
Республика Адыгея	0,5879
Астраханская область	0,4804
Волгоградская область	0,3045
Ростовская область	0,2518
Краснодарский край	0,2064
Более диверсифицирована экономика:	
г. Севастополь	0,1274
Республика Крым	0,1082

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Г.5 – Экономическая диверсификация, рассчитанная по среднесписочной численности работников предприятий Южного макрорегиона, 2023 г.

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Менее диверсифицирована экономика:	
Республика Адыгея	0,2214
Республика Калмыкия	0,2185
Волгоградская область	0,1511
Астраханская область	0,1503
Ростовская область	0,1492

Продолжение таблицы Г.5

Регион	Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана
Более диверсифицирована экономика:	
г. Севастополь	0,1345
Краснодарский край	0,1336
Республика Крым	0,1255

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Приложение Д

Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона

Таблица Д.1 – Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона, 2018 г.

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Более локализованы:	
Раздел Н. Транспортировка и хранение	1,7453
Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,1318
Раздел J. Деятельность в области информации и связи	0,0412
Менее локализованы:	
Раздел F. Строительство	0,0304
Раздел C. Обрабатывающие производства	-0,0033
Раздел Р. Образование	-0,0057
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-0,0066
Раздел Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,0070
Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-0,0077
Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,0089
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-0,0094
Раздел И. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-0,0095
Раздел В. Добыча полезных ископаемых	-0,0095

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Д.2 – Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона, 2019 г.

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Более локализованы:	
Раздел Н. Транспортировка и хранение	0,8543
Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,2413
Раздел J. Деятельность в области информации и связи	0,2334
Менее локализованы	
Раздел F. Строительство	0,0423
Раздел С. Обрабатывающие производства	0,0149
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,0081

Продолжение таблицы Д.2

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Раздел Р. Образование	-0,0006
Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-0,0007
Раздел В. Добыча полезных ископаемых	-0,0008
Раздел Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,0013
Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-0,0016
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-0,0018
Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,0019

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Д.3 – Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона, 2020 г.

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Более локализованы:	
Раздел Н. Транспортировка и хранение	2,1347
Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,0662
Раздел J. Деятельность в области информации и связи	0,0532
Раздел F. Строительство	0,0378
Менее локализованы:	
Раздел С. Обрабатывающие производства	-0,0003
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-0,0047
Раздел Р. Образование	-0,0058
Раздел Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,0069
Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-0,0071
Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,0075
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-0,0075
Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-0,0083
Раздел В. Добыча полезных ископаемых	-0,0092

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Д.4 – Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона, 2021 г.

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Более локализованы:	
Раздел Н. Транспортировка и хранение	2,4355
Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,0874
Раздел J. Деятельность в области информации и связи	0,0312
Раздел С. Обрабатывающие производства	0,0291
Менее локализованы:	
Раздел F. Строительство	0,0144
Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,0009
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-0,0013
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-0,0013
Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-0,0024
Раздел Р. Образование	-0,0029
Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,0032
Раздел Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,0036
Раздел В. Добыча полезных ископаемых	-0,0043

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Д.5 – Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона, 2022 г.

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Более локализованы:	
Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,58642
Раздел Н. Транспортировка и хранение	0,19984
Раздел С. Обрабатывающие производства	0,09307
Раздел J. Деятельность в области информации и связи	0,06207
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,03432
Раздел F. Строительство	0,02885
Менее локализованы:	
Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,01242
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,00601
Раздел В. Добыча полезных ископаемых	0,00226
Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,00215
Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,00068
Раздел Р. Образование	-0,00015
Раздел Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,00045

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Д.6 – Отраслевая локализация, рассчитанная по среднесписочной численности предприятий Южного макрорегиона, 2023 г.

Вид деятельности	Значение индекса Эллисона-Глейзера
Более локализованы:	
Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,6642
Раздел Н. Транспортировка и хранение	0,1553
Раздел С. Обрабатывающие производства	0,0929
Раздел J. Деятельность в области информации и связи	0,0279
Раздел F. Строительство	0,0239
Менее локализованы:	
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,0103
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,0102
Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,0097
Раздел В. Добыча полезных ископаемых	0,0028
Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,0019
Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,0014
Раздел Р. Образование	0,0001
Раздел Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,0004

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Приложение Е

Оценка влияния микро- и макрофакторов на показатели эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2022 г.

Таблица Е.1 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на коэффициент общей платежеспособности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	19,8004987	15,8054386	20,0594588	18,1903549	26,2394824
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов, %	-1,5213545	-1,5271270	-1,3529709	-1,1709526	-1,3579088
Коэффициент покрытия процентов по ЕБИТ, %	-0,1026780	-0,0956162	-0,0212748	-0,0742741	-0,0762371
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств, %	-3,8037017	-4,5806653	-2,8355046	-3,1102881	-1,2499260
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	-9,9453209	-10,1346157	-9,0323830	-8,0718062	-9,7062383
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	0,1021911	-0,0940689	0,1595566	-0,0841531	0,9489239
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности, %	1,5233765	1,9177610	1,2154747	1,0425028	1,1460680
Раздел А.	0,4488989	0,1061543	0,4032955	2,7420304	1,6529727
Раздел В.	-0,5238766	0,0594578	-0,3422712	-2,1767393	-1,8677482
Раздел С.	-0,3175017	-0,0568580	-0,5984468	-0,2457542	-2,1971837
Раздел D.	0,2398974	0,1437754	0,8539837	1,9141563	-0,4675456
Раздел Е.	-0,4078517	-0,8361513	-0,4690422	-1,0617643	-1,0824242
Раздел F.	1,3923746	1,1589341	1,4666692	2,3298803	2,4543699
Раздел G.	-0,4547777	0,0424404	-0,5779225	-0,9337473	-2,0287814
Раздел H.	-0,0681102	0,0967003	0,0950685	-0,2990844	-0,8612263
Раздел I.	-0,1881799	-0,3516016	0,0053138	-1,1055463	-1,9550325
Раздел J.	-0,4447595	-0,2668876	-0,8371143	-0,5387568	-0,2900125
Раздел L.	0,3345970	0,0077828	1,5131594	-0,2440847	5,0599761
Раздел P.	-0,2245085	0,1884056	-1,5539708	0,0000000	0,0000000
Раздел Q.	-0,7586484	-0,7487916	-1,1026370	-1,6213303	-2,2718037
GroupOther	0,9724464	0,4566394	1,1439148	1,2407407	3,8544393
FirmBirth	0,0227739	0,0161788	0,0168871	0,0225090	0,0396787
InovationWage	0,1511205	0,0993446	0,0772388	-0,0088036	0,2139356
logZP	-0,0000255	0,0000031	-0,0000526	-0,0001288	-0,0001156
logRND	-0,0001278	-0,0000929	-0,0000665	0,0000479	-0,0001852
EllisonGlaeser	-0,0729479	0,0919570	-0,1732540	-0,0378647	-0,5108320
HHIs	-45,4847332	-22,2537070	-43,7209015	-6,4658055	-63,4267267
R^2	0,3460592	0,3619585	0,3706506	0,3712768	0,4159926
Num. obs.	26496	16713	6360	1594	1829

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Е.2 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на индекс постоянного актива Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Наименование показателя	По всем	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	0,73886	1,69825	1,43576	1,73869	-0,80740
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов, %	0,00480	-0,00703	-0,00269	-0,00499	0,01115
Коэффициент покрытия процентов по EBIT, %	0,00112	0,00383	-0,00026	0,00035	-0,00079
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств, %	0,88408	0,51329	0,88012	1,10609	1,19954
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	0,58175	0,57195	0,45608	0,39280	0,29629
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	-0,45494	-0,35364	-0,50389	-0,71236	-0,74750
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности, %	0,13373	0,08374	0,13657	0,05388	0,17297
Раздел А.	-0,00931	-0,04245	0,03061	-0,10335	0,17923
Раздел В.	-0,06130	0,18785	0,22275	0,54524	0,01817
Раздел С.	0,04527	0,01305	0,05336	-0,08398	0,09395
Раздел D.	0,03028	0,03609	0,24993	-0,26858	-0,46791
Раздел Е.	0,17119	0,09193	0,24552	0,62535	-0,04367
Раздел F.	0,12913	0,18608	0,01677	-0,03728	0,07603
Раздел G.	-0,13819	-0,13059	-0,19481	-0,26941	-0,07473
Раздел H.	0,16480	0,14887	0,14230	0,02393	0,33176
Раздел I.	-0,23808	-0,26613	-0,27917	-0,23152	0,23425
Раздел J.	-0,01712	-0,13061	-0,06941	0,19655	-0,06756
Раздел L.	-0,07397	-0,03380	-0,14800	-0,33388	0,50625
Раздел P.	0,14146	0,06650	-0,07154	0,00000	0,00000
Раздел Q.	-0,11484	-0,07159	-0,16969	0,03409	-0,85776
GroupOther	-0,02932	-0,05522	-0,02862	-0,09717	0,07199
FirmBirth	0,00208	0,00361	0,00513	0,00058	-0,00368
InovationWage	0,00608	0,02182	0,01212	0,04036	-0,03701
logZP	-0,00001	-0,00001	-0,00002	0,00001	0,00000
logRND	0,00000	-0,00002	-0,00002	-0,00004	0,00003
EllisonGlaeser	-0,04925	-0,06933	-0,08179	-0,12602	0,01726
HHIs	-0,99475	-7,13839	-2,35170	-12,63413	11,32001
R^2	0,18441	0,12243	0,11733	0,11004	0,44169
Num. obs.	14026	6410	4166	1582	1868

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Е.3 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на коэффициент общей платежеспособности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	1,38320	0,04501	0,17209	2,88228	-8,83394
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов, %	-0,22189	-0,25539	-0,14177	-0,16002	0,05004
Коэффициент покрытия процентов по EBIT, %	-0,11999	-0,13127	-0,08889	-0,07096	-0,04755
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств, %	-0,82560	-1,24761	-0,54260	-0,05357	-0,18304
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	8,86195	8,89368	7,99555	6,74098	6,02675
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	0,22373	0,26326	0,13610	0,05588	-0,13774
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности, %	-0,85473	-1,17818	-0,67284	-0,48473	-0,39076
Раздел А.	-0,13031	0,12183	-0,04630	-0,94017	-0,51377
Раздел В.	-0,52537	-0,85866	-0,18893	0,60942	-0,30465
Раздел С.	-0,44748	-0,22131	-0,53364	-0,35754	0,01924
Раздел D.	-0,07357	-0,56836	-0,14667	-0,12038	0,20070
Раздел E.	-0,17030	-0,40287	-0,03806	0,16556	0,26891
Раздел F.	-0,29952	-0,42656	-0,39305	-0,27738	0,35832
Раздел G.	-0,11959	0,01181	-0,27022	0,03252	-0,04338
Раздел H.	-0,11068	-0,05750	-0,28829	-0,52829	0,05483
Раздел I.	0,30112	0,35770	-0,35472	2,23087	-0,27620
Раздел J.	-0,10531	-0,30901	0,72352	0,53851	-0,68544
Раздел L.	1,21006	1,03170	-0,29994	-0,54516	0,30381
Раздел P.	-0,16920	0,66060	1,66460	0,00001	0,00001
Раздел Q.	0,64594	0,74452	0,57459	-0,39532	-0,50375
GroupOther	-0,00578	-0,08390	-0,40290	-0,41264	1,12138
FirmBirth	-0,00104	-0,00776	0,00933	0,01399	-0,01147
InovationWage	-0,02675	-0,05663	0,05852	0,05100	-0,11823
logZP	-0,00003	-0,00001	0,00001	-0,00002	0,00004
logRND	0,00001	0,00005	-0,00008	-0,00005	0,00010
EllisonGlaeser	-0,14117	-0,07570	-0,18330	-0,10222	0,01102
HHIs	7,01324	14,13675	-3,31119	-16,05162	50,30783
R^2	0,37731	0,38247	0,39456	0,35363	0,51113
Num. obs.	25916	16091	6371	1603	1851

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Е.4 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Наименование показателя	По всем	Микро- предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,1895	-0,3863	-1,1171	0,0808	0,3948
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов, %	-0,0013	0,0013	-0,0051	-0,0080	-0,0146
Коэффициент покрытия процентов по EBIT, %	0,0043	0,0047	0,0034	0,0037	0,0043
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств, %	0,0015	0,0028	-0,0099	0,0009	0,0070
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	0,1195	0,1174	0,1330	0,1081	0,1020
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	-0,0003	0,0026	-0,0059	-0,0085	-0,0055
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности, %	-0,0050	-0,0005	-0,0169	-0,0231	-0,0170
Раздел А.	0,0507	0,0389	0,0683	0,0845	0,0757
Раздел В.	0,0044	0,0160	-0,0072	0,0015	-0,0080
Раздел С.	-0,0147	-0,0107	-0,0118	-0,0174	-0,0128
Раздел D.	-0,0237	-0,0288	-0,0347	0,0218	-0,0209
Раздел Е.	-0,0451	-0,0337	-0,0280	-0,0498	-0,0564
Раздел F.	-0,0057	-0,0079	-0,0028	-0,0185	-0,0266
Раздел G.	-0,0314	-0,0285	-0,0298	-0,0252	-0,0294
Раздел H.	-0,0148	-0,0219	-0,0079	-0,0455	0,0107
Раздел I.	-0,0096	-0,0191	0,0175	0,0874	0,0174
Раздел J.	-0,0273	-0,0217	-0,0142	-0,0308	-0,0535
Раздел L.	0,0303	0,0397	0,0155	0,0279	0,0992
Раздел P.	0,0180	0,0070	-0,0239	0,0000	0,0000
Раздел Q.	0,0305	0,0368	0,0021	-0,0583	-0,0478
GroupOther	0,0382	0,0338	0,0570	0,0224	0,0525
FirmBirth	0,0002	-0,0024	-0,0019	0,0086	0,0026
InovationWage	-0,0033	-0,0042	-0,0001	0,0117	-0,0023
logZP	0,0156	0,0376	0,1114	-0,0135	-0,0376
logRND	0,0079	0,0050	-0,0009	0,0051	0,0096
EllisonGlaeser	0,0013	0,0021	-0,0019	0,0014	-0,0008
HHIs	-0,0107	-0,0106	-0,0027	-0,0091	-0,0080
R^2	0,0847	0,0728	0,1874	0,2082	0,1794
Num. obs.	26870	16969	6449	1609	1843

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Е.5 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на коэффициент маневренности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	1,14346	1,70017	2,73953	2,67608	4,34793
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов, %	0,00013	0,00248	-0,00835	-0,06606	-0,06782
Коэффициент покрытия процентов по EBIT, %	0,02254	0,03534	0,00308	-0,00497	-0,00389
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств, %	1,87702	1,18101	2,55199	3,31544	3,77285
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	0,47572	0,64932	0,18206	0,07669	-0,26251
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	-0,48184	-0,48384	-0,48220	-0,71939	-0,67150
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности, %	-0,00873	-0,00748	0,00054	-0,12992	0,05263
Раздел А.	0,06411	0,06536	0,14342	-0,32024	0,20389
Раздел В.	-0,44857	-0,64309	-0,27271	0,91191	0,03377
Раздел С.	0,16633	0,12753	0,14455	0,04997	0,15432
Раздел D.	-0,17319	-0,32719	-0,21310	-0,45742	0,27785
Раздел Е.	0,16778	0,13604	0,07184	0,93992	-0,15924
Раздел F.	0,21107	0,25227	0,15850	-0,03177	0,14460
Раздел G.	-0,03863	0,04544	-0,16205	-0,33479	0,03019
Раздел H.	0,34325	0,27143	0,32563	0,05145	0,49191
Раздел I.	-0,26482	-0,10228	-0,48939	-0,07000	-0,13940
Раздел J.	-0,00453	-0,01144	0,08483	0,18500	-0,26273
Раздел L.	-0,02375	0,03524	-0,07581	-0,66752	0,38682
Раздел P.	-0,00044	0,13553	0,51217	0,00000	0,00000
Раздел Q.	-0,02493	0,04868	-0,22751	-0,22882	-1,41537
GroupOther	0,02633	-0,03351	-0,00036	-0,02769	0,25337
FirmBirth	0,00002	0,00032	0,00479	0,00342	0,00670
InovationWage	-0,00594	0,00693	0,01860	0,05230	-0,00102
logZP	0,00000	0,00001	-0,00001	0,00002	-0,00002
logRND	0,00001	0,00001	-0,00001	-0,00004	-0,00001
EllisonGlaeser	0,03653	0,05879	-0,01244	-0,14554	0,07499
HHIs	3,53432	-2,35247	-3,93042	-14,06426	-10,45431
R^2	0,18776	0,08815	0,15466	0,26200	0,60757
Num. obs.	25758	16617	6042	1474	1625

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Е.6 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-1,19730	-1,23534	-0,95912	-0,65598	-0,29365
Коэффициент оборачиваемости совокупных активов, %	-0,01470	-0,01175	-0,02141	-0,02352	-0,03109
Коэффициент покрытия процентов по EBIT, %	0,00955	0,01119	0,00864	0,00315	0,00417
Коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств, %	-0,00441	-0,02346	-0,02473	-0,01131	0,04134
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	0,01991	0,00919	0,03169	0,13053	0,11191
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	-0,01049	-0,00485	-0,02102	-0,01773	-0,01981
Доля краткосрочной в общем объеме задолженности, %	-0,00783	0,00046	-0,02207	-0,03159	-0,03905
Раздел А.	0,01568	0,01682	0,02698	0,00756	0,02158
Раздел В.	-0,00753	-0,03867	0,01873	0,10115	-0,10121
Раздел С.	-0,02248	-0,01579	-0,03068	-0,06023	-0,02264
Раздел D.	-0,02194	-0,01395	-0,06434	-0,03961	-0,07014
Раздел Е.	-0,03850	-0,01686	-0,05761	-0,14208	-0,12710
Раздел F.	-0,03026	-0,01451	-0,04228	-0,08626	-0,08823
Раздел G.	0,00820	0,00468	-0,00371	-0,01410	0,02691
Раздел H.	0,01348	0,02199	-0,00555	-0,06849	-0,04347
Раздел I.	-0,01650	-0,00810	-0,01606	0,17646	0,22734
Раздел J.	0,01417	-0,03270	0,01250	0,10687	0,07284
Раздел L.	0,05362	0,06997	0,08163	-0,01584	-0,01797
Раздел P.	0,01813	0,01053	0,01126	0,00001	0,00001
Раздел Q.	-0,02344	-0,01032	0,00460	-0,03592	0,05709
GroupOther	0,03738	0,02691	0,06452	0,07051	0,06498
FirmBirth	-0,00206	-0,00216	-0,00196	-0,00084	-0,00075
InovationWage	-0,01225	-0,01281	-0,00898	-0,00479	-0,00160
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	0,00777	0,00124	0,00445	0,00531	0,02605
HHIs	6,72942	6,94414	5,57311	3,65071	2,49186
R^2	0,05817	0,03090	0,09242	0,23053	0,23503
Num. obs.	27466	17529	6477	1614	1846

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Приложение Ж

Оценка влияния микро- и макрофакторов на показатели операционной и валовой рентабельности предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2018-2023 гг.

Таблица Ж.1 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2018 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	0,04744	0,02679	0,02509	0,00839	0,06190
Чистая норма прибыли, %	0,90727	0,90396	0,90277	0,85003	0,94461
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	-0,00978	-0,00974	-0,01343	0,02882	0,07228
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00030	0,00016	0,00086	0,00154	0,00062
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	-0,05744	-0,06175	-0,05037	-0,00534	-0,16755
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00931	0,00639	0,02343	0,03578	0,01723
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,00090	0,00059	0,01153	0,00237	-0,00126
Раздел В.	0,01271	-0,00008	0,00802	0,06132	0,01724
Раздел С.	-0,00832	-0,00785	-0,00424	-0,00819	-0,00465
Раздел D.	-0,02722	-0,04117	-0,02309	-0,04321	0,00091
Раздел Е.	-0,02344	-0,02097	-0,00573	0,07385	0,04940
Раздел F.	-0,00451	0,00270	-0,00483	-0,02475	-0,01947
Раздел G.	-0,01367	-0,00787	-0,01366	-0,03070	-0,03731
Раздел H.	-0,00064	-0,00174	0,00144	0,00200	0,00151
Раздел I.	0,00693	0,00836	0,01134	-0,01678	-0,01733
Раздел J.	-0,00488	-0,00300	0,01763	0,01254	-0,02457
Раздел L.	0,02486	0,02571	0,01641	0,02917	0,02937
Раздел P.	0,00503	0,01186	-0,05510	-0,04923	-0,02643
Раздел Q.	0,01505	0,01427	0,01858	-0,01588	0,01594
GroupOther	0,01720	0,01918	0,02171	0,00749	0,01664
FirmBirth	-0,00011	-0,00004	-0,00025	0,00063	0,00017
InovationWage	0,00060	0,00069	0,00047	-0,00104	-0,00036
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,000001
EllisonGlaeser	-0,00316	-0,00384	0,00159	-0,00117	-0,00416
HHIs	0,02207	0,03838	0,00576	0,01078	-0,01728
R^2	0,69736	0,71015	0,77459	0,49235	0,59347
Num. obs.	39966	29281	6458	1664	2563

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.2 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2018 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,04411	-0,03626	-0,05437	-0,02986	0,02182
Чистая норма прибыли, %	0,36223	0,32026	0,54111	0,80621	0,96380
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	1,15028	1,17935	1,08332	1,05598	1,05917
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00151	0,00101	0,00147	0,00250	0,00097
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	0,05382	0,01231	0,09013	0,04193	-0,02319
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00889	0,00182	0,01618	0,03853	0,04323
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,04630	0,03689	0,05736	0,02073	0,01780
Раздел В.	0,01325	0,01582	0,00842	0,00640	0,01191
Раздел С.	-0,00398	-0,00491	0,00292	0,00398	0,00017
Раздел D.	-0,01091	-0,02121	-0,00474	-0,02706	-0,00907
Раздел Е.	-0,01684	-0,01680	-0,04015	0,03104	0,01103
Раздел F.	-0,00387	0,00043	-0,00161	-0,00813	-0,01900
Раздел G.	-0,01315	-0,00708	-0,00727	-0,01298	-0,01944
Раздел H.	0,00210	0,00075	0,00216	0,00321	-0,00245
Раздел I.	-0,01136	-0,00875	-0,01057	-0,02234	-0,01894
Раздел J.	-0,00962	-0,01267	-0,00614	0,01982	-0,00884
Раздел L.	0,00416	0,00461	0,01242	-0,00117	0,05369
Раздел P.	0,00953	0,01538	-0,00609	-0,02534	-0,01706
Раздел Q.	-0,00369	-0,00012	-0,00308	-0,00281	0,00065
GroupOther	-0,00193	-0,00233	-0,00364	0,01465	-0,00044
FirmBirth	-0,00032	-0,00037	-0,00035	0,00014	-0,00025
InovationWage	0,00136	0,00127	0,00124	0,00029	0,00051
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	0,00107	-0,00044	0,00217	0,00479	-0,00829
HHIs	0,08696	0,08079	0,10842	0,03830	0,00385
R^2	0,75945	0,74125	0,82988	0,86174	0,85520
Num. obs.	47225	35497	7468	1768	2492

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.3 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2019 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	0,05645	0,05410	0,02606	0,00428	0,00270
Чистая норма прибыли, %	0,91137	0,91204	0,89353	0,97112	0,86481
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	-0,01248	-0,01369	-0,01131	-0,01187	0,05200
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00022	-0,00010	0,00066	0,00184	0,00252
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	-0,07786	-0,08031	-0,07017	-0,04125	-0,12951
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00574	0,00616	0,00391	0,01927	0,01609
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,00049	-0,00382	0,01455	-0,02003	0,02580
Раздел В.	0,01019	0,00866	0,00187	0,00482	0,00671
Раздел С.	-0,01123	-0,01233	-0,00851	-0,01563	-0,00429
Раздел D.	-0,01509	-0,02724	-0,00419	0,00182	-0,00520
Раздел Е.	-0,02786	-0,03502	-0,00633	0,02530	0,00980
Раздел F.	-0,00188	0,00835	-0,01172	-0,03026	-0,02119
Раздел G.	-0,01367	-0,00821	-0,01698	-0,03505	-0,03072
Раздел H.	-0,00024	-0,00053	-0,00002	-0,01240	-0,00890
Раздел I.	0,00762	0,00975	0,01078	-0,01852	-0,01661
Раздел J.	0,00054	-0,00071	0,01472	0,00597	0,01223
Раздел L.	0,01285	0,01712	0,01059	0,00107	0,02143
Раздел P.	0,01110	0,01407	-0,04721	0,08549	-0,00669
Раздел Q.	0,00886	0,01011	0,01355	0,00205	-0,01406
GroupOther	0,01833	0,01978	0,02890	0,00537	0,03169
FirmBirth	-0,00003	-0,00005	-0,00005	0,00027	-0,00008
InovationWage	-0,00020	-0,00073	0,00055	-0,00023	0,00036
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00310	-0,00194	-0,00032	-0,01901	-0,01208
HHIs	-0,01630	-0,02045	-0,03726	-0,01689	0,05332
R^2	0,69863	0,72630	0,67801	0,70220	0,65247
Num. obs.	42269	31070	6964	1738	2497

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.4 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2019 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	0,04711	0,04826	0,04235	-0,00455	0,02211
Чистая норма прибыли, %	0,35277	0,30491	0,56334	0,77968	0,86100
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	1,15888	1,18238	1,10356	0,98977	1,06408
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00138	0,00082	0,00179	0,00259	0,00292
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	0,02462	-0,00677	0,04885	0,06027	-0,05263
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00477	0,00305	0,00195	0,02033	0,02164
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,05573	0,04598	0,05496	0,00516	0,01683
Раздел В.	0,02489	0,01784	0,02999	0,02467	0,01574
Раздел С.	-0,00544	-0,01029	0,00443	-0,00310	0,00738
Раздел D.	-0,01071	-0,00932	-0,00682	-0,03049	0,00414
Раздел Е.	-0,02503	-0,02198	-0,00742	-0,05835	0,01123
Раздел F.	-0,00349	-0,00093	0,00402	-0,02489	-0,01593
Раздел G.	-0,01322	-0,00612	-0,00731	-0,02597	-0,02093
Раздел H.	0,00513	0,00317	0,00256	0,00060	-0,00385
Раздел I.	-0,01157	-0,00727	-0,01700	0,00949	-0,01152
Раздел J.	-0,00877	-0,01681	0,01214	0,00878	0,01719
Раздел L.	0,00604	0,00617	0,02021	0,04460	-0,00945
Раздел P.	-0,00345	0,00907	-0,07444	0,05350	-0,02096
Раздел Q.	-0,00930	-0,00699	-0,02537	-0,00368	-0,01486
GroupOther	-0,00081	-0,00251	0,01006	-0,00031	0,02500
FirmBirth	-0,00028	-0,00036	-0,00010	0,00024	-0,00011
InovationWage	0,00020	0,00029	-0,00058	0,00086	-0,00046
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00128	-0,00313	0,00375	-0,00513	-0,00394
HHIs	-0,07213	-0,06509	-0,07694	0,07523	0,00171
R^2	0,76398	0,75367	0,79473	0,80157	0,88258
Num. obs.	47579	35633	7629	1826	2491

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.5 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2020 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,01059	-0,01243	0,00114	-0,18036	-0,03082
Чистая норма прибыли, %	0,90070	0,89142	0,89697	0,72972	0,80002
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	-0,00726	-0,01081	-0,00008	-0,00615	0,02041
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00057	0,00035	0,00112	0,00168	0,00264
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	-0,07217	-0,08003	-0,08717	-0,06508	-0,06561
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00574	0,00413	0,01049	0,02987	0,01583
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,01223	0,01317	0,02138	0,01368	0,02039
Раздел В.	0,00302	0,00367	0,02949	0,05722	-0,00230
Раздел С.	-0,00766	-0,00572	-0,00414	-0,01733	0,00353
Раздел D.	-0,00992	-0,02148	-0,02537	0,02396	-0,00649
Раздел Е.	-0,02917	-0,02937	-0,01246	-0,01818	0,00125
Раздел F.	-0,00062	0,00416	-0,00820	-0,02577	-0,02070
Раздел G.	-0,00972	-0,00479	-0,01355	-0,04625	-0,01394
Раздел H.	-0,00274	-0,00282	-0,00057	-0,00289	-0,00546
Раздел I.	-0,00287	-0,00435	-0,00455	-0,02938	-0,00145
Раздел J.	0,00276	-0,00681	0,01161	0,01078	0,01536
Раздел L.	0,02393	0,02642	0,02265	0,02033	-0,03304
Раздел P.	0,00709	0,01705	-0,04922	0,04564	0,01030
Раздел Q.	-0,00654	-0,00550	0,00632	-0,03433	-0,00748
GroupOther	0,02020	0,01635	0,02661	0,00253	0,04005
FirmBirth	-0,00005	0,00006	-0,00044	0,00099	0,00035
InovationWage	-0,00175	-0,00256	-0,00210	0,00558	0,00190
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00613	-0,00639	-0,00158	-0,01014	-0,01191
HHIs	0,02723	0,04282	-0,00405	0,11985	0,04438
R^2	0,68773	0,75311	0,72416	0,77675	0,66443
Num. obs.	43663	32165	7255	1783	2460

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.6 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2020 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,05355	-0,06371	0,01029	-0,09360	-0,03700
Чистая норма прибыли, %	0,30863	0,26886	0,54177	0,71839	0,97247
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	1,13896	1,16726	1,12076	1,00242	1,02747
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00165	0,00105	0,00184	0,00171	0,00151
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	0,02963	-0,00123	0,01938	0,02773	-0,01488
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00507	0,00229	0,00534	0,03278	0,02319
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,08991	0,07516	0,08647	0,05172	0,01453
Раздел В.	0,00857	-0,00614	0,01669	0,00025	0,00076
Раздел С.	-0,00436	-0,00730	0,00451	0,00614	0,01225
Раздел D.	-0,02168	-0,02348	-0,00497	0,00840	0,00688
Раздел Е.	-0,02795	-0,02645	-0,02170	-0,04774	-0,02283
Раздел F.	-0,00508	-0,00032	-0,00405	-0,01119	-0,00197
Раздел G.	-0,01381	-0,00535	-0,01007	-0,01923	-0,00539
Раздел H.	0,00008	-0,00085	0,00346	-0,00052	-0,00496
Раздел I.	-0,01198	-0,00627	-0,02312	-0,01386	0,00495
Раздел J.	-0,01347	-0,01047	-0,03627	0,02946	0,01891
Раздел L.	0,00836	0,01238	0,02272	0,01286	-0,07465
Раздел P.	0,00144	0,00665	-0,01859	-0,01190	0,01643
Раздел Q.	-0,00883	-0,00704	-0,01658	-0,02152	0,01095
GroupOther	-0,00121	-0,00052	0,00148	0,01713	0,02415
FirmBirth	-0,00048	-0,00045	-0,00085	0,00017	-0,00001
InovationWage	-0,00154	-0,00099	-0,00238	-0,00136	-0,00072
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00205	-0,00300	0,00427	-0,00088	-0,00937
HHIs	0,04842	0,05451	-0,00440	0,11789	0,05998
R^2	0,72555	0,71717	0,78322	0,77801	0,85179
Num. obs.	47569	35629	7686	1822	2432

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.7 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2021 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	0,02278	0,00800	0,00246	-0,04493	0,00035
Чистая норма прибыли, %	0,89741	0,89187	0,90504	0,88839	0,91062
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	-0,00650	-0,01038	0,00247	0,00385	0,04050
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00026	0,00028	0,00012	0,00189	0,00127
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	-0,07955	-0,09778	-0,06323	-0,07581	-0,01929
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00260	0,00115	0,00497	0,00067	0,02043
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел A.	0,02025	0,01869	0,02906	0,01721	-0,00173
Раздел B.	0,01445	0,03176	0,00871	0,08658	0,00870
Раздел C.	-0,00836	-0,01122	-0,00485	-0,01328	0,00711
Раздел D.	-0,01417	-0,02583	-0,02003	0,01743	0,00115
Раздел E.	-0,02056	-0,02739	0,00976	0,02850	0,02768
Раздел F.	-0,00345	0,00039	-0,00684	-0,00677	-0,01858
Раздел G.	-0,00918	-0,00575	-0,01127	-0,03085	-0,01761
Раздел H.	-0,00288	-0,00387	-0,00007	-0,00286	-0,00218
Раздел I.	-0,00209	-0,00312	0,00511	-0,00022	-0,00815
Раздел J.	-0,00405	-0,00984	0,02268	-0,00442	-0,00241
Раздел L.	0,02299	0,02395	0,01109	0,02531	0,02503
Раздел P.	-0,00941	-0,00139	-0,07158	-0,13165	-0,03468
Раздел Q.	-0,00049	-0,00193	0,00470	-0,00907	0,00001
GroupOther	0,01695	0,01556	0,02353	0,02410	0,01566
FirmBirth	0,00002	0,00006	-0,00006	0,00008	-0,00007
InovationWage	-0,00133	-0,00163	-0,00022	-0,00048	-0,00033
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00749	-0,00994	0,00049	-0,00936	-0,00639
HHIs	0,02000	0,02580	0,01335	-0,00547	0,02440
R^2	0,68085	0,70199	0,64508	0,82861	0,64120
Num. obs.	44138	32637	7431	1793	2277

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.8 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2021 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,02482	-0,00195	-0,06091	-0,00559	-0,03185
Чистая норма прибыли, %	0,31093	0,26261	0,54633	0,87746	0,90293
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	1,12313	1,14878	1,08688	0,99846	1,00407
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00173	0,00115	0,00224	0,00168	0,00171
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	0,08319	0,03838	0,09602	0,02658	-0,00062
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00288	0,00049	0,01087	0,01697	0,02610
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел A.	0,10231	0,08420	0,09380	0,02150	-0,01067
Раздел B.	0,00326	0,01215	-0,00897	0,06044	0,00976
Раздел C.	-0,00242	-0,00654	0,00454	-0,00424	0,00730
Раздел D.	-0,01934	-0,01851	-0,01257	-0,03259	0,01075
Раздел E.	-0,03512	-0,03717	-0,01026	-0,00944	0,04135
Раздел F.	-0,00526	-0,00282	-0,00563	-0,01039	-0,02418
Раздел G.	-0,01219	-0,00712	-0,00698	-0,01766	-0,01665
Раздел H.	0,00027	-0,00064	0,00139	0,00109	-0,00239
Раздел I.	-0,01149	-0,00885	-0,01872	-0,02382	-0,00553
Раздел J.	-0,01425	-0,01854	-0,01558	0,00084	0,01571
Раздел L.	0,00867	0,00947	0,01909	0,02788	-0,00585
Раздел P.	0,00543	0,01139	-0,00878	-0,02118	-0,03592
Раздел Q.	-0,01645	-0,01353	-0,01723	-0,01739	0,00131
GroupOther	-0,00345	-0,00349	-0,01410	0,02498	0,01502
FirmBirth	-0,00018	-0,00018	-0,00022	0,00009	0,00000
InovationWage	-0,00119	-0,00105	-0,00098	-0,00057	0,00031
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00115	-0,00318	0,00166	0,00180	-0,00630
HHIs	0,05193	0,05186	0,04149	0,00835	0,02091
R^2	0,68911	0,68942	0,75271	0,74914	0,85596
Num. obs.	47194	35473	7642	1820	2259

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.9 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2022 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,02695	-0,00431	-0,07046	0,04211	0,02320
Чистая норма прибыли, %	0,88558	0,88288	0,92344	0,81377	0,78711
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	-0,01797	-0,01856	0,00752	-0,03602	-0,01139
Чистые активы Дебиторская задолженность,	0,00050	0,00028	0,00064	0,00121	0,00294
Оплата труда/ Выручка	-0,06555	-0,07992	-0,04685	-0,12905	-0,02482
Совокупный долг/ Выручка	0,00436	0,00327	0,00603	0,02286	0,02709
Выручка /ССЧ	0.0000001	0.0000001	0.0000001	0.0000001	0.0000001
Раздел А.	0,00370	0,01011	-0,00026	-0,00102	-0,00622
Раздел В.	0,02864	0,02683	0,00691	-0,00362	0,09214
Раздел С.	-0,01001	-0,01144	-0,00283	-0,01557	0,00097
Раздел D.	-0,02750	-0,02968	-0,02448	0,00154	-0,01511
Раздел Е.	-0,03203	-0,03667	-0,01141	-0,00981	-0,02347
Раздел F.	-0,00626	-0,00392	-0,00879	-0,02630	-0,03088
Раздел G.	-0,00619	-0,00236	-0,01021	-0,02372	-0,01979
Раздел H.	-0,01295	-0,01489	-0,00266	-0,02656	-0,01033
Раздел I.	0,01041	0,01094	0,00980	0,02173	0,00147
Раздел J.	-0,00475	-0,01131	0,00333	0,00092	0,01051
Раздел L.	0,01766	0,01945	0,02127	0,01190	-0,00572
Раздел P.	0,00993	0,01332	-0,00777	0,04850	-0,04329
Раздел Q.	0,00869	0,01168	0,00071	-0,00954	0,00309
GroupOther	0,02064	0,01794	0,02638	0,03155	0,04663
FirmBirth	-0,00008	-0,00015	-0,00004	0,00002	0,00008
InovationWage	-0,00100	-0,00218	0,00036	0,00193	-0,00045
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00623	-0,00478	-0,00529	-0,01932	-0,01117
HHIs	0,24123	0,28230	0,25387	-0,07788	0,16178
R^2	0,71781	0,73364	0,70167	0,64516	0,56267
Num. obs.	45592	33643	7703	1839	2407

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.10 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2022 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,14208	-0,13121	-0,20702	-0,05910	-0,09647
Чистая норма прибыли, %	0,30367	0,26903	0,54083	0,82503	0,81624
Коммерческие и управленические расходы к выручке, %	1,12108	1,13617	1,09978	0,96900	0,93473
Чистые активы Дебиторская задолженность,	0,00146	0,00115	0,00168	0,00102	0,00202
Оплата труда/ Выручка	0,06468	-0,00454	0,07141	-0,03083	-0,04182
Совокупный долг/ Выручка	0,00466	0,00279	0,00559	0,02346	0,02553
Выручка /ССЧ	0.0000001	0.0000001	0.0000001	0.0000001	0.0000001
Раздел А.	0,07584	0,06162	0,06890	0,00994	-0,00169
Раздел В.	0,01615	0,02116	0,00934	-0,00647	0,06268
Раздел С.	-0,00016	-0,01153	0,00906	-0,00462	0,00547
Раздел D.	-0,02506	-0,02468	-0,03629	0,01032	-0,00635
Раздел Е.	-0,04522	-0,04093	-0,02031	-0,00863	-0,02471
Раздел F.	-0,00713	-0,00297	-0,00391	-0,02672	-0,03140
Раздел G.	-0,00800	-0,00184	-0,00739	-0,01354	-0,01615
Раздел H.	-0,00185	-0,00589	0,00829	-0,03172	-0,01177
Раздел I.	-0,00700	-0,00509	-0,00908	0,02746	0,01500
Раздел J.	-0,01240	-0,01589	-0,02857	-0,00647	0,02415
Раздел L.	0,01188	0,01772	0,02831	0,00831	-0,02468
Раздел P.	0,01386	0,01633	0,01754	0,02141	-0,04913
Раздел Q.	-0,01368	-0,00945	-0,03123	-0,01215	0,01158
GroupOther	0,00277	0,00143	-0,00465	0,03287	0,04700
FirmBirth	-0,00018	-0,00022	-0,00027	-0,00031	0,00004
InovationWage	-0,00132	-0,00155	-0,00074	-0,00066	0,00059
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00349	-0,00236	-0,00198	-0,01326	-0,00773
HHIs	0,60559	0,64299	0,70508	0,19244	0,30562
R^2	0,67882	0,66790	0,77655	0,82345	0,74420
Num. obs.	47326	35361	7761	1830	2374

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.11 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на операционную рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2023 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,00258	0,01147	-0,02231	-0,00594	-0,00072
Чистая норма прибыли, %	0,87726	0,87863	0,87755	0,69719	0,75906
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	-0,01025	-0,01074	0,00449	0,01621	0,01936
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00009	-0,00017	0,00052	0,00039	0,00161
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	-0,05744	-0,08683	-0,05420	-0,08297	-0,06320
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00725	0,00299	0,01363	0,02886	0,02803
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,00279	0,00128	0,00480	0,04592	0,02830
Раздел В.	0,01662	0,02283	-0,00846	0,00417	-0,00125
Раздел С.	-0,01009	-0,01011	-0,00650	-0,00746	0,00527
Раздел D.	-0,02468	-0,03005	-0,04315	-0,03594	-0,03569
Раздел Е.	-0,02559	-0,03240	0,00381	0,00172	-0,02017
Раздел F.	-0,00688	-0,00108	-0,01761	-0,01984	-0,03141
Раздел G.	-0,00847	-0,00556	-0,01377	-0,01872	-0,01987
Раздел H.	-0,01000	-0,01065	-0,00506	-0,02031	0,01011
Раздел I.	0,00993	0,01137	0,01425	0,03980	0,00934
Раздел J.	-0,00254	-0,00451	0,01564	0,00554	0,00276
Раздел L.	0,01803	0,02164	0,02251	0,01494	0,02691
Раздел P.	0,01100	0,01117	0,00206	-0,03558	-0,01098
Раздел Q.	0,01202	0,00916	0,01101	-0,00104	0,00644
GroupOther	0,01787	0,01692	0,02047	0,02678	0,03024
FirmBirth	-0,00008	-0,00011	-0,00007	0,00034	0,00006
InovationWage	-0,00209	-0,00277	-0,00149	0,00343	-0,00129
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00554	-0,00381	-0,00750	-0,01183	-0,00694
HHIs	0,29520	0,34690	0,28466	0,05047	0,16773
R^2	0,70760	0,70988	0,71021	0,59076	0,66422
Num. obs.	44450	32629	7678	1831	2312

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Таблица Ж.12 – Оценка влияния микро- и макрофакторов на валовую рентабельность предприятий Южного макрорегиона на основании регрессионного анализа МНК в 2023 г.

Наименование показателя	По всем	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Крупные предприятия
(Intercept)	-0,11129	-0,10372	-0,09742	0,05430	-0,04646
Чистая норма прибыли, %	0,29050	0,24233	0,52450	0,70846	0,82944
Коммерческие и управленческие расходы к выручке, %	1,16577	1,18634	1,14128	1,04127	1,01735
Чистые активы, RUB / Дебиторская задолженность, RUB	0,00146	0,00103	0,00192	0,00063	0,00139
Оплата труда, RUB / Выручка, RUB	0,08976	0,05105	0,06263	-0,02778	-0,00395
Совокупный долг, RUB / Выручка, RUB	0,00479	0,00140	0,01752	0,03116	0,02957
Выручка, RUB / чел	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Раздел А.	0,05968	0,05054	0,05665	0,04106	0,01389
Раздел В.	0,00583	-0,00202	-0,00291	-0,02039	-0,00640
Раздел С.	-0,00074	-0,00645	0,00495	-0,00309	0,00253
Раздел D.	-0,03358	-0,04089	-0,03361	0,01279	-0,00913
Раздел Е.	-0,02226	-0,02730	0,00036	0,00365	-0,00505
Раздел F.	-0,00298	0,00416	-0,00297	-0,01912	-0,03570
Раздел G.	-0,00947	-0,00143	-0,00791	-0,01429	-0,01580
Раздел H.	0,00224	-0,00453	0,01032	-0,02155	0,00104
Раздел I.	-0,00757	-0,00189	-0,01965	0,01057	0,01900
Раздел J.	-0,00903	-0,00384	-0,01330	-0,00561	-0,01166
Раздел L.	0,01197	0,01901	0,03292	0,04011	0,04009
Раздел P.	0,01379	0,01548	-0,01105	-0,03942	-0,01907
Раздел Q.	-0,01114	-0,00466	-0,01808	0,00097	0,00092
GroupOther	0,00326	0,00382	0,00428	0,01433	0,02533
FirmBirth	-0,00013	-0,00014	-0,00020	0,00001	0,00004
InovationWage	-0,00095	-0,00130	-0,00244	-0,00352	0,00010
logZP	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
logRND	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001
EllisonGlaeser	-0,00560	-0,00155	-0,00290	-0,01081	-0,00697
HHIs	0,46666	0,49487	0,51020	0,11400	0,18319
R^2	0,67922	0,63536	0,73502	0,68532	0,77176
Num. obs.	47048	35191	7706	1826	2325

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Приложение И

Система индексов для динамического управления фрагментацией хозяйственных связей экономического пространства

Для перехода от статического анализа к динамическому управлению устойчивостью экономических систем предлагается система взаимосвязанных индексов. Их синтез позволяет не только диагностировать текущее состояние, но и прогнозировать фазовые переходы, формируя основу для превентивных управленческих решений.

Таблица И.1 – Индексы динамического управления фрагментацией хозяйственных связей экономического пространства.

Индекс и характеристика переменных	Содержание
1. Фундаментальные диагностические индексы:	
1.1. Коэффициент сетевой избыточности (NRC)	
$NRC = \frac{1}{K} \sum_{i=1}^K \frac{C_i}{R_i}$ где К – количество критических функций (производство, логистика, НИОКР), идентифицированных в результате институционального анализа кластера; C_i / R_i – отношение фактического числа исполнителей (C_i) к минимально необходимому (R_i) для каждой i-й функции. Это локальный показатель избыточности.	Данный коэффициент является количественным выражением инженерного принципа «резервирования» применительно к экономическим системам. Он измеряет способность кластера сохранять функциональность при выходе из строя отдельных элементов.
$RSI = \frac{ HHI_{t1} - HHI_{t0} }{\Delta t}$ где ННІ (Индекс Херфиндаля-Хиршмана) – рассчитывается как сумма квадратов долей отраслей в общей специализации региона. $HHI \rightarrow 1$ означает моноспециализацию, $HHI \rightarrow 0$ – диверсификацию; $HHI_{t1} - HHI_{t0}$ – модуль разности индексов ННІ до и после вызова (шока). Отражает амплитуду структурных изменений; Δt – временной период между измерениями. Деление амплитуды изменений на временной лаг дает скорость адаптации системы.	Индекс является операционализацией концепции скорости адаптации из эволюционной экономики. Он измеряет, насколько быстро экономическая структура региона реагирует на внешний шок.
1.3. Индекс трансграничной комплементарности (TCI)	
$TCI = \frac{\sum \min(Export_{Ai\%}, Import_{Bi\%})}{100\%}$	

Продолжение таблицы И.1

Индекс и характеристика переменных	Содержание
где $Export_{\{A_i\%}\}$, $Import_{\{B_i\%}\}$ – доли товарной группы i в экспорте региона А и импорте региона В; $\min(Export_{\{A_i\%}\}, Import_{\{B_i\%}\})$ – функция минимума определяет потенциальный объем взаимовыгодного обмена по каждой товарной группе. Если регион-экспортер не может полностью удовлетворить импортные потребности соседа (или наоборот), учитывается только непересекающийся объем. Суммирование позволяет агрегировать потенциал по всем товарным группам.	Формула является модификацией индекса Грубеля-Ллойда для анализа не международной, а межрегиональной торговли, фокусируясь на потенциале кооперации.
1.4. Коэффициент синергетической плотности (SDC) $SDC = \frac{N_{collab}}{N_{firm}} \times 1000$	
где N_{collab} – количество установленных кооперационных связей (совместные проекты, сделки); $S \times N_{firm}$ – произведение площади кластера (S) на количество предприятий (N_{firm}). Это знаменатель играет роль нормализатора, чтобы исключить искажения от размера кластера и количества игроков. Большая площадь или множество мелких фирм при отсутствии связей дадут низкую плотность; 1000 – масштабирующий множитель для приведения показателя к удобному для интерпретации числовому диапазону.	Коэффициент адаптирует понятие «плотности» сетей из теории графов и социального анализа для измерения интенсивности кооперации в географически ограниченном кластере.
2. Синтез интегральных показателей для управления: 2.1. Формула приоритизации кластеров $Priority = \frac{TCI \times SDC}{RSI} \times \ln(NRC)$	
где числитель ($TCI \times SDC$) – умножение двух индексов усиливает приоритет кластеров, которые одновременно обладают высоким потенциалом кооперации (TCI) и реальной интенсивностью внутренних связей (SDC). Это синергетический мультипликатор; знаменатель (RSI) – высокая скорость адаптации (RSI) может быть признаком хаотичной, неуправляемой перестройки. Размещение в знаменателе понижает приоритет таких кластеров, так как они могут быть менее стабильными объектами для инвестиций; множитель $\ln(NRC)$ – использование натурального логарифма позволяет учесть избыточность, но с убывающей отдачей. Рост NRC от 0.5 до 1.0 существенно повышает приоритет, тогда как рост от 1.2 до 1.5 – незначительно, что защищает от гипертроированного наращивания избыточности в ущерб эффективности.	Данная формула позволяет ранжировать кластеры для точечного применения инструментов государственной поддержки.

Продолжение таблицы И.1

Индекс и характеристика переменных	Содержание
2.2. Интегральный индекс резильентности (ResIndex) $ResIndex = 0,40 \times \frac{NRC}{1.0} + 0.30 \times \frac{RSI}{0.01} + 0.20 \times \frac{TCI}{60\%} + 0.10 \times \frac{SDC}{20}$	
нормирование означает, что каждый индекс делится на свое референтное (нормативное) значение ($NRC=1.0$, $RSI=0.01$, $TCI=60\%$, $SDC=20$). Это позволяет привести разнородные показатели к безразмерному виду и объединить их в одной формуле. Взвешивание означает, что каждому нормированному индексу присваивается вес, отражающий его вклад в общую устойчивость, где NRC (40 %) – базовый «несущий» элемент системы. Без избыточности система колапсирует; RSI (30 %) – ключевой параметр динамической адаптивности; TCI (20 %) – важный, но внешний по отношению к кластеру фактор устойчивости; SDC (10 %) - внутренний фактор эффективности, но менее критичный для выживания, чем NRC.	Показатель, отражающий динамическую диагностику фазы развития системы.
3. Формула экстренной диагностики резильентности $Resilience_Index_{emergency} = (1 - \Delta HHI) \times \Delta EG \times NRC$ где ΔHHI – абсолютное изменение индекса Херфиндаля-Хиршмана за критический период; ΔEG – абсолютное изменение индекса пространственной агломерации (например, индекс Эллисона-Глезера) за тот же период; NRC – коэффициент сетевой избыточности на текущий момент.	Формула основана на гипотезе, что внезапная потеря структурной сложности и пространственной сбалансированности при недостаточной избыточности ведет к системному коллапсу. Чем выше ΔHHI, тем ближе к нулю множитель $(1 - \Delta HHI)$, что резко снижает общий индекс. Находит свое отражение в том, что слишком быстрые структурные изменения разрушительны. Как и в первом случае, высокий ΔEG «обнуляет» вклад этого компонента, сигнализируя о пространственном коллапсе. 3. NRC – показатель в формуле, не основанный на изменении, а отражающий текущее состояние ресурсов системы.

Источник: составлено автором по результатам исследования

Приложение К

Практические рекомендации по совершенствованию региональной политики трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона

Таблица К.1 – Практические рекомендации по совершенствованию региональной политики трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона

Рекомендация	Содержание	Механизм	Принцип
Разработка общей программы развития Южного макрорегиона.	Необходимо создать единую государственную программу социально-экономического развития Южного федерального округа (Южного макрорегиона), которой в настоящее время нет.	«Сверху»: Минэкономразвития РФ утверждает рамочную программу «Самоорганизующийся Юг» с параметрами цикличности (фазы фрагментации/интеграции) и KPI адаптивной резильентности (скорость реконфигурации связей после шоков). «Снизу»: Экспертная платформа кросс-регионального развития макрорегиона (акторы: бизнес-ассоциации, НОЦ, муниципалитеты) ежеквартально корректирует приоритеты на основе данных НН/ЕГ-мониторинга.	Государство задает цели и ресурсы → акторы адаптируют инструменты под локальные «точки синергии».
Устранение межведомственных нестыковок.	Обеспечить согласованность и четкое разграничение показателей между различными государственными программами, действующими на одной территории (на примере программ по Крыму и туризму). Устранить дублирование и противоречия в целевых показателях и методах их расчета.	«Сверху»: Внедрить единую цифровую платформу «Макрорегион» (на базе ФГИС «Электронный бюджет») с автоматической проверкой противоречий в KPI. «Снизу»: Предприятия и НИИ через Экспертную платформу инициируют «регуляторные песочницы» для тестирования кросс-ведомственных решений (напр., упрощенные нормы для агро-логистических кластеров).	Платформа технически устраниет конфликты → «песочницы» позволяют акторам найти оптимальные решения

Продолжение таблицы К.1

Рекомендация	Содержание	Механизм	Принцип
Сочетание отраслевого и территориального принципов.	Разрабатывать комплексный подход, рационально сочетающий территориальный и отраслевой принципы при региональном программировании. Учитывать отраслевую специфику при предоставлении государственной поддержки (налоговые льготы, субсидии), а не только территориальный признак.	«Сверху»: Ввести принцип «функциональных зон»: границы поддержки (налоги, субсидии) определяются не административными границами, а радиусом связей кластера (рассчитывается по индексу EG). «Снизу»: Бизнес-ассоциации формируют «карты комплементарности» (напр., связь виноделия Крыма с туристическими кластерами Кубани) для обоснования зон.	Государство устанавливает методологию → акторы предоставляют данные для ее применения.
Формирование специализации как основы развития.	Сделать приоритетом развитие и углубление специализации регионов Южного макрорегиона (на основе исследований, доказавших ее эффективность для повышения рентабельности предприятий). Поддерживать специализацию в ключевых отраслях: машиностроение, АПК, туризм, транспорт и логистика, химическая промышленность, добыча и переработка сырья.	«Сверху»: Создать Программы кооперационного финансирования МАЭВ (источник – отчисления от ОЭЗ/TOP), финансирующий только кросс-региональные проекты ($\text{НН} \geq 0.2 + \text{EG} \leq -0.05$). «Снизу»: Консорциумы предприятий самостоятельно подают заявки на конкурс «Парадокс Гранберга», доказывая, как их коопeração трансформирует фрагментацию в синергию (напр., совместное производство компонентов для сельхозтехники).	Программа – финансовый стимул «сверху» → конкурс мобилизует инициативу «снизу».
Совершенствование финансовой поддержки.	Снизить процентные ставки по кредитам для бизнеса (учитывая высокую ставку ЦБ и ставки коммерческих банков). Расширить доступ к льготному финансированию через Фонд развития промышленности (3-5 %) и Фонд микрофинансирования предпринимательства (5-10 %). Увеличить лимиты финансирования для МСП.	«Сверху»: Банк России устанавливает спецставку рефинансирования 7 % для проектов, одобренных Экспертной платформой. «Снизу»: Микрофинансовые организации формируют пулы заемщиков по отраслевому принципу (на основе данных EG-индекса), снижая риски и ставки для участников	ЦБ создает льготные условия → МФО и предприятия кооперируются для доступа к ним.

Продолжение таблицы К.1

Рекомендация	Содержание	Механизм	Принцип
Совершенствование финансовой поддержки.	Снизить процентные ставки по кредитам для бизнеса (учитывая высокую ставку ЦБ и ставки коммерческих банков). Расширить доступ к льготному финансированию через Фонд развития промышленности (3-5 %) и Фонд микрофинансирования предпринимательства (5-10 %). Увеличить лимиты финансирования для МСП.	«Сверху»: Банк России устанавливает спецставку рефинансирования 7 % для проектов, одобренных Экспертной платформой. «Снизу»: Микрофинансовые организации формируют пулы заемщиков по отраслевому принципу (на основе данных ЕГ-индекса), снижая риски и ставки для участников	ЦБ создает льготные условия → МФО и предприятия кооперируются для доступа к ним.
Синхронизация стратегических документов	Обеспечить четкую взаимосвязь и синхронизацию целей и задач: - государственных программ (особенно новой общей программы ЮФО) -ациональных проектов -стратегии пространственного развития РФ до 2030/2036 гг. (в части ЮФО) -стратегий и программ развития отдельных субъектов (Крым, Севастополь, новые территории).	«Сверху»: Внести в СПР РФ до 2030 г. параметр «фаза цикла макрорегиона» (определяется по динамике НИ). «Снизу»: Научные центры (КФУ, ЮФУ, СевГУ) разрабатывают «цифровые двойники» стратегий, моделирующие последствия решений для связей между акторами.	Федеральные документы задают рамки фазы → университеты представляют аналитику для адаптации
Применение инструментов пространственного развития	Активно использовать инструменты для усиления межрегиональной связанности и роста: агломерации как драйверы роста, субсидии/дотации, ОЭЗ/TOP/CЭЗ, технопарки, ГЧП, государственный заказ	«Сверху»: Заменить статичные ОЭЗ на «адаптивные зоны синергии» – территории, где 3+ предприятия из разных регионов создают замкнутый ресурсный цикл (например, отходы рыбозавода → удобрения для сельхозклустера). «Снизу»: Бизнес добровольно формирует «зеленые альянсы», подавая заявки на статус зоны.	Государство определяет критерии → акторы создают кооперации под них.

Продолжение таблицы К.1

Рекомендация	Содержание	Механизм	Принцип
Стратегическое планирование и мониторинг	Разрабатывать стратегию пространственного развития Южного макрорегиона через этапы: Постановка целей (с учетом приграничности и связности). Постановка задач (саморазвитие, самообеспечение, углубление специализации). Региональная диагностика и мониторинг показателей. Составление синхронизированной стратегии. Разработка программ с оценкой эффективности затрат. Составление планов с использованием цифровых технологий и математического моделирования. Анализ результатов и выявление причин отклонений. Планировать целевые показатели в натуральном и стоимостном выражении. Регулярно собирать и обрабатывать статистические данные. Корректировать программы на основе кибернетического подхода (динамика входящих/исходящих параметров). Оценивать эффективность полученных результатов.	«Сверху»: Росстат публикует открытые API для НИ/ЕГ-индексов в режиме реального времени. «Снизу»: ИТ-стартапы разрабатывают приложения для бизнеса, прогнозирующие оптимальные связи (напр., сервис «Синергия Юга» для поиска партнеров по ЕГ-комплементарности).	Государство обеспечивает данные → бизнес создает инструменты для самоорганизации.

Источник: составлено автором

Приложение Л

Справки о внедрении результатов исследования

**МИНИСТЕРСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ КРИМ**

**МИНИСТЕРСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

**КЫРЫМ
ДЖУМХУРИЕТИНИНЬ
ИКЪТИСАДИЙ
ИНКИШАФЫ ВЕЗИРЛИГИ**

проспект Кирова, 13, г. Симферополь, Республика Крым, 295005,
тел. приемной: 500-857, 544-361, тел. канцелярии 500-867, факс: 544-328,
e-mail: main@minek.rk.gov.ru <https://minek.rk.gov.ru>

от 09.08.2015 № 04/819

на № _____ от _____

**В объединенный диссертационный
совет 99.2.105.02 на базе**

**ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический
университет», ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет», ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет В. И.
Вернадского»**

СПРАВКА о внедрении результатов исследования, полученных в диссертации Ровенчак Оксаны Игоревны

Положения диссертации Ровенчак О. И. на тему: «Региональная фрагментация экономического пространства как инструмент трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона» имеют прикладное значение для стратегического планирования Республики Крым.

Проведенный анализ региональных социально-экономических показателей, учитывающий влияния концентрации и диверсификации на финансово-экономическую деятельность предприятий, позволил выявить положительное влияние специализации на эффективность деятельности субъектов хозяйствования в условиях фрагментации экономического пространства и разработать организацию программного механизма развития хозяйственных связей Южного макрорегиона. Предложенные сценарии развития территорий с льготным налогообложением позволяют увеличить приток инвестиций и повысить конкурентоспособность региона.

Авторский подход к организации программного механизма развития хозяйственных связей Южного макрорегиона с целью саморазвития и самообеспечения, заключается в совершенствовании денежно-кредитной политики, усилению специализации, а также внедрению функционального подхода к регулированию деятельности свободных экономических зон.

Предложенный организационный механизм развития хозяйственных связей в условиях фрагментации экономического пространства, рассмотрен и может быть использован в процессе деятельности Министерства экономического развития Республики Крым.

Заместитель министра

О. ЧИБЕЛЯЕВ

Исх. № 11-099-025
«21.03.2015г.

В диссертационный совет 99.2.105.02 на базе
 ФГБОУ ВО «Донской государственный
 технический университет»,
 ФГБОУ ВО «Самарский государственный
 технический университет»,
 ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
 университет В. И. Вернадского»

СПРАВКА

о внедрении результатов исследования, полученных в диссертации
Ровенчак Оксаны Игоревны
 на соискание ученой степени кандидата экономических наук
 по специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
 (региональная экономика)

Научные результаты, полученные в ходе диссертационного исследования на тему: «Региональная фрагментация экономического пространства как инструмент трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона» являются подтверждением всестороннего изучения хозяйственных связей субъектов макрорегиона, драйверов территориального развития, регуляторных инструментов и приоритетов региональной политики.

Проведенный компаративный анализ социально-экономического положения Южного макрорегиона выявил сложную энергетическую и транспортную инфраструктуры, определяющие лидерство макрорегиона по многим показателям, в том числе по деятельности гостиниц, общепита и транспортных услуг. Автором выявлено, что основу ВРП составляет деятельность по операциям с недвижимостью и торговля. Лишь на третьем месте находится сельское хозяйство. Такое изменение пропорций структуры основных видов хозяйственной деятельности макрорегиона положение, по мнению автора, свидетельствует о востребованности жилья в южных регионах, активных миграционных потоках и соответствующих социальных проблемах развития территорий. Поскольку Южный макрорегион, в том числе Республика Крым, обладает высоким потенциалом привлечения внешних

Адрес: 295000, Российской Федерации,
 Республика Крым, г. Симферополь,
 ул. Генерала Васильева, 43

Телефон: +7 978 974 44 11
 Почта: crimeatpprf@yandex.ru
 Сайт: crimea.tpprf.ru

инвестиций важно усовершенствовать программный механизм развития территорий.

Также предложены приоритетные направления развития Южного федерального округа, уточняющие принципы, задачи и приоритеты региональной политики, дополненные важными инструментами, помогающими повысить уровень отраслевой специализации и обеспечить саморазвитие макрорегиона.

Практические рекомендации и научные разработки, внедренные в деятельность ТПП Республики Крым, по совершенствованию программного механизма развития хозяйственных связей Южного макрорегиона в условиях фрагментации экономического пространства, служат основой для улучшения качества консалтинговых услуг и проведения презентаций с целью продвижения брэндов и усиления позиций отечественных предприятий на региональном рынке.

Справка выдана для предъявления в диссертационный совет 99.2.105.2 по специальности 5.2.3. - Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика), научное направление - Экономические науки.

Президент

Диюк

Диюк С. Р.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И.Вернадского»
(ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И.Вернадского»)
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
ул. Научная, 1А,
пгт Аграрное, г. Симферополь, 295492
e-mail: mainieucfu@mail.ru

28.05.2025 № 1212 - 10/241

На № _____ от _____

Объединенный совет по защите диссертаций
на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора
наук 99.2.105.02, созданного на базе ФГБОУ
ВО «Донской государственный технический
университет», ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический университет»,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского»

СПРАВКА

о внедрении результатов диссертационной работы
Ровенчак Оксаны Игоревны
на соискание ученой степени кандидата экономических наук
по специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика)
в учебный процесс

Результаты диссертационной работы аспиранта кафедры мировой экономики Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Ровенчак Оксаны Игоревны на тему: «Региональная фрагментация экономического пространства как инструмент трансформации хозяйственных связей Южного макрорегиона», полученные в рамках НИР-прикладная АААА-A21-121011390030-5 на тему «Разработка методологии формирования креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения», внедрены в учебный процесс при преподавании дисциплин: «Геоэкономика и конкурентоспособность России», «Основы внешнеэкономической деятельности» для обучающихся по направлениям подготовки 38.04.01 и 38.03.01 Экономика.

В соответствующих разделах рабочей программы дисциплин «Геоэкономика и конкурентоспособность России» и «Основы внешнеэкономической деятельности» используются следующие научно-методические разработки:

1. Концептуальные основы мирового опыта формирования драйверов территориального развития регионов;
2. Методика анализа региональной дифференциации макрорегиона на основе расчета индексов концентрации и диверсификации экономической деятельности;
3. Усовершенствование организации программно-сетевого механизма развития хозяйственных связей макрорегиона с целью самообеспечения и саморазвития.

Директор,
д.э.н., профессор

В. Е. Реутов

ФОНД ПОДДЕРЖКИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
КРЫМА

295011,
Дом предпринимателя,
ул. Севастопольская 20а,
г. Симферополь,
Республика Крым
8 800 500 38 59
+7 (978) 989 00 60
fond@frbk.ru
www.frbk.ru

Исх. № 02-06 / 1322
18.11.2025 г.

Объединенный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 99.2.105.02, созданного на базе ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

СПРАВКА

**о внедрении результатов исследования, полученных в диссертации
Ровенчак Оксаны Игоревны на тему:
«Региональная фрагментация экономического пространства как
инструмент трансформации хозяйственных связей
Южного макрорегиона»**

В диссертации Ровенчак О. И. определена роль субъектов предпринимательской деятельности как драйверов развития и ядер пространственной кристаллизации, формирующими горизонтальные и сетевые связи в условиях фрагментации экономического пространства Южного макрорегиона.

Разработанные и предложенные научные положения в сфере организации гибкого взаимодействия между органами власти, бизнес-

сообществом и кросс-регионального взаимодействия, а именно: внедрение динамико-сетевого подхода к управлению процессом «кросс-региональной пересборки» и формированием новых хозяйственных связей между субъектами малого и среднего бизнеса, образовательные мероприятия и консультации по адаптивности бизнеса к экономическим шокам, а также созданию новых форм межрегиональной кооперации и региональной специализации, позволяют активизировать реструктуризацию бизнеса, обновить и расширить экономические отношения и получить синергетический эффект от масштабирования сетевых связей.

Практические рекомендации по учету мониторинга устойчивости макрорегиональной системы как динамической адаптивности приняты к внедрению Фондом поддержки предпринимательства Крыма для обеспечения предоставления качественных образовательных, консультационных и информационных услуг предпринимателям и потенциальным субъектам предпринимательской деятельности в рамках реализации национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика».

**Директор некоммерческой организации
«Крымский государственный фонд
поддержки предпринимательства»**

В.В. Ганжара